

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

А.А. БУРОВ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(СПОСОБЫ РЕЧЕВОЙ НОМИНАЦИИ)

Филологические этюды

ПЯТИГОРСК 2010

УДК 802
ББК 81.2
Б 91

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Пятигорский государственный
лингвистический университет»

Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации): Филологические этюды. Монография. Издание 2-ое, исправленное и дополненное. Изд-во ПГЛУ. Пятигорск. 2010. - 304 с.

В исследовании рассматриваются некоторые активные процессы в области русской речевой номинации XX-XXI вв., оказывающие заметное влияние на формирование современной языковой картины мира. Автор предлагает оригинальный подход к обозначению ее фрагментов с позиций концепции номинационно-синтаксического семиозиса.

Книга адресована специалистам-филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся развитием современного русского языка.

Рецензенты: доктор филологических наук профессор П.И. Шлейвис (ПГЛУ); доктор филологических наук профессор В.И.Шульженко (ПятГФА).

ISBN 976-5-4220-0061-6

© Издательство
ГОУ ВПО «Пятигорский государственный
лингвистический университет»
© Буров А.А., 2010

**Homo proponit,
sed Deus disponit**

...Все объяснения *условны*, ибо всякому данному объяснению с равным правом может быть противопоставлено другое, этому – опять новое, - и так до бесконечности. Но все эти объяснения – не «*так*» явления, а лишь «*как если бы было так*», то есть модели, символы, фиктивные образы мира, подставляемые вместо явления его, но отнюдь не объяснение их. Ведь объяснение притязает непременно на *единственность*, между тем как эти модели действительности допускают беспредельный выбор. Объяснение есть точное знание, а эти модели – игра фантазии.

*П.Флоренский**

*Флоренский П.А. У водоразделов мысли/Сочинения в 4-х т. Т.3(1). – М.: Изд-во «Мысль», 2000. – С. 112.

Вместо предисловия

Понятие языковой картины мира все чаще встречается в филологических исследованиях XXI века. Будучи тесно связанным с набирающей объясняющую силу идеологией антропоцентризма, представление о языке как пути познания мира вокруг человека и внутри него (человек как мир и как текст), закрепляемое в способах и единицах номинации (означивание в процессе речевой деятельности), становится фундаментом лингвистического и лингвокультурного кодирования действительности. Здесь же возникают весьма важные моменты региональной локализации языковой картины мира, представляющие интерес в эпоху постепенной гармонизации отношений между русским языком и национальными языками в условиях поликультурного диалога многочисленных больших и малых этносов современной России, в 2006г. обретшей наконец-таки Закон о русском языке как государственном.

Предлагаемая читателям-лингвистам монография написана в жанре филологических этюдов – исследований тех или иных аспектов связи языковой картины мира и номинации в русском языке. Автор придерживается точки зрения, согласно которой русская языковая картина мира является образованием многослойным и многомерным. В нем на статическом уровне функционирует лексический способ номинации, образующий ядро концептосферы (Д.С.Лихачев) и семиосферы (Ю.М.Лотман). Динамический же уровень, определяющий собственно речевую сферу употребления, функционирования называющих знаков, связан с номинационно-синтаксическим семиозисом – приобретением любой синтаксической единицей

способности именовать в текстовом пространстве денотаты и денотативные состояния, выделяемые в процессе когнитивной деятельности Homo Loquens. При этом освоение лингвокультурного кода данного языка (в нашем случае – русского) осуществляется на основе сформировавшихся ценностных начал, имеющих мифологическую природу, этнокультурно маркированных и закрепленных на лингвоконцептуальном уровне за определенными элементами семиосферы, в первую очередь – наименованиями.

Специфика речевой номинации, в отличие от собственно языковой, связана, на наш взгляд, с процессом употребления единиц означивания фрагментов картины мира в тексте, где и формируется то, что принято условно считать номинативным знаком. Если языковая номинация, в основном оперирующая единицами лексико-фразеологического сообщества, представляет статический аспект языковой картины мира, то речевая номинация, в основе которой лежит употребление единиц синтаксического словаря (словарь текста), позволяет говорящему представить денотат во всей полноте его атрибутики, являющейся наиболее адекватной для решения индивидуальных задач коммуникации. Семантическое пространство словарной номинации, вступающей в номинативно-синтаксические отношения с аналогичными микропространствами в тексте, реализует свой прагматический потенциал, и сама возникающая единица как речевой знак становится означивающим отрезком действительности и, соответственно, фрагментом ее языковой картины. Особенно ярко это проявляется в художественно-литературном стиле, который наиболее открыт для выражения тонких,

субъективных, индивидуально ощущаемых оттенков значения единиц лингвокультурного кода.

Анализ «избранных мест» русской языковой картины мира, запечатленной в разного рода текстах, позволяет нам представить характер тех имманентных процессов, которые характерны для речевой номинации, определяющей ее динамику.

Глава I.
**Современная русская языковая картина мира:
аспект речевой номинации**

Есть бытие, но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бдение, –
Меж них оно...

Е.А. Боратынский

В циклической цепи «Его как объективный субъект → мир → текст → Его как дискурс», одновременно и объективной и субъективно-имманентной, языковой личности (ЯЛ) отведена ведущая роль. Homo Sapiens обладает космосом «Его», возможностью проникнуть в глубины микровселенной нашей индивидуальности. И в этом проникновении важнейшим инструментом служит номинация – вербализация «точек отсчёта» наших отношений с миром, денотативных сущностей – реальных и виртуальных. Семиозис фрагментов мира, выстраивающий семиосферу, неизбежно апеллирует и к ментальным сущностям, обобщенным образам вещей, явлений и состояний; этот ментальный «блок» принято считать концептосферой. В поле нашего зрения оказывается линия, связующая номинацию и русскую языковую картину мира, вернее – те стороны номинационного семиозиса, которые обозначились в результате развития теории номинации в трудах прежде всего русских лингвистов конца XIX – начала XX веков [См.: Языковая номинация, 1977; Гак, 1998; Колшанский, 1990; Буров, 1999; Фрикке, 2003; Сахно, 2006 и др.] При этом неизбежно затрагивается ряд вопросов, связанных со смежными явлениями когниолингвистического плана.

Речевое словоупотребление формирует в нашем сознании – как коллективном, так и индивидуальном – то,

что получило название языковой картины мира (ЯКМ) и стало объектом анализа многочисленных отечественных и зарубежных исследований (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Г.А. Брутян, Ю.Н. Караулов, Н.Г. Комлев, Г.В. Колшанский, В.П.Малашенко, В.А.Маслова, А.Б. Михалев, Н.С.Новикова, Ж.П.Соколовская, Е.В.Урысон, Н.В. Черемсина, П.В. Чесноков, А.Д.Шмелев, Е.С. Яковлева, Р. Барт, К.Beldinger, R.Jacobson, G. Lakoff, H. Müller, A.Wierzbicka и мн.др.), представляющих различные теоретические школы, направления и концепции. На наш взгляд, в данной научно-исследовательской парадигме должна быть представлена и теория номинации (В.Г.Гак, Е.С. Кубрякова, В.А. Серебренников, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, В.Н. Телия, Л.К. Жаналина и др.), хотя совершенно очевидно, что в условиях «новой реальности» языкознания рубежа XX – XXI веков (экспансионизм как активный выход в другие научные сферы; антропоцентризм как исследование носителя языка; функционализм, предполагающий учет всех прагматических проявлений языка; экспланаторность – преобладание стремления исследователя объяснить языковые факты) весьма важно определиться не только с системой форм, стоящих за речемыслительной деятельностью, но и способом связи языковых форм с восприятием мира и отражением в них его познания. Иными словами, «деление мира» с помощью языка, осуществляемое посредством вычленения определенных фрагментов мира и их лингвоконцептуализации (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев), предполагает неизбежную вербализацию (в том числе и на парауровне), а следовательно – и выход в способы речевой номинации.

Фактор говорящего как языковой личности, регулирующий отношения в триаде «концептосфера – семиосфера – ЯКМ» и являющийся обязательным для адекватного мировосприятия и миропознания, ориентирует

нас на исследование именно речевой номинации, поскольку только таким путем мы выходим на уровень индивидуальной осязаемости языковой материи как формы закрепления и выражения ДНК культуры, создаваемой человечеством (В. Казарин). Невозможно осмыслить язык как миссию, как философию мира, с его видением и пониманием, вне динамики его способов номинации, которые в данном случае могут осознаваться только как речевые. Стоит ли напоминать о том, сколь интересен в рассматриваемом ракурсе русский язык и его ЯКМ.

Проявляется весьма интересной разрабатываемая в трудах П.В. Чеснокова и его школы теория бинарной ЯКМ [см.: Чесноков, 1989]. Согласно этой теории, в ЯКМ следует выделять две составляющие – статическую и динамическую. Первая из них связана с системой языка, тогда как вторая ориентирована на речь, на употребление единиц языка и их закрепление в процессе этого употребления за определенными фрагментами картины мира. Последние получают семантическую категоризацию в определенных формах мышления и закрепляются за соответствующими единицами словаря, понимаемого как «лексико-фразеологическое сообщество» (Н.М. Шанский). Думается, для того чтобы в процессе речевого употребления единицы языка получали закрепление за фрагментами ЯКМ, адекватное интенциям говорящего как языковой личности, необходимо учитывать объективную метаморфозу «текст → дискурс», когда речевой отрезок понимается как живой динамический процесс, учитывающий знания и коммуникативные установки говорящего в определенной ситуации общения (Е.С. Кубрякова). ЯКМ в таком случае формируется не только на двух уровнях, статическом и динамическом, но и на третьем, более высоком, уровне, когда в условиях

дискурса подключается фактор антропоцентрического порядка, доступный индивидуально мировосприятию и формирующий индивидуальную ЯКМ.

Речевая номинация, фиксирующая этот процесс, на наш взгляд, должна рассматриваться в качестве производного номинационно-синтаксической конверсии, предполагающей семиозис наименования фрагмента ЯКМ в тексте и дискурсе.

Смысл теории синтаксической номинации заключается в следующем.

Рассматривая наименование денотата или деннотативной ситуации как знак, употребляющийся в тексте, мы видим, что данную текстовую позицию может занимать не только однословная номинация, но и номинационная аналитема – как идиоматическая, так и свободная. В любом случае, с позиции употребления в тексте в качестве формы называющего знака выступает синтаксическая единица – от синтаксической формы слова до отдельной предикативной (полипредикативной) единицы. Синтаксический способ номинации, по нашему мнению, оперирует номинативным употреблением единиц «малого синтаксиса», соотносясь с пропозициональным способом (единицы «большого синтаксиса»), а также коррелируя с лексическим и номинационно-аналитическим способами обозначения [см. подробнее: Буров, 1999, II]. Синтаксические наименования (СН) образуют иерархию инвариантно-вариантного плана. В них просматривается универсальная модель «носитель атрибутивного признака – атрибутивный признак»; атрибутивный признак может быть имплицирован в однословной СН, однако чаще наблюдается его эксплицирование – как непредикативного, так и полупредикативного и предикативного порядка. Сравните:

а) На верхних черных сучьях, словно за пюпитрами, сидели горбоносые пичужки... (Мариенгоф).

б) После тщетных попыток одернуть, сорвать что-то с глаз, Кречмар впадал в полубморочное состояние, а потом снова начинало нарастать что-то паническое, нестерпимое, сравнимое только с легендарным смятением человека, проснувшегося в могиле (Набоков).

в) На месте того, кто в рваной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью поводка, темно-фиолетовый рыцарь с мрачайшим и никогда не улыбающимся лицом (Булгаков).

Анализируя «поступательное движение семиозиса», которое постоянно перестраивает знаковые системы, У. Эко считает необходимым «постоянно следить за изменением форм коммуникации, перестройкой кодов, рождением идеологий...» [Эко, 2004: 114]. На наш взгляд, СН-отрезки и являются производными семиозиса, свидетельствующими о «перестройке кода» (словарь языка → словарь текста) и «рождении» новой идеологии наименования, приоткрывающей тайну участия говорящего в именовании фрагментов ЯКМ (антропоцентризм).

Концепция синтаксической номинации позволяет считать наиболее адекватным способом речевой номинации синтаксический способ, формирующийся и проявляющийся на основе любых синтаксических единиц – от синтаксической формы слова до предложения. Для русской ЯКМ наиболее показательно употребление предикативных форм синтаксической номинации – фразовых наименований (ФН). ФН образуются на основе придаточных нерасчлененного типа сложноподчиненных предложений, прежде всего местоименно-соотносительной

их разновидности (Л.Ю. Максимов, А.А. Буров, Я.А. Фрикке, О.С. Сахно). Сравните: Я был только тем, чего//ты касалась ладонью,//над чем в глухую, воронью//ночь склоняла чело.//Я был лишь тем, что ты//там, внизу, различала,//смутный облик сначала,//много позже – черты (Бродский).

Семиотическое прочтение данного контекста предполагает выявление ключевого денотата, определяющего дальнейшее развитие дискурсивного пространства текста, - это эмбрион, зарождение новой жизни в материнском чреве. Русский язык обладает универсальнейшим средством номинации – ФН, семиотический потенциал которого задействуется поэтом. Наименования типа «тем, чего ты касалась ладонью...» уникальны динамическим равновесием предикативной синтактики и субстантивной семантики, чье взаимодействие и позволяет автору решать сложные задачи представления фрагмента ЯКМ. Коррелятно-релятный блок «то, что» проецирует в пространстве синтаксической номинации план неодушевленного концепта, однако сам текст придаточной части позволяет представить атрибутику зарождающейся жизни, одушевления денотата. Метаморфоза, происходящая у нас на глазах, апеллирует к сенсорике отдельных деталей материнского творения, но главное – тайна зарождения жизни – остается вне атрибуционного анализа. Смысл базового концепта оформляется имманентно, а в речевой реальности мы имеем дело уже не с единицей словаря, языка, а с ФН – целым фрагментом текста, а точнее – дискурса. Это хорошо видно, когда употребление ФН совмещает дескрипционную и дефиниционную функции (собственно, основные и важнейшие употребления предикативных наименований). Например: Экспонат номер Первый представляет собой то, чему так

завидовали Эдгаровы серафимы – худо-обследованные, простодушные, благороднокрылые серафимы (Набоков).

Заметим, что косвенно-падежная форма релята «чему» предопределяет отчетливо выраженный метахарактеризующий план участия языковой личности автора (говорящего) в описательном представлении называемого.

Внутренняя форма ФН подобного типа, в образовании которых весьма важную роль играет местоимение (наречие) и коррелят, проецирующие номинационное пространство ФН, включает именно те признаки (и именно такое их количество), которые представляются говорящему необходимыми и достаточными для речевой фиксации определенного фрагмента ЯКМ.

Микропространство местоименно-соотносительного блока ФН часто осложняется интерпозитивным субстантиватом или рядом субстантиватов, часто с зависимыми словами. Сопоставим ряд примеров употребления ФН в эфемистической функции [Сахно, 2006]: а) То маленькое, грязное и злое, что будило в нем презрение к людям и порой вызывало даже отвращение к виду человеческого лица, исчезло совершенно (Андреев). б) Склонив к плечу голову, с бьющимся сердцем, Бестужев жадно всматривался в то страшное, уже холодевшее, что тонуло в постели (Бунин). в) В последний год нашей жизни в Каменке я перенес первую тяжелую болезнь, - впервые узнал то удивительное, что привыкли называть просто тяжелой болезнью и что есть на самом деле как бы странствие в некие потусторонние пределы (Бунин).

Субстантиваты в данных случаях способствуют первичной конкретизации, своеобразной дезэфемизации обозначаемого описательно. Осложнение пространства внутренней формы номинации фрагмента мира – денотативной ситуации, состояния усиливает

экспрессивный полюс в динамическом уравновешенном блоке «денотация – экспрессия», однако не снимает общего состояния неопределенности, даже аппроксимации, присущей в целом употреблению всех ФН, и в особенности тех, коррелият местоименно-соотносительного блока которых выражен дейктивом с неопределенной семантикой. Сравните: Было кое-что, что представлялось еще более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический рассказ о похождениях Пушкина, и это что-то было изменением во внешности и манерах администратора (Булгаков).

В последнем контексте субстантиват «необъяснимым» («необъяснимое») употреблен в составе предиката ФН, что позволяет автору осуществлять метахарактеристику денотативной ситуации в эксплицитной форме. Метаплан имплицирован в случае интерпозиции субстантивата в блоке «коррелият+релят», ср.: Было кое-что ещё более необъяснимое, что... Непредикативная и предикативная модели аппроксимационной номинации, в принципе, рекуррентны; их номинационный изоморфизм как знаков разных синтаксических подуровней очевиден. Развертывание во ФН скрытой предикации субстантивата формирует новый план пространства внутренней формы называющего знака, что, без сомнения, является прерогативой речевой номинации и во многом меняет характер ЯКМ в целом.

Употребление подобных номинационных речевых единиц открывает недоступную словарному способу обозначения возможность синтеза двух ступеней атрибуции: первичной, заложенной во внутренней форме наименования, которое устоялось, стало привычным для восприятия словоупотребления, и вторичной, развертываемой в пространстве синтаксической номинации расчлененного (описательного) типа. Благодаря этому не

только реализуется номинационный потенциал базового знака денотата или денотативной ситуации, но и происходит обогащение наименования за счет включения в пространство номинации атрибутики, маркированной авторскими интенциями. Восприятие денотата приобретает естественно-динамический характер за счет синергетики синтаксиса; функции словаря расширяются за счет его текстового, речевого осмысления; происходит обновление самой идеологии номинации и, соответственно, ЯКМ в целом.

Возможность назвать денотат во всей полноте его признаков или в том атрибутивном ракурсе, который необходим для говорящего в определенной коммуникативной ситуации, - это прерогатива синтаксического способа номинации, позволяющего по-новому взглянуть на те объективные изменения, которые происходят и в самом русском (и не только) языке, и в речевом поведении его носителей, и в психологии восприятия мира и его фрагментов, и в мышлении, которое сегодня достигает очень высокого уровня абстрагирования и синтетического «видения» мира и его элементов во всей полноте их проявления.

Пространство синтаксической номинации – это во многом пространство атрибуции, осложнение которого меняет наш взгляд на «объём» именованного. В самом деле, разве не наблюдаем мы авторский поток адекватного знака за счет выравнивания атрибутики и форм ее выражения, помимо описанных выше случаев с фразовыми наименованиями, когда а) происходит «линейный» поиск «сути» денотата через усложнение его атрибуционного «портрета» (*С рёвом ходят горы чёрной воды в свадебных венцах кипучей пены (Толстая)*); б) развитие атрибутивного фона через косвенно-речевые формы предцирования признаков (*Глубокой ночью он взлелеял мысль о*

том, хорошо бы стать во главе какого-нибудь небольшого, но чистого движения (Толстая); в) поиск «вторых имён» денотата через использование атрибуционного потенциала номинативных моделей предикации (*Совершенно необразованный, чудной такой старикан, борода до колен и глаза такие пронзительные-пронзительные...* (Толстая).

Мы видим, что подход к обозначению с позиции речевой номинации открывает возможность удовлетворить авторские интенции и представить денотаты или денотативные ситуации с максимальной степенью семантической и экспрессивной достаточности.

Исследуемые нами способы синтаксической номинации речевых фрагментов ЯКМ подтверждают мысль об избирательном восприятии элементов субъективно, индивидуально ощущаемой действительности, которая существует вне познающего субъекта. То «поле опыта» [см.: Maturana Н.], которое обладает признаками когерентности, взаимосвязанности и взаимообусловленности элементов системы внутри познающего индивида, отражает и интенциональный, узконаправленный характер интерпретации мира. Объясняется это, по мнению Р. Солсо, как недостаточной «пропускной способностью» канала передачи чувственно воспринимаемой информации, так и неспособностью индивида к обработке всей сенсорики одновременно [Солсо, 2002: 104 - 105].

Формирование «поля опыта», о котором говорит Х. Матурана, направлено на то, что в обращении с денотатом значимо для данной ситуации. Речевое поведение фиксирует в языковой форме, таким образом, не изначально данный статический концепт, а динамическое его состояние, проявляющееся при контакте с ним, при реализации его практически значимых, адекватных коммуникативной ситуации сторон. Поэтому представляется оправданным перенесение акцента в лингвоконцеп-

тологическом анализе с направления «от концепта – к языковым средствам его выражения» [см.: Воркачев, 2004: 34] на направление «от языковых средств выражения – к концепту», что даст возможность «воссоздать структуру концепта, выявить области, входящие в его состав, вычленив и проследить функционирование связей между этими областями...» [Алимурадов, 2006: 5]. Соответственно, анализ концептосферы как одного из высших уровней ЯКМ позволит устанавливать как динамику взаимообусловленности ментальных областей, так и ту роль, которую играет в процессе лингвокогнитивной деятельности языковая личность, оперирующая речевым материалом организующая каждое данное ментальное пространство посредством определенных единиц номинации (семиосфера).

Мы считаем, что именно в речи возникают наиболее оптимальные условия для адекватного (по отношению к интенциям говорящего) семиозиса номинативных единиц, которые позволяют проникнуть в сущность самих ментальных единиц и проследить динамику их вербализации в дискурсе. Номинационно-синтаксический способ номинации, таким образом, выводит дискурс на более высокий уровень отражения мира, что позволяет нам предположить существование многоуровневого пространства дискурсивности.

Введенный во II половине XX века во французской лингвистической школе (М. Фуко, П. Вейн, Ж. Лакан, Э. Бенвенист, П. Рикёр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, А. Греймас, Ж. Курте и др.) термин «дискурс» был призван сыграть роль «третьего» звена в сосюрловской оппозиции «langue – parole»; это же имел в виду бельгийский лингвист Э. Бьюиссанс, когда определял дискурс как комбинации сем, реализация которых позволяет говорящему реализовать код языка [см.: Бьюиссанс, 1977].

Дискурс видится нам многослойным пространства высказывания, объединяющим ряд речевых ситуаций. В его иерархии можно выделить, по крайней мере, три слоя. Нижний слой, имеющий метаязыковой характер, представляется нам областью подтекста, глубинных смыслов, метаситуаций. Средний слой дискурса имеет вербальную, собственно языковую природу, это уже область текста. Наконец, высшему слою дискурса присущ надязыковой характер, ощущаемый сугубо индивидуально и проявляющийся на уровне языковой догадки, интуиции, «шестого чувства» и т.д. Функционально-прагматические особенности производных синтаксического способа речевой номинации, с одной стороны, сами обнаруживаются в тексте, воспринимаемом нами как дискурс, а с другой – способствуют осознанию деления этой дискурсивности на составляющие отрезки, адекватные тем фрагментам действительности, чьи образы предопределили выбор соответствующих концептных сущностей. Тем самым возникает необходимость в переосмыслении подхода и к словарю, и к ЯКМ.

Динамизация наименования за счет энергетики синтаксической единицы выводит на качественно новый уровень осмысления связи между денотатом и называющим знаком, когда говорящий получает возможность формировать и индивидуальную, и социальную ЯКМ на тех основаниях, которые позволяют наиболее адекватно включиться в связь «мир – язык – дискурс» и осуществить выход в дискурсивное пространство, смысловой объем которого шире объема семантики речевого высказывания. Ощувив момент исчерпанности, предельности словарного способа номинации, благодаря синтаксическому способу обозначения мы выходим в высший слой дискурса, где приоткрывается сложная

природа лингвистического концепта и соответствующего ему фрагмента ЯКМ.

Вполне понятно, что наибольший интерес вызывает номинационно-синтаксическая фиксация речевых фрагментов художественной ЯКМ. Речевая номинация образно воспринимаемого мира особенно индивидуальна и субъективна, ей доступно эстетическое познание сложных и тонких нюансов не только мироощущения, но и человеческих взаимоотношений.

Образное восприятие денотата в своем ожидании сталкивается со стиранием мифологичности, когда демифологизация несет ощущение «порога», предела индивидуальной ЯКМ. Поэтому «узнавание» образа ее фрагмента далеко не всегда адекватно: реальность уничтожает образность. Генезис мифологического начала, закрепленного во внутренней форме наименования как знака неизбежен, хотя и проявляется как дифференциация и специализация мифоосвоенности и, соответственно, демифологизации. Эта неизбежность прямо обусловлена речевым характером употребления номинации, приводящего в движение сам процесс связи денотативной ситуации со знаком, что и фиксируется в акте семиозиса СН фрагмента ЯКМ.

То, что любая номинация, в том числе синтаксическая, обладает мифогенным характером, очевидно, как очевидно и то, что при речевом употреблении наименования происходит реконструкция и модификация мифологического основания как следствие отбор его свойств, нужных говорящему. Наименование, в том числе СН, «скользит по наклонной плоскости реальности» (С.О. Карцевский), и говорящий осуществляет его реконструкцию, а по сути – деструктурирует миф. Мифогенность называющего знака – это постоянное возрождение уходящего в ожидании его обновления в

приходящем, это диалектика амбивалентного сосуществования теряемого и обретаемого смысла. В номинации, деструктурированной в речевой деятельности индивида, мифологическое (архитипическое) «начало» находится в пространстве внутренней формы знака в состоянии точки пересечения, диалога миров и их картин. Как бы питаясь мифом, его архетипикой, внутренняя форма знака убивает его изначально, обрекая на игровую деформацию, мифореставрацию: *деструкция* → *конструкция* → *реконструкция*.

Если художественная языковая личность формирует в тексте номинацию, она выходит на уровень своеобразной метарецепции, делая это бессознательно (З. Фрейд). Введение в обиход речевого общения названия денотата (Ж. Деррида), предчувствие контакта слова и вещи – номинации и денотата (М. Фуко) невозможны вне мифологии – источника, глобального сгустка смыслов, рождающегося, развивающегося, умирающего и воскресающего «начал» внутренней формы номинации, своей динамикой обязанных речевой природе номинационного акта. С другой стороны, именно данное свойство наименования предопределяет как текучесть текста и дискурса, так и развитие собственно ЯКМ. Именно поэтому речевое поведение языковой личности направлено на поиск новых способов речевой номинации, которые позволили бы синтезировать нестандартное и универсальное. Одним из таких способов мы считаем номинационно-аналитический способ, когда синтагматическая форма выражает нетипичную семантику. Ср. употребление окказиональных фразеологизмов (*Мне чело сковал терновый//Свадебный венок* (И. Гринева) и оксюморонных сочетаний (*Есть в существе Модеста что-то для меня несказанно привлекательное, и я не сумею лучше определить это «что-то», как словами:*

ледяная огненность (В. Брюсов). Последние показательны номинационной связанностью, когда проявляется симбиоз денотативной соотнесенности и яркой экспрессивности и синтаксическая структура вступает в своеобразные отношения с номинационной семантикой. Игровое начало, лежащее в основе наименования, создает в тексте новую мифологию, которая вносит изменения в индивидуальную ЯКМ.

В процессе своего формирования русская ЯКМ проявляется как бивалентное состояние индивидуального сознания, в котором наблюдается взаимодействие актов языково-ментальных и рече-ментальных, что может рассматриваться как основание для разграничения концептуального представления мира, с одной стороны, и ситуационно-речевого его представления – с другой. Инновационным шагом к осмыслению ЯКМ, на наш взгляд, является подход к изучению способов и единиц речевой номинации с позиций динамического синтаксиса (Л.Ю. Максимов, В.В. Бабайцева, К.Э. Штайн и др.), в частности – исследование синтаксической номинации как универсальной речевой формы означивания фрагментов ЯКМ. Ситуационно-речевое представление действительности осуществляется посредством производных номинационно-синтаксического семиозиса, когда обозначение осуществляется на основе сформировавшихся в языке моделей синтаксических единиц, наполняющихся семантикой в процессе выстраивания текста (дискурса).

Представляется весьма перспективным исследование вопросов, связанных с синергетикой номинационно-синтаксического семиозиса. Синтаксическая номинация, выходящая непосредственно на уровень речевого употребления, основана на самоорганизации текста и его единиц, и в первую очередь номинационных. Синергетичность наименования, формирующегося в тексте,

очевидна, равно как очевиден и индивидуальный характер ЯКМ, возникающий в нашем сознании в результате подобных номинационных актов.

Таким образом, несомненна диалектическая связь между речевой номинацией, её способами и единицами и формирующейся в сознании индивида ЯКМ.

Глава II.

Кирилло-Мефодиевская традиция и формирование русской языковой картины мира

На формирование русской ЯКМ огромное влияние оказала и оказывает письменность. Кирилло-Мефодиевская традиция знаменует собой передачу из поколения в поколение великого Божественного Откровения середины IX века, когда солунские братья подарили славянскому миру путь к Истине, консолидации и миру — собственную систему письма. Перевод богослужебных книг с греческого языка, выполненный вначале глаголическими, позже - кириллическими письменами, ставил своей целью «крестить славян», для чего нужно было «специальное письмо», которым Кирилл и Мефодий, а позже их ученики «писали славянские переводы священного писания и книг церковной службы» [Нидерле, 2000: 452]. Именно этим глаголица и кириллица отличается от всех ранее имевших место у славян видов письма — «черт и резов», рун новгородских волхвов, других, еще неразгаданных систем письменности (см., например, публикацию «Раньше кириллицы и глаголицы...» в газете «Пятигорская правда» за 2005 г., № 56).

Кириллическая азбука стала первой когнитивной «моделью мира» всех славян, в том числе и восточных, когда алфавит становится одновременно и кодом, и текстом [Степанов, 1997: 438 и след.], и, надо полагать, духовным «туннелем», связывающим грамотного человека с Богом,

Под ЯКМ мы понимаем динамическое состояние языка, рассматриваемое в качестве равнодействующей множества проекций индивидуальных и социальных проявлений языкового сознания, которое отражает культурную жизнь социума на определенном отрезке его эволюции [см.: Буров, 2003]. По крайней мере, три варианта ЯКМ можно

наблюдать в современном познании действительности посредством языка:

- 1) наивно-когнитивный (бытовой);
- 2) научно-когнитивный;
- 3) индивидуально-когнитивный (религиозный).

Первый вариант, наивно-когнитивный, носит бытовой, естественно-спонтанный характер и отражает возможность стихийного мировосприятия и познания телесных субстанций (в первую очередь посредством языка). Такова диалектная ЯКМ любого народа, не имеющего письменности (ср. языки восточных славян до христианизации и появления кириллицы). Современное просторечие и полудиалект: основываются именно на такого рода ЯКМ.

Второй вариант ЯКМ, научно-когнитивный, предполагает научное осмысление действительности в языковых формах, отражающих логическое расчленение образов мира и их обобщение (структуризация и систематизация фреймов). Здесь уже наблюдается использование разных метаязыковых моделей в специальных областях когниции. В отличие от первого варианта, данный вариант ЯКМ имеет дело не с естественным признанием со стороны носителя языка необходимости подчинения своей познавательной способности природе, имманентного признания ее законов, а с логическим проецированием их в абстрактных языковых моделях (ср. семиологическое деление знаков, фиксирующих денотаты окружающего мира, на иконы, индексы и символы у Ч. Пирса, Ч. Морриса, Ю.С.Степанова), определением их пресуппозициональных и пропозициональных свойств и возможностей употребления в речевых актах коммуникации. Естественно, что научно-когнитивный вариант ЯКМ формируется и развивается благодаря письменности и переходит в особое, новое,

состояние с развитием языка компьютерных технологий как способов означивания мира в виртуальном тексте.

Мы связываем данный вариант ЯКМ с научным познанием телесного и духовного (психического) начал Homo Sapiens и кризисом этого познания на уровне метаморфозы «личность>матрица».

Возникновение письменности, как Божественный Промысел, знаменует рождение не только научной когниции и соответствующей ЯКМ, но и когниции иного рода, связанной с осознанием — в языке и через язык — языкового (речевого) субъекта, говорящего, мыслящего и чувствующего Ego — того, что обретает феноменальность в языковой личности. К сожалению, современная теория языковой личности рассматривает когницию лишь как один из структурных уровней проявления индивидуальности в языке, наряду с вербально-грамматическим и прагматическим уровнями [см.: Караулов, 2002], хотя совершенно очевидно: адекватность корреляции «мир-человек» определяется тем, насколько полно и последовательно реализуется творческий потенциал Ego как проекции Творца, Ego, раскрывающего свою неповторимую в каждом данном речевом акте сущность. Ясно и то, что словарь говорящего — это не словарь языка: мы не общаемся с помощью базовых семем, инвариантно представленных в словаре лексико-семантическими микрополями (словарное гнездо моно- или полисемантического типа), а употребляем единицы словаря в их оттеночном-семантическом и экспрессивном проявлении в тексте. Именно поэтому только синтаксический словарь, основанный на реализации принципов номинационно-синтаксического семиозиса, способен зафиксировать истинную семантику в условиях остановленных мгновений бытия номинации в тексте [см.: Буров, 2003]. Так мы выходим на третий уровень ЯКМ — индивидуально-когнитивный,

чьим основанием и целью является познание как приобщение к тайне сотворения связанное с постижением Духа, который отразился в человеке и его языке. Думается, такой подход к ЯКМ соотносится с представлением о троиственности человеческой субстанции, включающей тело, душу и Дух. Именно третий, высший вариант ЯКМ позволяет нам индивидуально ощущать присутствие духовного начала в нас самих как носителях Слова («В начале было Слово, и Слово было к Богу, и Бог был Слово», как сказано у Иоанна).

П. А. Флоренский в связи с этим напоминает: «...мы постоянно забываем, что наша реальность есть только подражание другой, высшей ее реальности, и что ценна она не сама по себе, а как носительница этой высшей реальности...» [Флоренский, 2000:53].

Возвращаясь ко временам деятельности Кирилла и Мефодия и их Узников, следует заметить, что восточные славяне еще долгое время после официального крещения Руси князем Владимиром в 988 г. сохраняли языческие традиции. Они были обусловлены такими факторами, как полидиалектность ареала — основа фольклорного богатства, древней архетипики и мифологии. Билингвизм древнерусского литературного общения стал своеобразной альтернативой формированию единой ЯКМ, поддерживая ее во многоуровневом состоянии своеобразного динамического равновесия, регулируя сложную систему стилевых узусов; их баланса и дисбаланса. Отсюда — и рефлексия и феноменологичность языкового сознания, «русскость» (В.П. Вышеславцев), эмоциональное богатство, антипрагматизм русского художественно-литературного текста (А. С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, М.А. Булгаков).

Со временем старославянский язык вышел на уровень отдельного стилевого микроузуса (церковнославян-

ский стиль), узкого, камерного, оказывающего исключительно благотворное влияние на духовное начало в языке и культуре в целом и на состояние индивидуально-когнитивного уровня ЯКМ — в частности. В антитезе к нему оказалась современная русская разговорная речь, формирующая сегодня новый вариант наивно-когнитивной ЯКМ, потенциально открытой, подверженной воздействию сленговых и региолектных метаморфоз, мутаций, варваризации как расшатывания ЯКМ в целом со стороны «злых сил». В этой ситуации особую роль в формировании ЯКМ должен сыграть уровень научной когниции, в том числе — филологической науки, изучающей историю языка.

Успех книжно-письменной традиции исторически был предрешен: она исходила из языкового источника, очень близкого восточным славянам - известно, что в основу старославянского языка были положены македонские говоры древнеболгарского языка. Степень языкового родства же восточных славян была настолько высокой, что в период зарождения и развития Кирилло-Мефодиевской письменной традиции различия в лексических изоглоссах в ареале Карпаты-Волга по широте и Белое море-Черное море по долготе не ощущались в течение долгого времени. Это обстоятельство значительно облегчало быстрое усвоение нового письма. Заметим, что все славяне, несмотря на распад общеславянского языка в VI в. нашей эры, по сей день ощущают былое языковое родство.

Старославянская письменность, придя на Русь одновременно с крещением и принятием князьями Киевскими христианства, логично и естественно легла в основу книжно-письменной формы древнерусского билингвизма. Однако нет никакого сомнения в том, что воспринятые вместе с ней идеи не нашли отклика в сердцах восточных

славян. Далеко не случайно столь проблемно в истории русского литературного языка определение характера и природы русской языковой литературности (ср. тт. зр. С.П. Обнорского, А.М. Селищева, В.В. Виноградова, Р.И. Аванесова, В.В. Колесова, Г.А. Хабургаева и др. ученых). Нам представляется, что в устно-литературной форме билингвизма Киевской Руси и всех восточных славян отразилась сложная эволюция языковой идеологии на пути к Христианизации как единственной когнитивной возможности открытия Духа в душе носителей древнерусского, позднее — современного русского языка и, соответственно, ЯКМ. Достаточно вспомнить отечественный фольклор, чьи речевые жанры включают в большинстве своем весьма неадекватные трактовки человеческого бытия на пути к Божественному Промыслу. Вот почему столь важна церковнославянская (старославянская) книжно-письменная традиция, формирующая уже на протяжении второго тысячелетия новый тип восточнославянской и русской ментальное. Ю.Н. Караулов, вспоминая публичную лекцию Н.Д. Арутюновой, посвященную семантико-типологической характеристике русского языка в его сопоставлении с другими (в частности — западноевропейскими), отмечает, что лектором были приведены языковые факты и характеристики «русскости» как основы ЯКМ, отличающие ее от аналогичных моделей и показательные для «русского национального духа», рассматриваемого не только со стороны языка, но и со стороны культурных и духовных ценностей, идеалов, надежд. «Русский человек чаще всего не знает, чего он хочет, куда его тянет, отчего ему грустно или весело», — указывал Б.П. Вышеславцев [Вышеславцев, 1995: 113]. Носитель русского языка поэтому склонен рассматривать время как пространство, в речевом выражении тяготеет к стихии, а не к сознательной деятельности; ориентируясь не на нормы, а на отклонения от них, аномалии, испытывая

уважение к чужому, а не к своему; он тяготеет к неопределенной окраске высказывания, а не к определенности и т. д. [Караулов, 2001: 5]. Все эти моменты, отражаясь в русской ЯКМ, характеризуют прежде всего ее первый, наивно-когнитивный, вариант, хотя и влияют на научную когницию. Что же касается индивидуально-когнитивного варианта ЯКМ, то он, сточки зрения русской ментальности, естественным образом преодолевает эти «начала». Более того, духовный уровень ЯКМ гармонизирует проявление всех основных ее составляющих, выявляющихся на когнитивно-научном уровне: геотнической, этноментальной, социолингвистической, эстетической, коммуникативной, этической и др.

Кирилло-Мефодиевская традиция, открыв путь восточным славянам к христианству, сделала именно его «внутренней формой» языковой идеологии, языкового сознания и, соответственно, и ЯКМ. Возникнув в определенное время как духовная потребность, старославянская письменность прошла тернистым путем сложных взаимоотношений с язычеством, с другими системами письма (например, с латиницей) и религиями (ср. мусульманство). Но, может быть, поскольку создаваемое солунскими братьями имело духовную первопричину, все дальнейшие последствия, проявления письменности восточных славян имели прочную основу.

Мы рассматриваем Кирилло-Мефодиевскую традицию как наследование духовных индивидуально-когнитивных возможностей монокультурно го и межкультурного диалога (полилога), открываемых письменностью. Диалектика отношений христианского письма с языческой традицией в Древней Руси (Киев, позднее — Москва) по сей день определяет сложный характер духовности, социальной психологии, языковой идеологии и коммуникативного сознания. То, что было создано Кириллом и Мефо-

дием чисто в духовных целях, в исторической традиции раздвоилось на духовную и политизированную часть. Наша задача — защита духовной части этой великой традиции и поддержание развития и совершенствования индивидуально-когнитивного уровня ЯКМ. Только таким образом можно противостоять тому нравственному распаду, который совершенно очевидно обозначился в жизни нашего общества в начале третьего тысячелетия.

Языковое сознание современного русского социума, складывающееся из множества духовных составляющих, крайне нуждается в осмыслении на индивидуальном уровне великой истины, сформулированной С. Вырицким: «...знай и помни, что всякое жало притупится, когда ты научишься во всем видеть Меня. Все послано Мною для совершенствования души твоей, — от Меня это было» [Вырицкий, 2001: 10]. В преодолении гордыни, так мешающей адекватному формированию ЯКМ, нам должны помочь синергетичность как признание саморазвития и отрицание и абсолютного порядка, и абсолютного хаоса (Б. Мандельброт); пассионарность как способность к самоконцентрации ради достижения высокой духовной цели (Л. Н. Гумилев); креативность как созидание и творчество в противовес деконструкции; конечно же, и толерантность как терпимость и умение прощать слабость ближнего своего.

Кирилло-мефодиевская традиция, на наш взгляд, завещала нам именно эти ценностные начала языковой личности, формирование которых заставляет нас вслушиваться, всматриваться и вникать в дискурс, сотворенный Господом и требующий от нас одного: ненасилия, неразрушения, неприсоединения к злу, уродующему духовную суть нашего общения. Этот дискурс воплощен в русском языке, культурная роль которого в регионах типа Северного Кавказа трудно переоценить.

Исследование региональной ЯКМ, относящееся к производным поликультурного семиозиса, связано с решением весьма важной задачи – преодоления региональной «инерции» мышления, и, следовательно, речевого поведения в целом. В языковом сознании жителя поликультурного региона стихийно стереотипизируется наивно-бытовая ЯКМ, совмещающая как демократические и интернациональные проявления языкового сознания, так и (к сожалению, весьма часто) этноментальные признаки иного свойства. Управление подобного рода сложным и неоднозначным текстом должно осуществляться централизованно, как результат языковой политики, имеющей государственную концепцию. Культурная ситуация на Северном Кавказе сегодня определяется взаимодействием целого ряда объективных и субъективных обстоятельств, среди которых фактор ЯКМ, ее состояние и динамика, выступает показателем способности граждан великой России как носителей великого русского языка сохранить и приумножить интеллектуальные и нравственные ценности. Гуманитарная деятельность всех филологов – преподавателей русского языка, а также языков народов Кавказа – является неопределимым вкладом в формирование той духовности, которая выступает единственной панацеей для России целью и смыслом всей жизни ее граждан.

Глава III.

Номинация как текст: к постановке проблемы анизотропности наименования

Современные лингвистические технологии позволяют рассматривать номинацию как текст, как производное семиозиса, обладающее **определённым пространством**. От лексикоцентрического этапа изучения наименования мы переходим к лексинтаксическому, или синтаксическому (текстоцентрическому), а от него – к антропоцентрическому, когда в компетенции языковой личности (ЯЛ) говорящего оказывается возможность познания наименования, получающего в тексте закрепление за формой определённой синтаксической единицы (А.А. Буров), в четырёхмерном измерении [Буров, 2003: 100]. Если привычные нам семантические измерения – парадигматическое (ассоциативное) и синтагматическое (Ф. де Соссюр) и эпидигматическое (Д.Н. Шмелёв) – характеризуют языковую материальность, то четвертое – духовность языкового знака как производного человеческого, личностного семиозиса. Именно так можно осознать (а скорее – ощутить) духовную «семантику» номинации, то не фиксируемое словарями приращение смысла (может быть, это главное?), формирующее духовную ауру дискурса, которому посчастливилось иметь в своем пространстве другое пространство – номинационно-синтаксическое. Так только можно, к примеру, вступить в диалог с автором практически всех текстов, созданных Т.Н. Толстой, когда уже в заставке текста, формирующей метаморфозу-трансформацию в дискурс, «планка» нравственного напряжения поднята благодаря употреблению адекватного наименования. Ср. вступление в пространство рассказа «Милая Шура»:

«В первый раз Александра Эрнестовна прошла мимо меня ранним утром, вся залитая розовым московским

*солнцем. Чулки спущены, ноги - подворотней, черный костюмчик засален и протерт. Зато шляпа!.. **Четыре времени года – бульдонежи, ландыши, черешня, барбарис – свились на светлом соломенном блюде, припиленном к остаткам волос вот такущей булавкой!** Черешни немного оторвались и деревянно постукивают. Ей девяносто лет, подумала я. Но на шесть лет ошиблась».*

Привкус легкой иронии («остатки волос») не снижает особого духовного звучания развернутой комплексной дескрипции – пропозициональной вторичной номинации денотата, только что представленного словарным субстантивом «шляпа». Пространство этого атрибута является духовным уже вследствие чисто женской гендерной синэргетики – природного стремления быть красивой (здесь – украшенной) в любом возрасте («Ты – очень женщина», - обращается в дневнике к объекту своих чувств К. Воробьев, в аналогичных целях нарушая законы употребления суперлативного наречия). Заметим, что четвертое измерение номинационного знака, имеющее «точечный» характер, характеризуется индивидуально ощущаемым ментальным началом. Именно там открывается выход на **синэргетический уровень осознания природы имени**, когда «именования наличествуют во внутренне присущей природе “истинной” геометрии» [Тарасенко, 2000].

Идея Б. Мандельброта («То name is to know»), развивающая античную формулу «Nomen est omen» и ориентирующая нас на познание природы естественной номинации [Mandelbrot, 1983], не только приходит на смену конвенционалистской концепции наименования как следствия соблюдения «правил игры», договора, конвенции, когда мы видим в любом имени условную мотивированность, объяснимость, имеющую свой когнитивный предел [Сте-

панов, 2001], но и заставляет нас задуматься об анизотропности номинации.

Анизотропность имени может быть рассмотрена как одно из природных свойств номинационного знака **наряду с асимметричным дуализмом, амбивалентностью, деструкцией, аннигиляцией и др.** Свойства эти определяются природой пространства наименования.

Если **асимметричный дуализм** регулирует отношения между означаемым и означающим, их стремление к взаимодействию и взаимопроникновению [Карцевский, 1965], то **амбивалентность** называемого знака характеризует переход от одного качественного состояния имени к другому, его динамическое обновление [Бахтин, 1990].

Деструкция имени связана с его трансформацией, причем прежде всего в плане нарушения первичной связи с денотатом; это способность выступать немотивированно, обобщаться, метафоризироваться, фразеологизироваться, приобретать метазнаковые (метатекстовые) свойства эффемизма и т.д. [Деррида, 1992].

Аннигиляция же связана с полным «выветриванием» семантики и развитием у имени аппроксимационных, прономинализационных качеств дейктической «этикетки» в тексте, способности быть уже метаметазнаком несущим отрицание и номинации, и комментирующей оценки.

В ряду этих и других изначально данных и развивающихся в речевом акте коммуникации качеств номинации и находится то, что мы обозначаем как анизотропность.

Анизотропность – это свойство номинации как текста: «неравные пути» (лат. *anisos* – ‘первый’, *tropos* – ‘путь’) здесь присущи и тексту, стремящемуся к целостности, синтезу; и номинации, которая призвана сохранять свою отдельность, индивидуальность в сознании ЯЛ.

Говорящий ищет в имени мир как отражение себя, а в итоге получает текст как барьер между Ego – реальным и Ego – виртуальным (духовным). Имя уходит от текста, который неспособен постичь Ego – виртуальное, будучи связанным с Ego – реальным.

В самом деле, рассмотрим контекст:

«По Тверскому бульвару быстрыми, неверными шагами, не видя никого вокруг, шел щегольски одетый, но ужасно неряшливый молодой человек: мятый дорогой фрак, грязный белый галстук, в лацкане пыльная белая звезда. Гуляющие сторонились и провожали странного субъекта любопытными взглядами. И дело было не в мертвенной бледности щеголя – мало ли вокруг чахоточных, и даже не в том, что он несомненно был мертвецки пьян (его и пошатывало из стороны в сторону) – эка невидаль. Нет, внимание встречных, и в особенности дам, привлекала интригующая особенность его физиономии: при очевидной молодости у прожигателя жизни были совершенно белые, будто примороженные инеем виски».

(Б. Акунин. Азазель)

Словарная лексическая фиксация имени представляет собой лишь условную «точку отсчета» его семантических возможностей, энергетического потенциала. Имя, или номинация, как текст **словесна**, потому что реализация этой текстовости в процессе употребления и есть вскрытие анизотропных свойств наименования. *«Совершенно белые, будто примороженные инеем виски»* Эраста Фандорина – это синтаксическое наименование, по своей структуре являющееся сложным субстантивным словосочетанием, выступая в качестве названия (как текст), естественно, несловарно, ибо невозможно иным путем (что и делает Б. Акунин) назвать то страшное состояние, которое испытывал герой, потерявший свою невесту.

Текст наименования, таким образом, не словарен, а **словесен**, что присуще самой природе имени, бесконечности его семантического пространства. Их внутреннее противоречие предопределяет наличие известного «зазора», между **ментальным** и **вербальным** о котором пишет У. ле Гуин. Мысль и ментальный посыл (например, во взгляде), фактически адекватны в отличие от мысли и слова, ее материализующего; в последнем случае связи между задуманным и высказанным может вкрасться ложь, рождающая непонимание [Гуин, 2001]. Ложь эта может быть и «святой», преследующая благие, гуманные цели. Обратимся к следующему примеру.

Одному из героев романа А.И. Солженицина, выпи-санному из онкологической больницы, выдают медицин-скую справку по месту жительства, в которой по-латыни написано: **Tumor cordis, casus inoperabilis**.

«- Нэ зрозумію, - тыкал туда пальцем Прошка. – Що такэ написано, га?»

- Сейчас подумую, - щурился Костоглотов с недо-вольным лицом.

Прошка пошел собираться. А Костоглотов облегся на перила и свесил чуб под пролетом.

Никакой латыни он путем не знал, как и вообще ни-какого иностранного языка... Но всегда Костоглотов пом-нил пословицу своего любимого деда: дурак любит учить, а умный любит учиться – и даже в армейские годы всегда вбирал, что было полезно знать...

Так без труда он понял сейчас диагноз Прошки: «Опухоль сердца, случай не поддающийся операции»...

- Так шо там написано? – беспечно спросил Прошка, забирая справку.

- И черт его знает, – скривил рот Костоглотов, и срам его скривился тоже. – Такие хитрые врачи стали, не прочтешь.

- Ну выздоравливайте! И вы уси выздоравливайте, хлопцы! Та до хаты! Та до жинки! – Прошка всем им пожал руки и еще с лестницы весело оборачиваясь, помахивал им.

*И уверенно спускался.
К смерти».*

(Солженицын. Раковый корпус).

«К смерти» - вот тот парцеллят, выступающий в виде адвербиализирующей предложно-падежной синтаксической формы субстантивной номинации, которая, употребляясь лишь в самом финале контекста, концептно представлена в эвфемистической форме латинского паремиологизма. Все текстовое пространство между отрезками «Tumor cordis, casus inoperabilis» и «К смерти», подобно семантико-экспрессивной пружине, скомпрессовано в последней номинации, и мы благодаря анизотропности наименования предвараем эту компрессию как номинационное резюме текстового пространства. «Зазор» между мыслью и словом здесь представлен именно в анизотропном виде, когда сосуществуют реальность и правдивая ложь.

Номинация, рассматриваемая как текст, открывает новые когнитивные грани имени как феноменального аккумулятора мифа, претерпевающего постоянный процесс демифологизации и ремифологизации. Каждое имя как языковая деструкция мифа неизбежно стимулирует его обновление; в принципе, сама возможность деструкции подтверждает неисчерпаемость и мифа, и архетипики рождаемых им концептов, поскольку предопределяется дискретностью, дистрибутивной зависимостью, знаковой статичностью, преодолеваемой в идиовосприятии имени за счет синтаксичности его семантики (В.Г. Гак).

Взгляд на номинацию как на текст обнажает в любом наименовании грани его семиотичности, концептуальности, лингвопрагматичности, эстетического совершенства,

обусловленного степенью секретности (мифологичности). Номинация может быть рассмотрена в дискурсивном плане единственно с позиций текста, со всеми вытекающими отсюда поливалентностными свойствами, обуславливающими выбор при употреблении в речи той синтаксической единицы, которая нужна и важна говорящему для материализации индивидуально ощущаемого им (как ЯЛ) смысла.

Данные русского языка свидетельствуют, что анизотропность имени как текста можно рассматривать на разных уровнях языкового выражения, презентации внутренней формы. Это а) лингвистический уровень; б) лингвокультурный уровень; в) лингвомифологический уровень; г) лингвоэстетический (идиостилевой) уровень; д) лингвосакральный уровень.

На собственно **лингвистическом уровне** любое наименование (прежде всего это субстантивные апеллятивы) характеризуются столкновением в пространстве своей внутренней формы двух тенденций – к расширению, анализу плана выражения (как попытка настичь ускользающую суть бытия [Буров, 2000]), с одной стороны, а с другой – к сдерживанию этой тенденции в рамках синтаксического типа грамматического строя русского языка.

При оценке **лингвокультурного уровня** проявления анизотропности имени мы оперируем оппозицией его традиционно закрепленной концептной сущности и того конкретного семантического проявления, которое реализуется при употреблении имени в тексте.

Лингвомифологический уровень проявления анизотропности имени связан со столкновением мифологической основы концепта, лежащего в основании внутренней формы, и постоянно демифологизирующейся речевой формы наименования, одновременно и расшатывающей миф, и обновляющей его.

Лингвоэстетическому уровню проявления анизотропности присуще взаимодействие личностного, субъективно-образного, и общеязыкового, объективного видения имени, занимающего определенное место в языковой картине мира.

На **лингвосакральном уровне** выражения анизотропности имени как текста, когда сознание оперирует идеальными, метафизическими сущностями [Налимов, 2003], происходит высвобождение идеальной энергии имени как следствие способности, по выражению П. Флоренского, быть «стражами заповедной от вторжения рационализма области» [Флоренский, 2000].

Анизотропность, наряду с другими свойствами имени как культурного знака, члена кода и текста, позволяет расширить наше понимание номинации.

Во-первых, номинация как текст ниспровергает реальность бытия, наделяя реальностью пространственно-вербальное бытие знака. Поэтому номинационное пространство всегда соотносимо с параноминационным (паратекст).

Во-вторых, номинация как текст является единственным «окном» в не только реальную, но и виртуальную действительность и, соответственно, в метатекст, подвластный сфере личностного, интимного, индивидуально ощущаемого авторского комментария текста.

В-третьих, номинация как текст одновременно и созидательна, демиургична, и разрушительна, губительна, поскольку создает иллюзию дискретности и конечности, иллюзию познаваемости мира в его «масках». Виртуальным, по сути, оказываются и мир, и его языковая картина, – реальна же только сама ЯЛ автора номинаций как текста, и формирующая фрагменты этой картины, и пытающаяся остановить в них мгновения бытия.

В-четвертых, номинация как текст выступает своеобразным «счастливым консенсусом» встречных желаний: это маска, удобная и для адресанта, и для адресата. Автор, называя мир и членя его, создает изображение как ложь, кроме самого изображаемого, но эта ложь плодотворна, ибо формирует новую реальность: реален рождаемый номинацией образ. Номинация как текст есть правдивая ложь, или лживая правда (что, в принципе, одно и то же). Вот почему оксюморонное наименование явно не заслуживает статуса риторическо-изобразительного средства, фигуры речи.

В-пятых, взгляд на номинацию как на текст предполагает участие в обозначении различных структурно-синтаксических единиц и их произвольный характер употребления, и в симметрии/асимметрии мозаичной языковой картины мира проглядывает амбивалентное состояние бинама «ЯЛ автора – текст». Автор как демиург текста строит его по известным законам архитектуры (метод); текст как производное семиозиса имманентен и создается (самопроизводится) по своим законам (марксова «пчела»). Номинация в ее видимой **модели атрибуции** пытается выступить регулятором этого противоречия между производящим и производным, фиксатором – одновременно – и акта умирания, и акта сотворения.

В-шестых, благодаря номинации как тексту осуществляется загадочный процесс соединения «клеточек» номинационной мозаики в **панно**, в речевую связную ткань, в «тело» дискурса; при этом происходит его энергетическое насыщение. В образовании ноосферы и в выходе в «измерение ω » (В. Вернадский, Т. де Шарден) имя вещи соотносится с законами целого текста, сформировавшимся и диктующими свои условия этой сфере (Ф. Растье).

Таким образом, номинация как одно из самых сложных, загадочных и интересных явлений речевой деятель-

ности Homo Sapiens представляет собой благодаря антропоцентрическому смещению научно-исследовательского ракурса гуманитарной парадигмы знания перспективное поле деятельности, на котором еще очень много «белых пятен», ждущих своего первооткрывателя.

Глава IV.

Номинация, миф и языковая картина мира в романе В.О.Пелевина «Шлем ужаса»

Языковая картина мира (ЯКМ) включает в себя словарь, совокупность образов, закрепленных в языковых знаках, идиостиль говорящего, языковую идеологию носителей языка, тип ассоциативно-вербального отражения мира.

Понятие ЯКМ восходит к идеям В. фон Гумбольдта и Л.Вайсгербера *о внутренней форме языка*, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности, к так называемой *гипотезе лингвистической относительности* Сепира - Уорфа, - с другой.

ЯКМ включает в себе две связанные между собой, но различные идеи: 1) что картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется термин «наивная картина мира») и 2) что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция ЯКМ составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование ЯКМ может вестись в нескольких направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в языке, безотносительно к тому, является она специфической для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры и одновременно соответствующие слова с трудом

переводятся на другие языки (переводной эквивалент либо вообще отсутствует, либо такой эквивалент имеется, но не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного языка специфичными). В последние годы в отечественной семантике развивается направление, интегрирующее оба подхода. Его целью является воссоздание русской ЯКМ на основании комплексного (лингвистического, культурологического, семиотического) анализа лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (работы Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, А.Вежбицкой, Е.В.Рахилиной, А.Д.Шмелева и др.).

При всей своей сложности языковая картина мира лежит в основе индивидуального и общественного сознания. ЯКМ – «это миф великого полотна интертекста <...> это великая фикция, миф, обретающий свою архитетипическую “кристаллографию” и в сознании, и в реальной жизни, но главное - в тексте» [Буров, 2003:116].

Таким образом, мы можем утверждать, что миф, в широком понимании этого слова, тесно связан с языковой личностью и ее ЯКМ, формируя, в свою очередь, общую картину мира культуры и языка, которая выражается в тексте, в речевой деятельности и обретает условно-мифологический характер.

4.1. Миф с позиции А.Ф.Лосева

В 20-30-е годы XX в. А.Ф.Лосев создает ряд философских трудов: «Философия имени», «Диалектика мифа», «Миф - развернутое магическое имя», «Диалектика художественной формы» и др. В них вырабатывается абсолютно самостоятельная мировоззренческая теория, опирающаяся на факты истории европейской классической философии. Мы рассмотрим основные положения лосев-

ской теории о мифе, опираясь на работу «Диалектика мифа» [Лосев, 1994].

Миф должен быть взят как миф, без сведения на то, что не есть он сам, подчеркивает исследователь. Только имея такое чистое определение и описание мифа, можно приступить к объяснению его с той или иной гетерогенной точки зрения.

До того, как мы попытаемся определить, что же такое миф, у нас должна быть некоторая интуиция мифа, так как наличие мифа предшествует логическим операциям с ним. Поэтому А.Ф.Лосев прежде всего дает феноменологическое описание мифа через указание на то, чем миф не является, причем это - отграничение иных форм сознания и творчества в процессе общения с мифом. Подвергая анализу некоторые положения науки и философии, в которых миф был зафиксирован как «иное самому себе», А.Ф.Лосев приходит к выводу о наличии шести тезисов, поочередно феноменологически детализирующих понятие мифа:

«...1. Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, но - логически, т.е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще.

2. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность.

3. Миф не есть научное, и в частности, примитивно-научное построение, но - живое субъектно-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность, принципиальную закономерность и структуру.

4. Миф не есть метафизическое построение, но - реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обычного хода явлений, и, стало быть, содержащая в себе разную степень иерархийности, разную степень отрешенности.

5. Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ. И, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои.

6. Миф не есть поэтическое произведение, но - отрешенность его есть возведение изолированных и абстрактных вещей в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологически взаимоотносящуюся с человеческим субъектом сферу, где они объединяются в одно неразрывное, органически сросшееся единство» [Там же: 71-72]

Деструкция диалектическим методом метафизически-натуралистического дуализма в простых негативных феноменологических описаниях мифа, приводит к тому, что А.Ф.Лосев дает четкое и ясное определение мифа: «...Миф - такая диалектически необходимая категория сознания и бытия, которая дана как вещественно-жизненная реальность субъектно-объектного, структурно выполненного (в определенном образе) взаимодействия, где отрешенная от изолированно-абстрактной вечности жизнь символически претворена в дорефлективно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергичный лик» [Там же: 73].

Таким образом, миф есть символически данная интеллигенция жизни, а символически осуществленная интеллигенция для А.Ф.Лосева есть личность, следовательно, миф есть личность, лик личности, который определяется не как субстанциальное, но как «энергичное самоутверждение личности», «...утверждение в ее выявительных и выразительных функциях», «...образ, картина, смысловое явление».

Личность как миф есть лишь личностное бытие, рождающееся и становящееся, т.е. данное исторически, во времени, в мифологическом времени. А.Ф.Лосев уделяет диалектике мифологического времени особое внимание. Время, по А.Ф.Лосеву, есть нечто не временное, т.е. веч-

ное. Однако вечность сама по себе дана сразу, время же текуче. В этом смысле время есть алогическое становление вечности, «где безграничное становление и вечное самоприсутствие есть одно и то же». В этом смысле время неоднородно. Разные временные пространства могут иметь разные скорости течения времени. И миф имеет, таким образом, разную скорость становления в различных личностных осуществлениях и это же приводит к возникновению и становлению различных мифологических систем. «Одна и та же вещь, одна и та же личность может быть, следовательно, представлена и изображена бесконечно разными формами, смотря по тому, в каком плане пространственно-временного бытия мы ее мыслим» [Там же: 91].

Миф является в такой системе личностным бытием, данным исторически, но не есть историческое событие как таковое. «История есть самосознание, становящееся, т.е. нарождающееся, зреющее и умирающее самосознание <...> но что такое творчески данное и активно выраженное самосознание? Это есть слово» [Там же: 150].

А.Ф.Лосев синтезирует в одной категории такие понятия, как: личность, историю, слово и чудо. Диалектика мифа как чуда - это чистое описание явления мифа самого по себе, рассмотренное с точки зрения самого мифа, где чудо - совпадение случайно протекающей истории личности с ее идеальным заданием. Под идеальным заданием понимается целесообразность. А.Ф.Лосев выделяет четыре типа целесообразности:

- логическую (в результате которой получается организм);
- практическую или волевою (в результате которой получается техническое совершенство);
- эстетическую (в результате которой получается художественное произведение);

- мифическую или личностную (в результате которой получается чудо).

Мифическая целесообразность - это мыслимость вещи по отношению к ее идеально-личностному бытию, а такая мыслимость применима решительно к любой вещи. «Весь мир и все его составные моменты, и все живое и неживое, одинаково суть миф и одинаково суть чудо» [Там же: 183].

Окончательная диалектическая формула мифа такова: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история» [Там же: 195].

Несмотря на то, что А.Ф.Лосев, по его собственному признанию, исчерпывает все стороны вопроса и мифическом сознании, диалектика мифа не заканчивается. Полученная в результате работы категории мифа как синтеза четырех понятий (личности, истории, чуда и слова) является недостаточно ясной для обыденного понимания мифа. Взяв, таким образом, первую и последнюю категории, обозначающие миф, А.Ф.Лосев указывает на то, что миф есть ни что иное, как слово о личности, слово личности и слово, выражающее и проявляющее личность, т.е. имя. Имя и есть то, что выражено в личности. Итак, миф есть имя. А что такое имя, как не чудо, поскольку оно неповторимо? Его можно назвать чудесным именем. А история - указание на последовательность развития, разворачивание имени. Таким образом, «миф - это развернутое магическое имя», «...это окончательное и последнее ядро мифа, и дальше должны уже умолкнуть всякие другие преобразования и упрощения» [Там же: 196].

В последующих исследованиях А.Ф.Лосев переходит к проблеме исследования мифа как некоторой абсолютной реальности. Мифологию, которая существует как единственно возможная картина мира, ученый называет абсолют-

ной мифологией. Мифологию, которая не понимает саму себя, - относительной мифологией.

Очевидно, что вне мифологической сферы мы не сможем понять никакие работы А.Ф.Лосева, так как в любом анализе (от анализа чисел до анализа музыкальных произведений) он использует рассмотрение мифологических понятий, концептов, категорий. Миф в понимании А.Ф.Лосева - это тождество идеального и материального, становление идеи как бытия в символе. Внешняя проявленность мифа - символ, а если символ проявлен в личности, он становится именем. В личности синтезируется смысл или сущность идеи, оформленной как имя, в ней неразрывно связаны идея, миф, символ, личность сама по себе, энергия сущности.

4.2. Семиотическое понимание мифа у Р.Барта

Р.Барт рассматривает миф как семиологическую систему. Иными словами, подход Р.Барта отличается от диалектики мифа А.Ф.Лосева. А.Ф.Лосев с помощью диалектического метода онтологически раскрывает смысловую сущность мифа. Р.Барт рассматривает миф исключительно семиотически, т.е. как некую знаковую систему, в которой специфическим образом раскрывается связь между знаком, означаемым и означающим. Именно в контексте такого понимания Р.Барт определяет миф как «слово», «высказывание», а выражаясь более точно - как «коммуникативную систему».

Несмотря на принципиально отличный подход Р.Барта от подхода А.Ф.Лосева, он дает то же самое понимание основополагающих характеристик мифа, хотя и выраженное в иной терминологии и иной парадигме.

Остановимся на самом определении мифа у Р.Барта. В своей работе «Миф сегодня» ученый предлагает

рассматривать мифологию как часть семиологии. Семиологию он понимает как науку о значимостях, т.е. в ее предметную область попадают любые факты, которые являются «что-либо значащими». Причем значимости здесь рассматриваются как чистые формы, отвлеченные от их содержания. Семиология анализирует исследуемый предмет в отношении между знаком, означаемым и означающим. Именно в этих отношениях и стремится Р.Барт рассмотреть миф. Он обнаруживает в мифе ту же самую трехчленную структуру: означаемое, означающее и знак. Однако специфика мифа заключается в том, что эта семиологическая структура создается на базе уже существующей семиологической структуры, т.е. последовательности знаков.

Под знаками Р.Барт понимает не только слова, но и вообще любые предметы, которые могут что-либо значить: фотографию, рекламу, ритуалы, какие-либо вещи и т.д. В связи с этим Р.Барт определяет миф как вторичную семиологическую систему. «Знак (то есть результат ассоциации, концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе... материальные носители мифического сообщения... как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания, все они представляют собой лишь исходный материал для построения мифа» [Барт, 1989: 78].

Любое содержание мифического сообщения, объединяющее в знаке означиваемое и означивающее, само становится означивающим по отношению к новому мифологическому, т.е. к новому означиваемому. Сам миф, используя знаковое единство первичной семиологической системы, превращает его в означивающее более глобального знака, выражающего означиваемое уже мифа. Об этом Р.Барт пишет так: «Идет ли речь о последовательности букв или о рисунке, для мифа они представляют собой

знаковое единство, глобальный знак, конечный результат, или третий элемент первичной семиологической системы. Этот третий элемент становится первым, то есть частью той системы, которую миф надстраивает над первичной системой. Происходит как бы смещение формальной системы первичных значений на одну отметку шкалы» [Там же].

Для иллюстрации данного семиотического истолкования мифа Р.Барт приводит два наглядных примера. Первый пример: высказывание из басни Эзопа «*quia ego pomīnor leo*» (потому что я зовусь львом), приведенное в учебнике грамматике. В этой фразе два смысла. Первый смысл непосредственный, показывает, что речь идет о льве. Второй смысл обращен именно к ученику пятого класса, а не к слушателю басни Эзопа. Он сообщает следующее: я есть пример, который должен проиллюстрировать правило согласования предикатива с подлежащим. Истинное значение фразы не в том, чтобы передать что-либо о льве, а в том, чтобы привлечь внимание к определенному типу грамматического согласования. Но второй смысл определяется семиологической системой, настроенной на первой.

Второй пример: изображение на обложке журнала молодого африканца во французской военной форме, который, беря под козырек, глядит на развивающийся французский флаг. Однако это лишь непосредственный смысл изображения, над которым выстраивается вторичная семиологическая система. Мифологический смысл этого изображения в том, что Франция - это великая Империя, и все ее сыны, независимо от цвета кожи, служат под ее знаменами.

В обоих примерах можно выделить означаемое, которое в качестве элемента первичной семиологической системы, т.е. языка, Р.Барт называет смыслом, и его же в

качестве вторичной системы, т.е. мифа, называет формой. Означиваемое он во всех случаях называет концептом.

Третий элемент первичной семиологической системы Р.Барт называет знаком, а вторичной, чтобы избежать путаницы, - значением. Предлагаемое Р.Бартом понимание мифа выражает ту же идею, что и у А.Ф.Лосева, а именно - воплощение в частном более общего смысла. А.Ф.Лосев говорит о воплощении в вещи более общего смысла, изменяющего сами свойства вещи. Р.Барт рассматривает единство означающей что-либо вещи и означаемого ей как некий знак, который сам становится означающим для нового мифологического смысла.

Р.Барт подчеркивает, что означающее мифа имеет чувственную реальность, в отличие от означающего языка, которое имеет сугубо психическую природу: "...означающее мифа содержательно: именование животного львом, приветствие африкаского солдата - все это достаточно вероятные события, которые легко себе представить" [Там же: 81].

Однако означающее мифа двулико. Оно не только представляется как смысл, заполненный чувственной реальностью, но и как форма, которая в то же время пуста. Иными словами, когда смысл становится формой по отношению к мифу, он утрачивает свою конкретность, опустошается и обедняется. Р.Барт пишет: «Становясь формой, смысл лишается своей случайной конкретности, он опустошается, обедняется, история выветривается из него и остается одна лишь буква. происходит парадоксальная перестановка операций чтения, аномальная регрессия смысла к форме, языкового знака к означающему мифа» [Там же: 82].

Так, выражение «*quia ego nominor leo*» с точки зрения языка повествует о конкретных событиях, о конкретном льве, царе всех зверей. Однако с точки зрения учебника

грамматики, обращенного к пятикласснику, все, что касается конкретного льва, из этого предложения исчезает; остается само это предложение как языковая форма, передающая уже другой смысл. Аналогичным образом и конкретный африканский солдат со своей судьбой, своим миром чувств исчезает, когда его помещают на обложку журнала. Остается лишь некий образ солдата, который означает величие Франции.

Буквальный смысл содержания, на котором раскрывается миф, содержит целую систему значимостей относящихся к истории, географии, морали, литературе. Как только он становится формой, все это богатство исчезает и образовавшаяся бедность компенсируется приобретением нового мифологического значения, которое снова заполняет опустошенную форму. Смысл, превращаясь в форму, соотносится с концептом мифа. Это соотношение Р.Барт называет деформацией смысла: «...язык целиком поступает в услужение концепту, концепт именно деформирует смысл, но не упраздняет его, это противоречие можно выразить так: концепт отчуждает смысл» ([Там же: 88]).

То, что Р.Барт именует деформацией, А.Ф.Лосев называет мифологической отрешенностью. Под мифологической отрешенностью понимается отрешение от частного смысла вещи. У Р.Барта можно обнаружить аналогичное наблюдение: обеднение смысла при понимании его как формы. Идея мифологической отрешенности А.Ф. Лосева и деформации Р.Барта заставляют признать, что к мифу неприменимы рациональные требования непротиворечивости. А.Ф.Лосев аргументирует это тем, что рационалистические требования раскрываются как раз на том смысловом уровне, от которого и отрешается мифологическое сознание. Следовательно, к мифологии необходимо предъявлять свои мифологические, а не рационалистические

требования. Р.Барт обосновывает эту мысль через идею алиби. Алиби предполагает наличие таких двух мест: находясь в одном из них, человек доказывает, что он не находится в другом. Однако если следователь наконец-то устанавливает, где именно находился обвиняемый, то мифолог не может этого сделать по отношению к смыслу мифа. Р.Барт пишет: «Миф не представляет собой значимость и не может рассматриваться с точки зрения истины; ничто не мешает ему сохранять вечное алиби; наличие двух сторон у означающего всегда позволяет ему находиться в другом месте, смысл всегда здесь, чтобы манифестировать форму; форма всегда здесь, чтобы заслонить смысл. Получается так, что между смыслом и формой никогда не возникает противоречия, конфликта; они никогда не сталкиваются друг с другом, потому что никогда не оказываются в одной и той же точке» [Там же: 89].

Для иллюстрации Р.Барт приводит пример, когда человек смотрит через стекло на пейзаж. Когда сосредотачивается на пейзаже, он не замечает стекло, когда сосредотачивается на стекле, не замечает пейзажа. Если на это смотреть с позиции чередования внимания, то стекло будет с одной стороны реальным, с другой - нет, так же как и пейзаж.

Подобно этому чередование в мифе смысла и формы порождает сразу и присутствие, и отсутствие смысла. Это противоречие можно заметить только в том случае, если прекратить чередование внимания и сосредоточиться на каждом из них как объекте, отличающемся от другого. Такую остановку Р.Барт называет статической процедурой расшифровки мифа, которая, собственно, с самим мифом дела не имеет, так как подлинное содержание мифа всегда динамично, всегда раскрывается именно в этом чередовании внимания.

Проделанный анализ позволяет Р.Барту говорить о логике мифа. Основным принципом мифологической логики является, по мнению ученого, мотивированность мифа. Слово не нуждается в какой-либо мотивации или обоснованности того, что связано с определенным смыслом. Миф же всегда мотивированно указывает на смысл. Р.Барт пишет: «Значение же мифа никогда не является совершенно произвольным, оно всегда частично мотивированно и в какой-то своей части неизбежно строится по аналогии» [Там же: 92].

Р.Барт утверждает, что мотивированность является необходимым условием двойственности мифа, благодаря чему обыгрывается аналогия между смыслом и формой. Таким образом, динамизм мифа, выражающийся в чередовании его смыслов, определяется мотивированностью, которую и необходимо анализировать для понимания структуры мифа.

На основании сказанного можно сделать вывод, что семиотический подход к мифу, предлагаемый Р.Бартом, не только не противоречит другим подходам изучения мифа, но существенно дополняет их. Он позволяет подтвердить выводы, сделанные учеными в другое время, и предоставляет удобный подход для анализа мифа в антропологическом и культурологическом плане.

4.3. Миф в интерпретации М.Элиаде

Румыно-французский исследователь М.Элиаде утверждает, что миф нельзя понимать как фикцию или фантастический вымысел. Для подтверждения этого тезиса и М.Элиаде, и А.Ф.Лосев непосредственно апеллируют к мифологическому сознанию, которое удостоверяет само себя в качестве истинного. Требование А.Ф.Лосева видеть мир глазами мифа в полной мере осуществляется в методе

творческой герменевтики, используемой М.Элиаде. Суть этого метода заключается в объяснении мифа изнутри самого мифа, не прибегая к понятиям, относящимся к другой сфере. С помощью творческой герменевтики исследователь погружается в глубь мифа и открывает в нем все новые и новые смыслы. В силу этого М.Элиаде приходит к такой же оценке мифа, что и А.Ф.Лосев, утверждая, что «миф не просто инфантильное или заблуждающееся творение “примитивного” человечества, а изображение формы бытия в мире» [Элиаде, 1995: 31].

М.Элиаде подчеркивает, что для современного человека традиционной культуры миф есть «единственно верное откровение действительности» [Там же: 35].

В своей работе «Аспекты мифа» М.Элиаде говорит о признании мифа как наиболее значительной формы коллективного мышления в общей истории мысли. А поскольку коллективное мышление присутствует в любой эпохе и любом обществе независимо от культуры и уровня развития, то оно неизбежно должно формировать черты мифического сознания. Поэтому миф, как считает М.Элиаде, в той же степени присутствует в современном обществе, в какой и в архаичном: «...в плоскости общественной жизни нет разрыва в последовательной смене архаического и современного миров. Единственное значительное различие заключалось в наличии у большинства индивидуумов, составляющих современное общество, персонального мышления, которое отсутствовало, или почти отсутствовало, среди членов традиционных обществ» [Там же: 63].

Как показывает М.Элиаде, мифическое сознание тесно связано с историческим. В архаичных обществах миф являлся своеобразной парадигмой для развития истории, он был призван передавать абсолютную истину о священной истории. Миф содержал в себе некую модель,

которая циклично воспроизводилась в истории и являлась тем самым образцом для всех человеческих поступков.

Можно сделать вывод, что мифологическое сознание предлагает некую парадигму для упорядочивания действительности и истории. Человек может воспринимать ее пассивно, стремясь просто уподобиться мифологическому архетипу, а может активно противопоставлять ей другую мифологическую парадигму, но он не может игнорировать саму логику мифологического мышления. Эта логика есть одновременно логика коллективной памяти, которая, как говорит М.Элиаде, «с трудом удерживает отдельные “индивидуальные” события и “подлинные” лица. Она функционирует посредством иных структур: вместо событий - категории, вместо исторических лиц - архетипы. Историческая личность уподобляется своему мифическому образу (герою и т.п.), а событие ассимилируется с категорией мифических действий» [Там же: 73].

М.Элиаде подчеркивает универсальность этой логики, он показывает, что она характерна не только для древних обществ, но и для современного сознания: «Это сведение событий к категориям, а личностей - к архетипам происходит в сознании европейских народных слоев вплоть до наших дней в соответствии с архаической онтологией» [Там же: 75].

Таким образом, современный человек не может обходиться без мифологических принципов осмысления действительности.

Можно сформулировать выделенную М.Элиаде логику мифологического сознания следующим образом: индивидуальные вещи и события понимаются не как индивидуальные, а как воплощающие в себе мифологический архетип, вне которого они не существуют. Мифологический архетип наделяет архетипическим смыслом эти вещи и события и упорядочивает их историческое становление.

Иными словами, мифологическое сознание отрешается от индивидуального смысла вещей и усматривает в них более общие архетипические смыслы.

М.Элиаде говорит в своей работе и о том, что мифологическое мышление снимает непереносимость страданий и ужас перед действительностью. Чтобы справиться со страданием, человек стремился обнаружить в нем смысл. С точки зрения мифа «страдание человека имело смысл; оно всегда соответствовало если не какому-то, то, по крайней мере, некоему порядку, ценность которого не подвергалась сомнению» [Там же: 82].

Таким образом, задача мифологического сознания, по М.Элиаде, снимать ужас перед страданиями через их объяснение, сделать действительность, с точки зрения ее познавательности, беспроблемной, осветить смыслом все моменты жизни.

Подводя итоги, мы можем выделить основные принципы мифологического сознания, по М.Элиаде, которые позволяют понимать миф именно как миф:

1) в нем присутствует отрешенность от частного смысла событий или вещей и воплощение в них общего архетипического смысла;

2) архетипический смысл открывается не сам по себе, но он всегда дан как воплощенный в конкретной чувственной жизни, которую объединяют в мифологическую действительность;

3) воплощение архетипического смысла в действительности делает ее насквозь понятной, снимает всякую проблематизацию. Наличие проблемы указывает на неполноту и несовершенство мифологической картины, заставляя перейти к другому мифологическому объяснению.

4.4. Роман В.Пелевина “Шлем Ужаса” как мифологизированный постмодернистский текст

А. Постмодернизм и современный художественный текст

В XX веке разрушение старой картины мира проявилось во всех областях культуры и науки, которые вышли на новый уровень познания. Возникает новое чувство жизни, новое чувство времени, приводящее к рождению нового качества интеллекта. Научные открытия порождают большое количество новых вопросов. Весь узел проблем эпохи, ускоряющийся темп жизни утверждает рациональное недоверие к рациональному. Этот принцип жизни и культурного бытия сметал любые авторитеты. Новая картина мира еще более разоружила человека, поставив его перед множеством нерациональных факторов, управляющих миром. А новая форма культурного самосознания привела к смене собственного художественного видения мира.

Именно в этот период оказалась востребованной философия постмодернистских мыслителей Кьеркегора, Ницше, Паскаля. Их настроения привлекли также внимание З.Фрейда, М.Хайдеггера, Ж.Дерриды. Таким образом, в начале XX века постмодернизм получил новый толчок к развитию в контексте мировой культуры.

Постмодернизм - явление, первоначально появившееся и теоретически оформившееся в западном искусстве. Среди литературоведов этот термин впервые применил И. Хассан в 1971 г., а в 1979 г. вышла книга Ж.Ф.Лиотара «Постмодернистское состояние», в которой философски осмысливается состояние мира в период развития средств массовой коммуникации, способствующей замене реального мира компьютерной

иллюзией. Человек в иллю-зорном мире перестает отделять свое от чужого. Чужие языки, культуры, знаки воспринимаются как собственные, из них строится свой мир. Их можно по-своему компо-новать, перечислять, комбинировать. Отсюда постмодер-нистское произведение не готовая вещь, а процесс взаимодействия художника с текстом, текста - с пространством культуры, с материей духа, текста с художником и самим собой.

Основной же чертой постмодернистского сознания является неприятие какой бы то ни было иерархии, оценки, отсутствие ограничений. Поэтому трудно выделить набор определенных черт этого явления - согласно постмодер-нистской философии, его просто не существует. Однако можно очертить круг явлений постмодернизма хотя бы условно.

В постмодернистском философском тексте отсутствует все объясняющий концепт: за описываемым явлением нельзя обнаружить никакой глубины, сущности, будь то Бог, Абсолют, Логос, Истина и т.д. Это влечет за собой потерю смыслового центра, создающего пространство диалога автора с читателем, и наоборот. Такой текст допускает бесконечное множество интерпретаций, он становится многосмысленным. Отсутствие центра превращает авторов в субъектов бесконечной коммуникации. Источник информации, равно как и адресат, становится неопределенным. Гораздо важнее становится то, как выражается информация.

Философия теряет свои границы, очертания философского текста размываются и начинают существовать в рассеянном виде - внутри стихов, фильмов, литературной прозы и т.д. Художник-постмодернист уже изначально философ.

В основу эстетики постмодернизма легли также достижения таких направлений, как семиотика (теория знака),

постструктурализм (борьба с тотальностью во всех видах), деконструктивизм (децентрация и деконструкция иерархий) и др.

Существенно важное место в критике отводится выявлению особенностей постмодернизма. Наиболее полную, обобщающую классификацию основных признаков постмодернизма предложил И. Хассан:

- неопределенность, культ неясностей, ошибок, пропусков;
- фрагментарность, тяготение к деконструкциям, к коллажам, к цитациям;
- «деканонизация», борьба с традиционными ценностными центрами;
- «все происходит на поверхности», отсутствие психологических и символических глубин;
- положительная ирония, утверждающая плюралистическую вселенную;
- смешение жанров, высокого и низкого, стилевой синкретизм;
- театральность современной культуры, работа на публику, обязательный учет аудитории;
- имманентность, срастание сознания со средствами коммуникации, способность приспосабливаться к их обновлению и рефлексировать над ними;
- стремление представить непредставляемое, интерес к изотерическому, к пограничным ситуациям [Скоропанова, 1999: 359].

В отечественной критике также отводится немалое место выявлению особенностей постмодернизма. К ним, согласно О.Б. Вайнштейну, относятся: пластичность, несводимость к фиксированной стилевой или идеологической доминанте, реализация постмодернизма в полистилистике, в активном взаимодействии различных художественных систем [Вайнштейн, 1989: 161-198].

М.Маньковская выделяет следующие черты постмодернизма: деконструкция эстетического субъекта; превращение эстетического объекта в пустую форму за счет стилевого синкретизма; аксиологический плюрализм; телесно-чувственное восприятие мира; гедонизм; эстетизация безобразного; смешение объектов высокой и низкой культуры; эстетика потребления [Курицын, 1992: 225-231].

Для постмодернизма характерен «авторитет» текста, т.к. в виде текстов любой исторической эпохи он является единственно конкретной данностью. Этот «авторитет» характеризуется как специфическая власть языка художественного произведения.

На протяжении последней четверти XX века возникла и упрочилась концепция текста, решительно отвергающая все привычные, существующие прежде представления о нем. Ее можно назвать теорией «текста без берегов» или концепцией сплошной текстуализации реальности [Халипов, 1994: 235-240].

В конечном счете буквально все стало рассматриваться как текст: литература, культура, общество и, наконец, сам человек. Понимание текста как не знающего границ прочно внедрилось в филологию, свидетельством этому - работы Ж.Деррида и Р.Барта. Ж.Деррида говорил: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность» [Деррида, 1991: 118-130]. В свою очередь Р.Барт резко противопоставил друг другу художественный текст и художественное произведение, разграничив два рода литературных текстов. Тексты классических (немодернистских) произведений, обладающие смысловой определенностью и воплощающие авторскую позицию, характеризуются им иронически-отчужденно. Классический текст, по мнению Р.Барта, отдает дань лукавству и лицедейству, поскольку мнит себя определенным и цельным, не имея к

тому основание. В современных же текстах говорит сам язык [Барт, 1989: 189].

Положение о том, что история и общество могут быть прочитаны как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого интертекста, который служит своеобразным подтекстом любого вновь появляющегося текста.

Постмодернистский текст не обладает такими чертами, как новизна, творчество, целостность. Постмодернизм смешал стили и времена, превратил текст во всеобъемлющее полотно, в коллаж анонимных цитат, начал играть с языком вне правил грамматики и стилистики, смешивая и уравнивая диаметрально-противоположные понятия и вещи.

Таким образом, текст - это процесс прочтения знаков, он является не объектом, а своеобразной игрой, смыслом в знаковой реализации, результатом означивания.

Б. В.Пелевин как языковая личность писателя-постмодерниста.

Определяя место В.Пелевина в современном литературном процессе, критика относит его и к «другой» прозе, и к «концептуалистам», и к представителям «постсоветского сюрреализма», и к постмодернистам. Из всех определений ближе всего может оказаться последнее. Но если постмодернисты, главным образом, удовлетворяются созданием «нигилизма», деконструкцией внешнего мира, то В.Пелевин строит свой мир, который завораживает, заставляет верить в происходящее. А.Генис назвал В.Пелевина «бытописателем пограничной зоны»: «Окружающий мир для Пелевина - это череда искусственных конструкций, где мы обречены блуждать в напрасных поисках “сырой”, изначальной действительности. Все эти миры не

являются истинными, но и ложными их назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока кто-нибудь в них верит. Ведь каждая версия мира существует лишь в нашей душе, а психическая реальность не знает лжи» [Генис, 1997: 232-233].

С.Корнев предлагает оригинальный термин для определения «пелевинской школы»: «Русский Классический Пострефлексивный Постмодернизм. Пелевин всем своим творчеством окончательно утвердил постмодернизм как возможное средство познания - его же, постмодернистскими средствами: игрой, смысловой пограничностью, сомнением» [Корнев, 1999: 245].

Если внимательно проанализировать произведения В.Пелевина, то можно заметить, что в каждом из них он описывает воображаемую картину мира: это мнимая прямая, проходящая через несколько плоскостей и тем самым являющаяся их связующим звеном. Герои пелевинской прозы одновременно и находятся в каждой плоскости, и существуют лишь виртуально. Можно увидеть и то, что все произведения В.Пелевина написаны на одну и ту же тему, повторяется одна и та же идея, но выражается она не формой, да и сюжетные основы всех произведений абсолютно разные; значение имеет лишь ситуация, в которой находятся герои, насекомые или животные, люди-оборотни или люди-роботы - это ситуация несвободы и зависимости прежде всего от самого себя.

Для языковой личности В.Пелевина как писателя-постмодерниста характерен метафорический стиль, богатство разнообразной лексики, осмысление подоплеку разнообразных явлений культуры, меткая ирония, свободное сочетание различных культурных контекстов.

ЯЛ автора прежде всего проявляется в тексте. Текст является своеобразным «зеркалом», в котором отражается ЯКМ автора, он как бы «растворяет» языковую личность и

в конечном итоге выступает как субъект, а не объект, на которого направлено действие творца [Буров, 2003: 135].

Характерной чертой прозы В.Пелевина является отсутствие обращения автора к читателю посредством содержания или художественной формы. Автор ничего не говорит от себя, и все смыслы читатель находит самостоятельно. Эксперименты со стилем, контекстом, жанром служат у В.Пелевина организацией подобной формы авторства, что в конечном итоге ведет к полному упразднению взаимоотношений автора с читателем. Это своеобразная игра ЯЛ автора (не будем забывать, что В.Пелевин все-таки относится к писателям-постмодернистам, а постмодернистскому тексту присуща положительная ирония и игра) с читающими. Таким образом, нахождение читателем каких-то смыслов в произведениях В.Пелевина основывается только на содержательной и глубинной стороне ЯКМ читающего.

В конечном итоге, В.Пелевин как ЯЛ писателя-постмодерниста проявляется только в тексте, в полотне создаваемого им произведения. Недаром само появление В.Пелевина в литературном мире было инсценировано в лучших традициях постмодернизма. Он не любит общаться с журналистами и фотографами, редко дает интервью, практически не говорит о своей биографии и вообще о себе как о человеке предпочитает не рассказывать. Читатель остается один на один с текстами писателя и только из них может судить о личности В.Пелевина. Литература постмодернизма как раз и предполагает ослабление связи между писателем и читателем - вплоть до полного ее исчезновения.

В. Основные лингвокультурологические особенности романа В.Пелевина «Шлем Ужаса» как постмодернистского текста

Роман В.Пелевина «Шлем Ужаса» - это небольшой роман-пьеса по мотивам мифа о Тесее и Минотавре, созданный в 2003 году, до появления «Священной книги оборотня» и «Диалектики Переходного периода». Книга вышла в рамках международного проекта «Мифы» британского издательства Canongate, заказавшего нескольким писателям (В.Пелевину, У.Эко, М.Этвуд и др) написать современные версии мифов.

Восемь персонажей романа попадают в виртуальный лабиринт, где разыгрывается миф о Тесее, общаются они между собой при помощи «нити» интернет-чата и ждут спасителя Тесея и встречи с Минотавром, подозревая что оба уже здесь, среди них. Прошлое, настоящее, внешнее, внутреннее, право, лево, верх, низ - все сплетено и спутано. За всеми видениями возникают призраки другой реальности, которая не менее призрачна, нежели обстановка, в которой происходит общение между «текстами». Иными словами, все это жизнь, которая силится как-то понять себя, и каждый раз оказывается в тупике. Ни один из героев романа не способен снять с себя Шлем Ужаса, отказаться от навязанной иллюзорной действительности. У В.Пелевина иллюзия изначальна, бесконечна и беспричинна. И кроме нее ничего нет, поскольку и ее самой тоже нет.

Роман В.Пелевина «Шлем Ужаса» представляет собой симптоматичный пример современной постмодернистской литературы. Он отвечает почти всем основным признакам постмодернизма: это и смешение жанров, и интерес к пограничным ситуациям, и работа на публику, и тяготение к деконструкции, коллажам и цитациям, а также тек-

стовая открытость, безличный коммуникативный анализ в противовес единству авторского лица.

Для определения основных черт романа «Шлем Ужаса» с точки зрения лингвокультурологии (науки, возникшей на стыке лингвистики и культурологии и исследующей проявления культуры народа, которые отразились в языке) обозначим для начала объект и предмет исследования.

«Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком» [Маслова, 2004: 36] Таким образом, объект размещается на стыке лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики.

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических текстах, символах и т.д.

В.А.Маслова выделяет следующие объекты лингвокультурологии: 1) безэквивалентная лексика и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремнологический фонд языка; 4) фразеологический фонд языка; 5) эталоны, стереотипы, символы; 6) метафоры и образы языка; 7) стилистический уклад языков; 8) речевое поведение; 9) область речевого этикета.

Роман В.Пелевина «Шлем Ужаса», как мы уже упоминали, написан по мотивам мифа о Тесее и Минотавре, -

таким образом, в основе романа лежит не целостный миф, а мифологема. Мифологема - это важный для мифа персонаж или ситуация в данном случае в романе присутствуют и персонажи (Тесей, Минотавр, Ариадна и др.), и ситуация (пространство виртуального лабиринта). Интерес к символу велик не только в лингвистике, но и в философии, семиотике, психологии, литературоведении, мифопоэтике и т.д. В романе символично пространство, имена главных героев, вещи, сны, и стоит нам дотронуться до любого слова или символа, как он начинает разворачиваться и раздваиваться, подчиняясь законам метафоры. Ее универсальность проявляется в пространстве и времени, в структуре языка и в его функционировании. В основе романа лежит основная метафора постмодернизма - лабиринт.

Интересна также еще одна лингвокультурологическая особенность романа «Шлем Ужаса» - это стилистический уклад разных языков, в данном случае, литературного языка и языка исконно сетевого жанра - чата.

Итак, роман В.Пелевина «Шлем Ужаса» отвечает основным канонам постмодернистского текста. Мы можем рассматривать его не только с позиции когнитивной лингвистики, филологии, семантики, но и лингвокультурологии, сравнительно молодой науки, занимающей устойчивые позиции в современном мире языкознания.

4. 5. Семиосимволика названия романа и имен главных героев

Сошлемся на два определения семиотики: определение по объекту: «Семиотика - это наука о знаках и/или знаковых системах» [там же] и определение по методу: «Семиотика - это приложение лингвистических методов к

объектам иным, чем естественный язык» [Горный,1996: 170]. Таким образом, семиотика - это рас-смотрение чего-либо как сконструированного и функционирующего подобно языку, следовательно, все может быть описано как язык.

Одним из принципов, на которых основывается семиотика, является расширение значения лингвистических терминов. На протяжении долгого времени она находила свои объекты в языке, математике, архитектуре, художественной литературе. Как известно, символы существовали всегда и во всем. Человечество тысячелетиями пользуется языком символов. Освоение окружающего пространства, животного мира, времени, языка, чисел закреплялось символикой. Поэтому, когда дело касается символа, мы не должны упускать из вида три вещи:

1) символическая эпоха мировосприятия не идет в сравнение с длительностью эпохи научной, технологической и прагматической. Она вошла в подсознание человека, в его генофонд на протяжении многих тысяч лет;

2) символы всегда эмоциональны;

3) символы всегда ценностны.

С.Н.Булгаков так определяет понятие «символ»: «Это загадочное, трудное для мысли и волнующее для сердца сращение идеального и реального (материального), и феноменального космического и элементарного, мы называем символ» [Булгаков,1953: 26]. У Ю.М.Лотмана мы находим следующую дефиницию: «...символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаково-сти и одновременно выводит за пределы знаковости. Он - посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры» [Лотман, 2004: 249].

Стоит нам дотронуться до любого символа романа В.Пелевина «Шлем Ужаса», как он начинает разворачиваться, двоиться, преобразуясь в совершенно новый образ и смысл. Как мы уже упоминали, роман «Шлем Ужаса» - это миф о Тесее и Минотавре в своеобразной пелевинской интерпретации. Первое название романа отсылает нас к скандинавской мифологии, символика начинает раздваиваться с самого начала, потому что второе название романа - «Креатифф о Тесее и Минотавре». Согласно скандинавскому мифу, обладание «шлемом» приносит способность вселять парализующий страх и ужас в сердца врагов и наделяет владельца магическими силами. В «Саге о Вельсунгах» говорится, что «шлем» является частью сокровищ нибелунгов. Герой Сигурд возвратил это сокровище богам и человечеству, убив чудовищного змея Фафнира.

Таким образом, мы получаем в названии романа симбиоз двух мифов, двух символик. С одной стороны, это древнегреческий миф о Тесее и Минотаре, с другой - скандинавский миф о «шлеме». В этом соединении, казалось бы, несоединяемого рождается новая символика. Шлем вместо головы быка олицетворяет космические силы, вселяющие страх и ужас, а подробное его устройство, описанное во сне главной героини романа, напоминает не что иное, как механизм человеческого сознания.

В наше время существует множество словарей личных имен. Как известно, имя - это гипотеза человека, характеристика, даваемая ему при рождении и определяющая его судьбу. В романе имена героев появляются произвольно на экране монитора, когда они общаются между собой. Никто из них не выбирал именно это имя, тем не менее, оно четко вписывается в характеристику и мироощущение героя.

На протяжении всего романа мы не можем узнать сколько лет главным героям, какая у них профессия, какие их истинные имена. Но если посмотреть глубже, то за каждым персонажем «Шлема Ужаса» мы обнаружим некую идею, символику, знак. Виртуальное пространство, в котором заключены герои, ставит под вопрос существование их «Я», личность стирается, разъедается виртуальностью, превращается в единый текст. Персонажи романа даже не голоса, а строчки, реплики, и именно из контекста этих реплик мы можем судить о личности, не упуская из вида имена-ники.

Приведем примеры из текста романа*:

«Monstradamus

Можно пойти еще дальше. Не просто увидеть, а по-настоящему там оказаться. Астрериск носит шлем, в котором он видит лабиринт. А мы все - внутри этого лабиринта. И он нами манипулирует.

<...>

Nutscraker

А где тогда находится Минотавр?

Monstradamus

Надо полагать, в пространстве, которое Ариадна видит во сне.

<...>

Nutscraker

Получается нестыковка. С одной стороны, Минотавр всеми нами манипулирует, а с другой - у него нет головы. Хотя, не касаясь конкретно этого случая, могу засвидетельствовать как профессионал - от этого в реальной жизни все проблемы» (С.98)

Таким образом, опираясь на высказывания героев, мы можем говорить о том, что за Monstradamus`ом и Nutscra-

* Пелевин В. Шлем Ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре. – М., 2005.

кер'ом стоит аналитический и синтетический ум. Monstradamus - это имя, которое состоит из нескольких: Monstr + Adam + Astra, а имя-ник героя Nutscraker, в переводе с английского, означает "Щелкунчик", именно поэтому у нас возникают аллюзии с одноименным произведением Г.Х.Андерсена.

Вторая пара персонажей романа с символическими именами Romeo-y-Cohiba и Isolda. Их имена отсылают нас к героям В.Шекспира («Ромео и Джульетта») и Ж.Бедье («Тристан и Изольда»): «Не желаете ли, добрые люди, послушать прекрасную повесть о любви и смерти?» [Бедье, 1993: 4]. В символике этих имен заложен код - обреченная на гибель любовь. Здесь мы можем говорить о перенесении астральной формации и сгустка понятий, причин и следствий на личность. Именно между этими персонажами романа рождается симпатия друг к другу и конечный результат отношений между ними легко предугадать, если принимать во внимание закодированную изначальную в их именах информацию:

«Romeo-y-Cohiba

Изольда... Я скажу тебе одну вещь. Может, это глупо прозвучит, но я хочу, чтобы ты знала. О чем бы я не думал, я постоянно возвращаюсь к тебе. Словно те мысли, которые не связаны с тобой, - это тяжелые гири, и как только ум берется за них, его работа делается непосильной.

Isolda

Ромео, это действительно глупо прозвучало. Но я могла бы сказать тебе тоже само» (С.144)

И далее:

«Romeo-y-Cohiba

Изольда, ты здесь?

Isolda

Здесь. Как вчера добрался, скотина?

Romeo-y-Cohiba

Почему скотина?

Isolda

А как тебя еще называть после этого?

Romeo-y-Cohiba

После чего? <...>

Isolda

...И еще спрашиваешь вдобавок, как ты себя вел? Хорошо, я отвечу. Как тупое животное, вот как. Причем как предельно наглое и извращенное животное, уверенное в своей безнаказанности.

Romeo-y-Cohiba

Вот это да. Тогда я тебе тоже кое-что скажу. Из-за твоей вчерашней омерзительной выходки я чувствую себя просто оплеванным. У меня такое ощущение, что мне в душу впрыснули какую-то гадость, от которой мутно в голове и не хочется жить” (С.194-195).

Как видим, примеры из текста подтверждают то, что имена этих героев являются носителями определенного смысла.

Следующая героиня романа - Ariadna. Она единственная из восьми персонажей романа видит сны, в которых путешествует по лабиринту, встречает Минотавра и его помощников и узнает из лекции Внутренних Монстров строение мистического механизма, под названием «шлем ужаса». Именно героиня с этим символичным именем начинает роман и дает каждому персонажу-тексту «нить», сотканную из своих снов, но только эта «нить» в романе запутывается в индивидуальных лабиринтах героев и ведет к мнимому выходу. Ariadna - в древнегреческой мифологии, дочь царя Миноса и сестра Минотавра, тайно вручившая своему возлюбленному Тесею волшебный клубок шерсти, чтобы он мог выйти, после победы над Минотавром, из лабиринта. Ariadna не участвует постоянно в разговоре

между персонажами романа, она то появляется в виде реплик на экране монитора для того, чтобы рассказать мельчайшие подробности сна, дать своеобразную «нить», направить героев романа на поиск правильного пути, то исчезает.

Organizm(-: - это персонаж, который в своих высказываниях не глубок и показывает поверхностные знания о предметах и символах. Его имя-ник вызывает ассоциации чего-то бездушного, примитивного, низменного в желаниях и помыслах. Об этом мы можем судить на протяжении всего романа из его высказываний и реплик:

«Organizm(-:

Есть хочется. Эй, модераторы, можно пожрать чего-нибудь? Так. Кажется, понял. Надо вот эту штуку повернуть сюда, а вот эту - сюда. Вот это да.

Monstradamus

Что?

Romeo-y-Cohiba

Что ты там повернул, расскажи. <...>

Organizm(-:

Когда я ем, я глух и нем» (С.50)

В романе В.Пелевина «Шлем Ужаса», помимо Ariadn`ы и Isold`ы, есть еще один персонаж-текст женского пола - UGLI 666. В переводе с английского ugly означает «уродливый, безобразный, опасный, а рядом стоящие три шестерки, как известно, символизируют число дьявола. И хотя общая символика имени предрекает что-то зловещее и ужасное, в романе UGLI 666 - это та самая душа, которая, по Тертуллиану, является христианской. Проиллюстрируем сказанное на примерах из текста:

«Organizm(-:

Скажи, Угли, а ты себе взгляды придумала под имя или тебе имя придумали под взгляды?

UGLI 666

Имя у меня за грехи. И твое у тебя тоже» (С.32)

За этим именем-ником романа чувствуется глубокое христианское начало и душа. Можно сказать, что UGLI 666 стоит в оппозиции, в первую очередь, к Organizm`у, и потом уже к той ситуации, в которую попали герои романа. Принятие происходящего и ненавязчивое объяснение всего с позиции христианского мировоззрения делает этого персонажа романа вдумчивым и спокойным:

«UGLI 666

Я давно заметила, что конспирология у атеистов вместо религии. Им все время кажется, что ими кто-то манипулирует, кто-то их гипнотизирует, зомбирует, подслушивает, поднюхивает. А этот кто-то - просто дьявол, и все. Дело в том, что от атеизма до шизофрении один шаг, и в большинстве случаев он уже сделан...» (С.94)

Sliff_zoSSchitan - самый своеобразный герой романа. Дело в том, что имя этого героя взято В.Пелевиным не из мифологии и даже не из литературного произведения, а с сайта <http://www.udaff.com/>. Действительно на сайте есть пользователь с ником Sliff_zoSSchitan. Герой романа полностью списан с этого пользователя, а так как сайт, который мы указали, является сайтом «падонков», пишущих исключительно «по-олбански», т.е. с максимальным количеством орфографических и пунктуационных ошибок, то и герой романа воплощает в себе все эти черты:

«Sliff_zoSSchitan

Помните эта киса куку пасматрела фзеркало и увидила шляпку и вуаль и поняла что это шлем ужаса? Фсе зделано изтово кто смотрет Потому что издругово это сделать нельзя. Без таво кто смотрет не будет ни шляпки ни вуали ни ландышый. Ничево. Понятно? Тисей смотрит в зеркало а Минатавр это то что видит патамучто на нем шлем ужаса <...>

Nutsraker

А Тесей - это ты?

Sliff_zoSSchitan

Я. Потому я с вами и нигаварю никогда.

Nutscraker

Чем докажешь?

Sliff_zoSSchitan

Это научный fuckT. Настоящий один я а выше и ниже по списку фсе ... Просто тени. Татальные кандалы на извилинах моего головного мозга. вы фсе это сделали из моей головы!» (С.181)

Опираясь на высказывания героя, мы можем говорить о том, что Sliff_zoSSchitan выступает в романе экзистенционально-иронической сущностью, призванной объединить всех в единое целое. Недаром в конце романа начальная буква имени героя «S» трансформируется в «Т», появляется спаситель Тесей, но ненадолго:

“Sliff_zoSSchitan

Минатавр взаправду жжжот...!

Nutscraker

Дышать трудно. Что-то...

Monstradamus

Это он.

Theseus

MINOTAURUS!

Monstradamus A?

IsoldAA?

Nutscracer A?

OrganizmA?

Theseus A?

Ariadna A?

UGLI 666A?

Romeo-y-Cohiba A?

TheZeus

Fuck U" (С.210)

Таким образом, восемь персонажей романа перерождаются в новую личность MINOTAUR, которая соединяет на мгновение семиосимволические поля главных героев романа, а затем снова распадается, рассеивая символику по именам.

В заключение хотелось бы процитировать Ю.М.Лотмана: «...не случайно, что то, что в процессе творчества выступает как символ (суггестивный механизм памяти), в читательском восприятии реализуется как реминисценция, поскольку процессы творчества и восприятия противоположны: в первом окончательный текст является итогом, во втором - отправной исходной точкой» [Лотман, 2004: 243].

4.6.Семиосимволика пространства романа

Анализируя произведение В.Пелевина «Шлем Ужаса», мы в конечном итоге приходим к выводу, что основной темой творчества писателя можно считать буддийский тезис «мир - это только мое впечатление». Автора интересует пограничное состояние, стык между реальностями, потеря человеком своего «Я». А.Генис назвал В.Пелевина «бытописателем пограничной зоны»: «Окружающий мир для Пелевина - это череда искусственных конструкций, где мы обречены вечно блуждать в напрасных поисках “сырой” действительности. Все эти миры не являются истинными, но и ложными их назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока в них кто-то верит» [Генис, 1997: 232]. В связи с этим мы можем говорить о том, что одна из центральных категорий, осмысляемых В.Пелевином, - это статус реальности, вопрос бытия. В романе «Шлем Ужаса» эта категория

реализуется при помощи сращения в единое целое мифа о Тесее и Минотавре и пространства Интернета. Если говорить о символах в данном произведении, то их множество. Но символ лабиринта является одним из центральных. Очевидно, что он имеет в романе реальный и ирреальный план: а) персонажи могут выходить из своих комнат и блуждать по бесчисленным коридорам индивидуальных лабиринтов, встречая на своем пути фонтаны, скамьи, различные постройки, и б) они находятся еще и в своего рода виртуальном лабиринте, в котором общаются между собой разные персонажи-тексты.

Как известно, лабиринт - это образ-метафора постмодернизма. Достаточно вспомнить, что одним из центральных элементов системы понятий философского мировосприятия Х.Л.Борхеса (см. эссе «Сад расходящихся тропок», 1994, «Дом Астерия», 1949) и У.Эко («Имя Розы», 1980, «Путешествия в гиперреальности», 1987) является лабиринт. Он может принимать самые причудливые формы, присваивать себе разнообразные смыслы: философские, религиозные, политические, социальные. Таким образом, лабиринт, который представлен в романе «Шлем Ужаса», - это безальтернативный лабиринт Минотавра и человеческого разума, в котором в принципе невозможно заблудиться, т.к. все дороги ведут к неизбежной развязке - встрече с Астерием.

Нужно отметить, что в романе у каждого героя свой индивидуальный лабиринт. Через двери своей комнаты они попадают в пространство, которое полностью проецирует их мировоззрение и мироощущение. И только два персонажа романа имеют почти одинаковые лабиринты - это можно объяснить тем, что во время общения между ними зарождается чувство симпатии и любви, поэтому желание встретиться порождает одинаковые картины, но в итоге все становится ложным, и

само чувство, и само пространство. Изначально мир, в котором они пребывают, - это мир платоновских идей (каждая вещь существует лишь постольку, поскольку является материальным воплощением, опредмечиванием идеи). Рассмотрим данное положение на примерах из текста:

«Isolda

Что у тебя за дверью?

Romeo-y-Cohiba

Лабиринт из жесткого кустарника, аккуратно постриженного, выше моей головы. Между кустами - грунтовая дорожка.

Isolda

У меня такие же кусты по бокам аллеи.

Romeo-y-Cohiba

Аллеи?

Isolda

Моя дверь выходит в парк. Прямо от нее начинается аллея. По сторонам кусты, а над ними кое-где верхушки деревьев.

Romeo-y-Cohiba

У меня скорее что-то вроде коридора между кустами, аллеей я бы это не назвал...»(С.53)

«UGLI 666

У меня за дверью действительно зал со скамьями. Я его сперва не разглядела как следует. Зато когда разглядела... <...> Там собор. Готический собор» (С.111)

«Monstradamus

Что вы видите за дверью?

Ariadna

У меня там другая комната.

Romeo-y-Cohiba

Наконец-то свежий воздух.

Sliff_zoSSchitan

Халадильник синьки. Минотавр RULEZ!

Organizm (- :

Стены из фанеры, крашенные под кирпич. Какое-то все убогое.

Nutscracer

У меня сплошная электроника”» (С.49-50)

Atiadna видит лабиринт, Минотавра, шлем ужаса только в своих снах. Таким образом, в романе сон равен «действительности». Он настолько правдоподобен, что герои начинают обсуждать и анализировать мельчайшие детали сна-яви. Они попадают в другую ловушку - пространство сна, который чем больше объясняет, тем больше запутывает, но всегда открывает нечто новое в познании окружающей их реальности.

Лабиринт, в который заключены главные герои романа, символизирует собой своеобразную игру разума, в которой они участвуют. Рассказывая о своих персональных лабиринтах, персонажи романа не замечают, что все время ходят по кругу. Бесконечное разветвление пространства оборачивается не бесконечным разнообразием, а перманентным однообразием и в итоге пространство начинает сужаться до точки, а безальтернативность лабиринта каждого героя внутри лабиринта Минотавра не приводит их к выходу, к концу «игры».

Также следует отметить, что восемь персонажей на протяжении всего романа находятся не только в замкнутом пространстве лабиринта, но и пребывают в ограниченном пространстве своих комнат, которые ничем не отличаются друг от друга - ни цветом стен, ни обстановкой, ни туалетными принадлежностями, ни дверьми. В целом, взгляд героев друг на друга и на мир сужен и ограничен, потому что опосредован, осуществляется через LSD-мониторы, через лабиринт текста, появляющегося на экране, который к тому же проходит корректировку то ли

модератора, то ли Минотавра, то ли другой неведомой им сущности:

«Romeo-y-Cohiba

Я нахожусь в комнате. Или в камере, не знаю, как правильнее. Она не большая. Зеленые стены, на потолке белый плафон. У стены кровать. У другой стены - стол с клавишной доской, на которой я сейчас печатаю..». (С.9)

«Organizm (-:

То же самое, что у Ромео. запертая металлическая дверь, на ней какой-то рельеф. Ванная как в гостинице. На полке под зеркалом - мыло, гель для душа, шампунь...» (С.10)

«Romeo-y-Cohiba

Мы в одной и той же гостинице. Попробую постучать в стену. Вы что-нибудь слышали?

Organizm (-:

Нет.» (С.11)

«Monstradamus

У меня такая же ситуация, похожая дверь и наряд». (С.14)

Таким образом, комната - это второй символ романа «Шлем Ужаса».

Как известно, комната - это замкнутое пространство с одним лишь выходом-входом - дверью. Символика комнаты более узка, чем символика дома. Но в данном произведении символизируется не то место, где человек проживает большую часть своей жизни, а своеобразную тюрьму, в которой все одинаково и в которую не по своей воле помещены главные герои. Комната становится в большей степени синонимом несвободы, тесноты и замкнутости, нежели сам лабиринт, а также превращается в элемент мифического пространства романа.

4.7. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности романа как произведения, написанного в стиле чат

Нет никакого сомнения в том, что русскоговорящий Интернет состоялся и как структурный элемент глобальной Сети, и как особое информационное, социальное, психологическое и лингвистическое пространство.

Социологи характеризуют Интернет как «особую информационную и коммуникативную среду, отличающуюся совокупность следующих признаков: виртуальностью, интерактивностью, гипертекстуальностью, глобальностью, анонимностью, мозаичностью» [Михайлов, Михайлов]. Под виртуальностью понимают и «идеальность», знаковость, заместительность, и новый тип символического существования человека и социума: все символы человеческого бытия могут быть помещены, воспроизведены и преобразованы в этом новом пространстве, в результате чего формируется символический «параллельный мир».

Под интерактивностью понимают «возможную активность пользователя-реципиента, отличающую Интернет как “гипермедиа” от обычных массмедиа» (там же). Гипертекстуальность как таковая не является изобретением Интернета, но гипертекстуальность Интернета универсальна: он выступает как принципиально открытая система текстов, баз данных, ссылок и т.д. Глобализация означает потенциально бесконечное расширение круга участников коммуникации.

Креативность Интернета понимают как социально значимую инсценировку индивидуальности пользователя через различные самопрезентации.

Анонимность Интернета напрямую связана с его креативностью. В интернете мало персонифицированных источников, а личность сводится, по сути, к тексту.

Мозаичность Интернета заключается в том, что виртуальная среда не иерархична, в ней отсутствует центр и периферия, а сетевой дискурс фрагментарен.

Существенной особенностью языка Интернета является конкуренция кодифицированного литературного языка и разговорной речи, а также норм письменной и устной речи. Большинство жанров сетевого общения заимствованы из несетевого общения, но чат - это исконно сетевой жанр, появившийся в пространстве глобальной Сети.

Роман В.Пелевина «Шлем Ужаса» написан, если опираться на построение и конструкцию произведения, в исконно сетевом жанре - чат. Восемь главных героев романа общаются между собой в режиме on-line, в своеобразном чате. Как мы уже упоминали, у них нет другой возможности обмениваться информацией, кроме как через LSD-мониторы с использованием клавиатуры и виртуального пространства.

Само название чат происходит от английского слова «chat», что означает «болтовня, треп». В романе, как и в чатах Интернета, постоянно происходит полилог, складывающийся из множества реплик. Самой характерной особенностью чата является то, что он сочетает устную разговорную речь и письменную форму ее передачи, причем в условиях, приближенных к условиям устной разговорной речи. Обитатели чатов практически полностью лишены возможности использовать и воспринимать невербальные и паравербальные средства устной коммуникации. В результате нехватки этих средств в процессе общения лица, ведущие разговор в чате,

нуждаются в средствах компенсации, и они в значительной степени разработаны.

Рассмотрим некоторые особенности языка чата в романе В.Пелевина «Шлем Ужаса».

Паравербальные средства (темп, пауза, тон) передаются при помощи символов, совпадающих со знаками пунктуации.

Многоточие передает темп речи, например:

«*Isolda*

Вот только непонятно, как это после таких возвышенных переживаний ты мог сделать это... эту... не знаю даже, как назвать» (С.196)

«*Ariadna*

Что дальше... Про лабиринт-сепаратор...» (С.204)

Тире употребляется для выделения значимой информации, помещения ее в центре внимания читателя-слушателя:

«*Organizm(- :*

Что значит - феноменологически?» (С.41)

«*Ariadna*

Может, Тесей - один из нас?» (С.45)

«*Organizm(- :*

Надо вот эту штуку повернуть сюда, а вот эту - сюда. Вот это да» (С.50)

Количество знаков препинания по иконическому принципу соответствует силе эмоций, например:

«*Romeo-y-Cohiba*

Я? Я?? И как же я себя вел?» (С.194)

Высота голоса, как правило, передается выделением текста заглавными буквами:

«*Sliff_zoSSchitan*

Минотавр RULEZ!!!» (С.50)

Невербальная информация может замещаться иконами-символами. Под символами имеется в виду

иконические значки («смайлики», от англ. smile – «улыбка»). В тексте романа они представлены вместо названий частей: : -), : -((((, : -))), : -(()), и в имени одного героя - Organizm(-:

Положительные эмоции обычно обозначают так: : -)

Отрицательные эмоции так: : -(

Количество скобок соответствует силе эмоции.

Существенной особенностью языка чата является активное использование латиницы и специальных графических средств - акронимов. Латиница часто используется в именах-никах. Заметим, что все имена главных героев романа написаны латиницей:

Monstradamus, Nutscraker, Romeo-y-Cohiba, IsoldA, Ariadna, UGLI 666, Organizm(-:, Sliff_zoSSchitan.

Помимо ников, в «полотно» романа вплетаются фразы на латинском языке и даже тексты:

«*Monstradamus*

...получится SANCTA ECCLESIA, что означает “святая церковь” с одной ошибкой”» (С.123)

«*UGLI 666*

...а перед входом в этот лабиринт на полу выложена другая латинская надпись: HVHC MVNDVM TIPICE LABERINTHVS: INTRANTI LARGUS, REDEUNTI SET NIMIS ARTVS SIC MVNDO CAPTVS...» (С.112)

Возможно также включение в кириллический текст фрагмента на английском языке (части слова, слова, в том числе аббревиатуры). Вместо латиницы может использоваться транслитерация, например:

«*Sliff_zoSSchitan*

...Имхо если я вижу самое важное я и есть Тисей» (С.177)

ИМХО = ИМНО = In my humble opinion «по моему скромному мнению».

В буквенном оформлении морфем главным из отклонений от нормативной орфографии в чатах является увеличение числа слов или морфем, написанных в соответствии с фонетическим принципом. Sliff_zoSSchitan - единственный герой романа «Шлем Ужаса», который пишет по принципу «как слышится, так и пишется», например:

«Sliff_zoSSchitan

Сичас абьясню. Ты заметил что мы никогда не существуим адновременно а только поочереди?» (С.178)

В речи героя наибольшее число ошибок, в том числе случаев гиперкоррекции, которая встречается в следующих зонах:

а) мена букв *o* и *a*, *e* и *и* для записи безударного слога:

- *«меня ламает всего...» (С.34)*

- *«пasmатрела фзеркало и увидила...» (С.179)*

- *«рас ты ни понял я подругому спрашу...» (С.178)*

б) ошибки в написании *тcя* и *тcья* в глаголе, мена на удвоенное *ц*:

- *«все определицца...» (С.177)*

- *«Минатавр появицца...» (С.180)*

в) отсутствие мягкого знака в нефонетической функции:

- *«слушай что я говорю и узнаеш...» (С.179)*

г) отражение на письме ассимилятивных и диссимилятивных изменений согласных:

- *«фсе сделано изтово...» (С.179)*

- *«ничево» (С.179)*

д) написание жи-ши с *ы*:

- *«жызненно» (С.56)*

- *«ни вуали ниландышый...»(С.179)*

Наиболее частые отклонения от нормативности наблюдаются в слитном, раздельном и дефисном напи-

сании. Слово или словоформа пишутся слитно вопреки их нормативному дефисному или раздельному написанию, например:

- «*нисмишно..»*» (С.179)

- «*я подругому спрашу...*» (С.178)

- «*зделано изтово кто смотрет...*» (С.179)

В языке чата существенно трансформируется пунктуационное оформление высказывания. Пунктуация демонстрирует, с одной стороны, сращение числа знаков препинания в тексте, с другой - значительные отступления от нормативной постановки знаков в сторону семантизации текста, т.е. пропозиционального его расчленения. Точки и запяты ставятся крайне редко. Сложные предложения для чатового полилога нехарактерны. Если же сложное предложение употреблено, то его части могут дробиться. Продемонстрируем выше сказанное на примере из текста:

«*Nutscraker*

Чтобы дверь закрылась, надо на него нажать. А чтобы открылась, надо надавить на топор. Тогда каждый сможет открыть. Когда захочет...» (С.49)

«*Sliff_zoSSchitan*

...он видит эту бронзовую морду с рогами потому что глядит на себя в зеркало через дырочки в бронзе. Без Тисея нет Минатавра...» (С.179)

Другие знаки препинания - такие, как скобки, двоеточие, тире и кавычки - используются крайне редко. Восклицательный знак ставится как знак экспрессии и повышения голоса, причем чаще всего не один:

«*Sliff_zoSSchitan*

...Минатавр RULEZ!!!» (С.50)

Таким образом, мы можем сделать определенные выводы. Специфические для Интернета и чата языковые особенности проникают в несетевые формы общения, а

также в литературные произведения конца XX-начала XXI века, и ярким этому примером может послужить роман В.Пелевина «Шлем Ужаса», который соединяет в себе русский литературный язык с языком исконно сетевого жанра Интернета. Этот момент нельзя не учитывать, говоря о современной русской ЯКМ, тем более о ее художественном варианте.

Глава V. Номинация и концептуализация (лингвоконцепт «Любовь» в эссеистике Н.К.Рериха)

5.1. Особенности реализации концепта «Любовь» в современном русском языке

Несмотря на обилие научных трактатов, причина зарождения любви у человека и выбор ее предмета изначально необъяснимы. В этом смысле остаются верны на все времена евангельские слова о том, что «тайна сия велика есть», а концепт «Любовь» как никакой другой соответствует представлениям о выражении неопределимой сущности бытия в неопределенной сфере сознания.

Концепт любви принадлежит к числу настолько высоких духовных абстракций, выше которых в человеческой душе начинается мертвое, безвоздушное пространство. Он входит в число мировоззренческих универсалий, образующих основания культуры, и относится к числу базовых – терминальных ценностей и экзистенциальных благ, где выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами счастья, веры, надежды, свободы и напрямую связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственного индивидуального бытия.

Любовь, по утверждению Э. Фромма, - «единственный разумный и удовлетворительный ответ на вопрос о смысле человеческого существования». В этой универсалии культуры субъективного ряда фиксируется отношение к объекту как к чему-то безусловно ценному представлен, если можно так сказать, «телеономный (от греч. Τελοξ – результат, завершение, цель и νομοξ - закон) концепт в квадрате»: она формирует смысл индивидуальной жизни и через выход за пределы отдельного бытия, и через стремление единения с

абсолютным благом [Воркачев, Воркачева, 2005: 251].

Философский энциклопедический словарь под редакцией Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблевой, В.А. Лутченко предлагает следующее понимание любви: «Любовь в широком смысле стремление друг к другу, предполагающее в своем существовании уважение друг друга и даже способствующее этому. Древнеиндийские веды и древнегреческая философия (Гесиод, Эмпидокл) расценивают в этом смысле любовь как космический принцип, посредством которого умиряется и объединяется Вселенная во всем ее стремящемся к распаду обилии сил и форм. Перенесенная на человека, любовь означает, с одной стороны, телесно – духовный принцип продолжения рода, с другой стороны, душевно – духовный принцип «платонической любви», свободной от всякого желания обладания. Христианство проповедует любовь между Богом и человеком (сострадательная любовь Бога, почитательная любовь человека), так же как и людей между собой (заповедь христианской любви к ближнему, причем понятие ближнего распространяется на всех людей – и на друзей, и на врагов). Шопенгауэр рассматривает любовь как равную сострадания. В этике любовь – добродетель личности в отношении к другой личности, представляющая собой частичку ценности личности любящего и направленная на ценность личности любимого, преданность ему. Ибо все, что есть в тебе ценного, выполняет свое назначение тем, что является также ценным для кого-то. Любящий дает любимому... новое измерение своей сущности – быть «для него» (в то время как обычно он – только бытие «в себе»). Личная любовь является для личности дополнением к его ценности, приданием смысла его бытию.

В теории познания любовь – предпосылка и начало процесса познания. Август говорит: «Tantum cognoscitur, quantum diligitur» (лат. – «Мы познаем в той мере, в какой

любим»); аналогичное утверждают Гете, Леонардо да Винчи, Джордано Бруно. У Паскаля любовь («сердце») прокладывает разуму дорогу к вещам и людям. С точки зрения Сартра, любовь по своему существу есть план, как заставить себя полюбить. Идеал, цель и ценность любви состоят в том, чтобы влиять на свободу другого, но вместе с тем оставлять ее невредимой: она должна сама побудить себя к тому, чтобы стать любовью. «Желать стать любимым – значит желать принудить другого все вновь и вновь создавать меня как условие своей свободы» [Гибский, Кораблева, Лутченко, 2003: 251].

Из всех проявлений морального сознания ни одно так не привлекало внимание человека и не оценивалось им столь высоко, как любовь. «Монарх среди чувств» (Рюриков), «чудо цивилизации» (Стендаль), «одоухотворение плоти» (Васильев), «печать образа Божия в человеке» (Булгаков) – эта «самая естественная для человека страсть» (Паскаль), которая дает ему «возможность выхода из замкнутого круга самости» (Гиппиус), с которой «все начинается» (Рождественский) и которая одна «создает красоту» (Вейнигер), от века составляет основной и неисчерпаемый сюжет художественного творчества, где к ней, по сути, сводятся «все виды наших отношений» (Губерман). Много сказано о ее могуществе: она «движет солнце и планеты» (Данте), в компании с голодом правит миром и, по Фрейду, вместе со смертью (Эрос и Танатос) составляет глубинную основу психической жизни индивида.

При анализе концепта необходимо учитывать его место в концептосфере и языковой картине мира, опираясь на данные энциклопедических и лингвистических словарей. Данные «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера говорят о том, что по своему происхождению слово «любовь» восходит к *либо, любой, любый* в значении «дорогой», укр. любий, др.-русск., ст.-слав. любь, словен.

l̥yɪb, l̥yɪba, чеш. líbu «милый, любимый, приятный»; любовь, укр. любов, др.-русск., ст.-слав. любы. Родственно лит. líars̥ «почет, хвалебная песнь», l̥õbhauti «возбуждает желание», гот. liufs, д.-в.-н. liob «дорогой, милый»; с другим вокализмом: д.-в.-н. lob ср. р. «хвала», гот. lubains «надежда», glaubjan «верить», лат. lubet, libet «желаю, жажду» [Фасмер, 2003: 544].

Язычники понимали любовь как космогоническое начало. Согласно мифопоэтическим преданиям глубокой древности, Ночь родила Яйцо (символ Вселенной), а из Бездны разбившегося Яйца возникли Небо (верхний мир) и Земля (средний и нижний миры). При этом Любовь выступала как сущность, вносящая гармонию в нарождающуюся Вселенную как упорядочивающее начало [Маковский, 1996: 212].

В словаре М. М. Маковского сравнивается нем. Liebe «любовь», тох. A gare «музыка, гармония», литов. labas «хороший»; и.-е. *sterg, но кельт. trigio «музыка» (символ вселенской гармонии). С другой стороны, сравнивается лат. amor «любовь» и отмечается отрицание a- + *mor в значении «пустота, бездна». Греч. ερωζ «любовь» Маковский рассматривает как и.-е. *eg- «бездна» и сравнивает с греч. ηρωζ «богатырь, палуба». Англ. fond (of) «любящий» является причастием прошедшего времени от глагола to fun «любить», представленного в английских диалектах. Это слово соотносится с блр. за-пон «вечер, ночь» (типологически ср.: др.-инд. sneha «любовь», но лат. пох «ночь»; и.-е. *sterg – «любовь», англ. dark «темный»; англ. like «любить», но гот. giais «тьма»). Также принимается во внимание и.-е. *pen(t) - : ср. англ. pit «яма»; ср. также: нем. диал. anden «страстно желать, любить», но др.-инд. andh – «темный», осет. aeddag «внешний».

Следует отметить также, что слова со значением «любовь» нередко отождествляются со значением «слово»:

сравним греч. ερως «любовь», но и.-е. *цег – «говорить» (ср. англ. word, нем. Wort «слово»); ирл. cín «любовь», но и.-е. *kʷen(d)-, ср. др.-англ. sweran «говорить»; др.-инд. kama «любовь», но тох. А kam «звук». Вместе с тем лексемы, имеющие значение «любовь» (и, соответственно, «слово» как элемент первотворчества Вселенной), могут принимать значение «пустой», «зияющий» > («бездна»): ср. лат. amor «любовь», хет. amatu «слово», но др.-англ. love «нуль, пустота»; ирл. cín «любовь», но греч. κενος «пустой»; ирл. goal «любовь», но англ. gully «овраг», рус. голый, ц.-слав. кила «грыжа», а с другой стороны, и.-е. *kuk «rudendum», лтш. kuoks «дерево» (символ Вселенной, гармонии, порядка), лат. caecus «слепой, темный»; ср.-в.-нем. Minne «любовь», но англ. mine «копь», рус. диал. маниться «затмеваться» (о солнце), ман «облако, туман».

Далее понятие «любовь» Маковский соотносит с понятием «застывший в религиозном экстазе». Сравнивает лат. amor «любовь», но алб. i amtl «глупый»; нем. lieben «любить», но рус. глупый (ср. тох. А klor «опасность»); лтш. mila «любовь», но нем. диал. Malle «дурак». Ср. также: англ. сленг spoon «любить», но англ. сленг spoon «дурак». Также слова со значением «любовь» Маковский соотносит со значением «луна»: ср. лат. amor «любовь», но хет. arma «луна» (луна символ болезни и смерти; хет. arman «болезнь», типологически ср. др.-инд. sneha «любовь», но и.-е. *nek – «смерть»); греч. ερως «любовь», но н.-ирл. gē «луна»; арм. ser «любовь», но греч. σεληνα «луна» (*sel- / *ser-na); гот. frijon «любить», но тох. А pallet «луна» (*pel- / *per-: ср. англ. pal «друг, товарищ»); нем. Minne «любовь», но литов. menio «луна». Понятие любви, по Маковскому, может соотноситься с понятием «небо»: ср. и.-е. *kam – «любовь» + общегерм. *bil – «любовь», но нем. Himmel «небо»; чеш. Laska «любовь» (*lesk- > *lek- > *elk- > *erk); но ирл. erk «небо»; греч. ερως «любовь», но греч. ουρανος «небо» (*er-

*цег-: относительно последней части речи греч. ουρανος ср. хет. aniya «поклоняться божеству»). Также понятие любви Маковский соотносит с животными – небожителями (корова, олень): ср. рус. любовь, но нем. диал. Lob «корова», лтш. luops «скот»; и.-е. *kam – «любовь», но и.-е. *kem(nd) – «парнокопытное животное»; чеш. laska «любовь»; *lesk- > *lek-, но и.-е. *elk- «олень»; арм. ser «любовь»; но рус. серна (*ker-), ср. греч. σεληνα «луна». Ср. также лат. amor «любовь», но и.-е. ombhel – «пуп, середина». Слова со значением «любовь» исследователь соотносит и с понятием «краска» (мистический символ): ср. валл. coch «красный», но польск. kochac «любить»; валл. gwenn «белый», но лат. venus «любовь» (ср. др.-англ. swin «песня», «гармония», «порядок»); рус. серый, но арм. ser «любовь».

В «Словаре русской культуры» Ю. С. Степанова отмечается, что внутренняя форма концепта «Любовь», то есть выражающих его слов – любить, любовь, далеко не такая ясная и стройная, как мы ожидали бы по его содержанию. Напротив, она противоречива, разорвана и местами как бы исчезает из идеального поля концепта.

Глагол *любить* по своему происхождению и форме – каузативный, то есть означающий «вызывать в ком-то или в чем-то соответствующее действие, заставлять кого-то или что-то делать это»; поить при пить, будить при бдеть; по своей форме – любить из *ljub-j-ti из и.-е. *leubh-йi-(e)-ti – он в точности параллелен др.-инд. lobhbuti «возбуждать желание, заставлять любить, влюблять». В русском языке, как и вообще в славянских языках, глагола, соответствующего пить при поить, бдеть при будить нет. Его функции стал выполнять тот же глагол любить.

Заметим, что в народном быту вместо *люблю* говорят *жалю*, *жалко* (кого). Этот глагол передает физическое ощущение, возникающее в процессе любви, но сам концепт

«Любовь» не затрагивается и не выражается. Таким образом, можно сказать, что понятие любовь на языке простого народа словами не выражается и остается великой, святой тайной, притягивающей людей друг к другу.

К словам, наиболее полно выражающим концепт, относится имя др.-рус. *любъ*. Причем это слово выступает и как прилагательное: *любъ, люба, любо* «милый, милая, милое», и как наречие: *любо* «мило, хорошо», и как существительное – имя любви, «любовь» - *любы* или *любо* (реже). Употребление этого слова как существительного можно увидеть в следующем выражении: *Въ любе жити* «жить в любви, в мире, в согласии». В качестве наречия слово *любо* выражает состояние человека или окружающей среды. Пример употребления слова *любо* как наречия мы встречаем у Тургенева: «Хорошо, весело, *любо!*»

Как существительное др.-рус. слово *любо* воспроизводит древнейший индоевропейский способ образования абстрактных имен чувств, качеств и т. п. – без всяких суффиксов от прилагательных, так, например, в латыни: *vĕritas* «истина», по форме – просто прилагательное ср. рода «истинное, верное». Позднее в истории каждого отдельного языка эти первичные имена качеств заменяются суффиксальными – лат. *veritas*, рус. *любы, любовь* (первоначально *любовь* – это форма винительного падежа от *любы*).

Но для наиболее полного анализа концепта «Любовь» нам необходимо установить значение корня *люб-*. Ю.С. Степанов проводит параллель к славянскому языку от готского, где имелось прилагательное *liufs* «милый, любимый» и производные от того же корня, например *brorpu-lubo* «братская любовь». Но это качество было лишь одним из значений данного корня. Степанов приводит еще два значения: 1) «надежный; такой, кому можно довериться», гот. *da-laubjan* «верить»; 2) «ценный», гот. *da-*

laufs; эти значения совмещаются в др.-верхне-нем. *da-loub* «возбуждающий доверие, приятный». Также сюда добавляется значение, развившееся в слове того же корня современного немецкого *glauben* «верить», *Glaube* муж. род «вера».

В зеркале языка «Любовь» представляется как результат «попеременной инициативы», «круговорота общения» «себя» с «другим», агенса А с агенсом Б. Вспомним, что и глагол *lieben*, каузатив, первоначально означал, что некто, агент А, «сам» возбуждает желание, чувство любви в «другом», в агенте Б, после чего наступает «состояние любви» и у агенса А. Такая семантическая схема позволяет нам увидеть в концепте «Любовь» еще один элемент – элемент «попеременного сравнения», взаимного уподобления двух лиц.

Действительно, мы находим его в русской и английской языковых моделях этого чувства – в концепте «Нравиться». В русской модели *Она (он) мне нравится* источником устанавливающегося между двумя людьми отношения, чувства, выступает «другой» - агент Б, «она», «он», который и предстает здесь как субъект, противопоставленный «мне», моему «Я». Но воспринимающим это отношение, его «точкой прибытия», его «адресатом» (или, как выражаются в таких случаях психолингвисты, - «реципиентом», «вместилищем») является мое «Я», являюсь «Я», представленный как объект в дательном падеже. Возбуждаемое чувство развивается во мне как во «вместилище» этого чувства.

Такое понимание подтверждается и внутренней, этимологической, формой модели. Рус. *нрав* в первом значении значит «желание, хотение», «расположение к чему-либо, склонность». Поэтому *нравится* по прямому смыслу формулы значит «имеет склонность, расположение к чему-либо или кому-либо вовне; *норовит*; приспо-

сабливает свой нрав к кому-либо другому». Тем самым указывается, что действию «нравления», которое будет протекать во «мне», в агенсе А, предшествует внутреннее состояние подготовки, «приноровления», протекающее в «ней» или в «нем», в агенсе Б. Это взаимное приспособление, взаимное «примеривание», более точно выражаемое словами «подходят, начинают подходить друг к другу», подчеркивается такими формулами русского языка как *Мне по нраву, по душе, по сердцу*, имеющими в точности такое же строение, как *Мне по росту, по силе, по плечу, по глазам* и т. д. (ср. *Не по себе ломись!*). Здесь перед нами элемент сравнения.

В точности такой же элемент мы находим в английской модели *I like her (him)* «Она (он) мне нравится», даже и по буквальному, этимологическому, смыслу слова – «Я подобен ей (ему)». Отличие от русской модели здесь состоит лишь в том, что агенс А («Я») представлен здесь более активным – в субъектной, а не в объектной форме.

Рус. *норов* имеет индоевропейский прототип, который выступает таким же компонентом сравнения в сложных прилагательных, но следы этого сохранились только в греческом в виде $-(\acute{\eta})\nu\omicron\rho$, втором компоненте сложных слов: $\epsilon\upsilon\text{-}\acute{\eta}\nu\omicron\rho$ «мужественный, подобающий мужчине», буквально «хороший, как мужчина»; $\acute{\alpha}\gamma\text{-}\acute{\eta}\nu\omicron\rho$ «отважный», буквально «вождю подобный». Отличие от германской модели состоит в том, что там компонентом сравнения выступает «тело», а здесь «дух, характер, нрав».

Однако компонент «подобие» внутри концепта «Любовь» выступает не в статичном, а в динамичном плане, - скорее как «уподобление друг другу», чем просто как «подобие». Это почти буквально отражено в русском *влюбить* (в себя) «заставить любить». И, наконец, это действие «уподобления-влюбления» совершается по модели «кругового общения» - агенс А воздействует на агенса Б,

затем последний снова на первого и так далее. Это опять-таки буквально отражено в русском *влюбиться* «влюбиться, влюбить себя в кого-то другого». Таким образом, резюмируя, следует сказать, что внутренняя, языковая, форма концепта «Любовь» складывается из трех компонентов: а) «взаимное подобие» двух людей, б) «установление, или вызывание, этого подобия действием», в) осуществление этого действия, или, скорее, цикла действий, по «круговой модели», в которой «адресантом» и «адресатом» попеременно выступают оба участника, причем первоначально «адресантом» или «источником» всего цикла действий оказывается неактивный агент, который затем, будет «объектом» любви.

Концепт «Любовь» в индоевропейской культуре пересекается с несколькими другими. Эти пересечения, частичные перекрытия или наложения, - имбрикации [Степанов, 1997: 284] отражаются в двух видах. Либо имбрикация концептов заключается в том, что у двух концептов оказываются общие семантические компоненты. Либо – в том, что у двух концептов имеется некоторый общий принцип строения, общий структурный признак. Концепт «Любовь» пересекается с концептами «Слово» и «Вера» именно через общий им структурный принцип – «круговорот общения» двух человеческих существ, в процессе которого во всех трех случаях передается как бы некая «плотная сущность» (сама по себе в «Слове», «Вере» и «Любви» - различная) [Там же].

Целая группа концептов «Любовь», «Вера», «Воля» пересекается (имеет имбрикацию) с другой целой группой – «Страх», «Тоска», «Грех», «Грусть», «Печаль», связи двух групп служит концепт «Радость». В «Радости» есть – главный для этого концепта – семантический компонент «Забота», и этот компонент – но уже как периферийный – проходит в обеих названных группах. В «Любви» этот

компонент обнаруживается при этимологическом анализе: и.-е. корень *sterg-//*sterk-, значение которого передается как «заботясь о чем- или ком-либо, следить за предметом своей заботы, оберегать и холить», ирл. serc «любовь», в ст.-сл. и рус. нечто иное: ст.-сл. strěgo strěšti «беречь, сторожить, караулить», рус. сторожить, сторож. Таким образом и сама любовь, «плотная сущность», предстает как нечто отдельное от человека, нечто, что можно хранить и лелеять.

И точно таким же предметом заботы и охранения оказывается и человек – объект любви. Но человек делается таковым не в силу какого-либо неотъемлемого материального качества, а в силу приобретенного человеком качества относительного, - как существа, в котором поселилась перемещающаяся «плотная сущность» - Любовь.

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее определение лексемы «любовь»:

- 1) чувство (муки любви, признание в любви, брак по любви);
- 2) чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности (любовь к родителям, любовь к ближнему);
- 3) постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь (любовь к правде, любовь к истине, любовь к животным);
- 4) предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит) (Он – ее первая любовь);
- 5) пристрастие, вкус к чему-либо (любовь к сладкому, любовь к спиртному);
- 6) интимные отношения, интимная связь (заниматься любовью, тайная любовь).

Любовь

- 1) испытывать любовь к кому-, чему-нибудь (любить детей, любить женщину);
- 2) иметь склонность, пристрастие к чему-нибудь (любить музыку);
- 3) быть довольным тем, что нравится, что приходится по вкусу (любить красивые вещи);
- 4) нуждаться в каких-нибудь предпочтительных условиях (цветы любят тепло (чтобы было тепло)).

Любовный

- 1) выражающий любовь, проникнутый любовью (любовное письмо, любовный взгляд);
- 2) внимательно – заботливый (любовное отношение к делу).

Любимый

- 1) дорогой для сердца, такой, к которому обращена любовь (любимый друг);
- 2) тот, кто больше всего нравится (любимый писатель).

Любо – приятно, хорошо (любо посмотреть) [Ожегов, Шведова 1999: 335 - 336].

В «Словаре русского литературного языка» в 17 т. мы находим следующие определения:

Любовь

- 1) чувство глубокой привязанности, преданности кому-, чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п. (Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой. (Лермонтов «Родина»)). Чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п. (Ту же безграничную любовь, которую внушала мне сестренка, чувствовал ко мне брат Вася. (Фет «Ранние годы моей жизни»));
- 2) чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола (Я вас любил: любовь еще, быть может, В

душе моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем (Пушкин «Я вас любил»)).

Первая любовь (Санин и она – полюбили в первый раз; все чудеса первой любви совершались над ними. (Тургенев «Вешние воды»)).

Жить в любви и согласии. О мирной, дружной жизни. (И так прожили Пустоваловы тихо и смирно, в любви и полном согласии шесть лет. (Чехов «Душечка»)).

Чья-либо любовь.

Любовные отношения (Ее решительно не научили ничему, как только любить, или, лучше сказать, вести любовь с мужчиной. (Писемский «Люди сороковых годов»)).

3) внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо. (Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям. (Пушкин Письмо к Катенину)).

Пристрастие к чему-либо; предпочтение чего-либо.

Сильное стремление к чему-либо (Любовь к свободе родины у Инсарова... во всем организме, и что бы ни вошло в него, все претворяется силою этого чувства. (Добролюбов «Когда же придет настоящий день?»)).

Любить

1) чувствовать глубокую привязанность, преданность к кому-, чему-либо, основанные на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п. (В ней [России] каждый отчизну с младенчества любит. (Рылеев «Иван Сусанин»));

2) чувствовать горячую сердечную склонность, влечение к лицу другого пола (Непостижимой, чудной силой К тебе я вся привлечена; Люблю тебя, невольник милый, Душа тобой упоена. (Пушкин «Кавказский пленник»));

3) чувствовать внутреннее влечение, внутреннюю

склонность, тяготение к чему-либо. Испытывать удовольствие (от созерцания, ощущения чего-либо)(Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение, Береговой ее гранит. (Пушкин «Медный всадник»));

4) предпочитать что-либо как наилучшее условие своего существования, обитания (о животных, растениях).

Любимый

1) такой, который внушает чувство любви; дорогой, близкий сердцу (Анна улыбнулась, как улыбаются слабостям любимых людей. (Л. Толстой «Анна Каренина»));

2) пользующийся любовью преимущественно перед другими.

Любимчик – человек, пользующийся чьей-то любовью, покровительством в ущерб другим (обычно с оттенком пренебрежения).

Любимец – тот, кого особенно любят, отличают, ценят (Из шатра Толпой любимцев окруженный Выходит Петр. (Пушкин «Полтава»)) [Толковый словарь современного русского литературного языка, 1957: 425 - 438].

Любовь – состояние любящего, страсть, привязанность, склонность; вожделение; охота, расположение к чему-либо.

Любить – чувствовать любовь, сильную привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотение; избрание и предпочтение кого- или чего-либо по воле (не рассудку); желать добра, производить чувство неги; любить друг друга; о любви половой.

Любимый – кого любят, избранный; способный любить, обладающий горячим и нежным нравом [Даль, 1998: 27 - 28].

Судя по данным «Словаря пословиц и поговорок», мы

можем сделать вывод, что в народном понимании слово «любовь» объединяет различные понятия: корысть (*Любит и мать дитя, любит и волк овцу. Любит и волк овцу. Любит и кошка мышку. Любит и кот воробушка. Любит и кот сало.; Любит, как душу, а трясет, как грушу.; Любит только себя.*), основа жизни на земле, необходимое условие жизни (*Без солнышка нельзя пробыть, без любви нельзя прожить.; Без любви – как без солнца.; Не мил и свет, коль милого нет.*), то, что не скрыть, нечто необъятное, но что не выразить словами (*Любви и кашля от людей не спрячешь.; Любовь – не пожар, а загорится – не потушишь.; Любовь на замок не закроешь.; Любовь начинается с глаз.; Сердце сердцу весть подает.; Сердце – вещун.; У любви, как у кольца, нет конца.*), забота (*На руках ее носит.; Пылинки с нее сдувает.; Мухе не даст сесть на нее.; Он и ветру не даст дунуть на нее.; Он и пылинке не даст на нее упасть.*), перекликается с понятием «дружба» (*Их и водой не разольешь.*), может вызывать негативные чувства (*Любовь входит через глаза, а выходит боком.; Милый не злодей, а иссушит до костей.; Дай сердцу волю, заведет в неволю.; Любовь слепа.*).

В изучении концепта представляется эффективным использование полевого метода, позволяющего осуществить системное рассмотрение плана выражения и плана содержания концепта. Полевой метод в языкознании представляет собой метод системного анализа единиц языка разных уровней, при котором данные единицы упорядоченно группируются вокруг центрального значения или имени/термина (обозначения соответствующего объекта действительности) в зависимости от степени связанности с этим значением или аспекта характеристики денотата.

Предлагаемая В. А. Масловой структура концепта представляется в виде круга, в центре которого лежит

основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом. Ядро – это словарные значения той или иной лексемы. Периферия же – субъективный опыт [Маслова, 2005: 45].

В зависимости от состава и значения лексических единиц, входящих в поле, различаются структурно-семантические типы поля: 1) поле однотипного состава, в него входят синонимическое семантическое поле, антонимическое семантическое поле, гиперо-гипонимическое семантическое поле и др.; 2) поле разнотипного состава, или синкретичное поле, имеющее в основе смысловой организации гиперо-гипонимическую структуру, которая наполняется синонимическими, антонимическими, и другими парадигмами.

Семантическая структура поля состоит из следующих частей: 1) ядро поля представлено родовой семой (гиперсемой). Гиперсема поля – семантический компонент высшего порядка, организующий вокруг себя семантическое развертывание поля. Родовая сема может быть обозначена гиперонимом – словом с родовым понятием; 2) центр поля состоит из единиц, имеющих интегральное, общее с ядром и друг с другом, значение и разграничивающихся с ядром и рядомположенными единицами дифференциальными значениями. Эти единицы более сложны по своей семантике и как бы обволакивают словами ядро; 3) периферия поля включает единицы, наиболее удаленные в своем значении от ядра. Обычно периферийные слои поля вступают в контакты с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы; 4) фрагменты поля представляют собой вертикальную ядерную и центро-периферийную структуру однотипного/разнотипного состава.

Проанализируем лексико-семантическое поле «Любовь».

Лексико-семантическая группа, являясь самой обширной по объему своих членов организацией слов, объединяется базовым семантическим компонентом. Этот компонент обобщает несколько различных гиперсем, более конкретных по значению. Базовый семантический компонент – гиперсема I – интегральная сема, который противопоставлен дифференциальной семе – гиперсемы (родовые семы) и гипосемы.

Ядро поля представлено гиперсемой «любовь». В центре поля находится антонимическая парадигма: симпатия (влечение, внутреннее расположение к кому- , чему-нибудь; о предмете чьего-нибудь расположения, любви) – ненависть (чувство сильной вражды, злобы), которые имеют гипонимические отношения с ядром. Периферию занимают слова, составляющие антонимическую парадигму, причем часть этих единиц составляют ближнюю периферию, другую часть мы отнесли к дальней периферии. Позитивными членами антонимической парадигмы ближней периферии являются слова: страсть, влюбленность, влечение, тяга, привязанность, расположение, приязнь, благосклонность, пассия, пыл, жар, роман, прельщение, обольщение. Эти слова противопоставлены негативным членам антонимической парадигмы ближней периферии, к которым относятся: неприязнь, антипатия, нерасположение, агрессия, недружелюбие, антагонизм, холодность, враждебность, недоброжелательность, отвращение, равнодушие. К дальней периферии относятся следующие позитивные члены антонимической парадигмы: привычка, мания, энтузиазм, душевность, добросердечие, сердечность, чуткость, отзывчивость, открытость, почтение, признательность, радушие, знойность, пламенность, милосердие, великодушие. Они вступают в антонимические

отношения с негативными членами дальней периферии: бессердечность, злоба, жестокость, жестокосердие, бессердечие, безжалостность, злость, беспощадность, бесчеловечность, немилосердие, безучастие, безучастность, бесчувственность, индифферентность.

Лексико-словообразовательное антонимическое поле «Любовь» может быть представлено следующим образом:

- 1) ядро поля – гиперсема «любовь» означена одноименной номинацией – гиперонимом «любовь»;
- 2) в центре находится антонимическая парадигма: симпатия (влечение, внутреннее расположение к кому-, чему-нибудь; о предмете чьего-нибудь расположения, любви) – ненависть (чувство сильной вражды, злобы), которые имеют гипонимические отношения с ядром – гиперонимом любовь;
- 3) на периферии поля находятся словообразовательные дериваты позитивного члена антонимической парадигмы: симпатия → симпатяга (симпатичный человек) → симпатичный (вызывающий симпатию, расположение к себе) → симпатизировать (испытывать чувство симпатии, хорошо относиться к кому-, чему-нибудь). Так, одиночные дериваты на периферии поля образуют словообразовательное гнездо с именем центра симпатия. Противоположная (контрастная) сторона также представлена словообразовательным гнездом, состоящим из одиночных производных слов: ненависть → ненавистность → ненавистничество (злобное, полное ненависти отношении к кому-либо) → ненавистник (человек, постоянно желающий зла другим, исполненный ненависти к кому-либо) → ненавистный (внушающий ненависть, злобу, отвращение) → ненавистнический → ненавидеть (питать ненависть к кому-либо, испытывать неприязнь или отвращение к кому-либо, не выносить кого-, чего-либо);
- 4) внутри периферийного пространства образуются

синонимические парадигмы: симпатичный – ненавистный, симпатизировать – ненавидеть;

5) лексико-словообразовательное семантическое поле вбирает в себя парадигматику и словообразовательные структуры, образуя иерархии: а) общую семантическую структуру поля – гиперо-гипонимию парадигматического типа; б) внутреннее устройство гиперо-гипонимии составляют синонимические и антонимические парадигмы; в) одночастеречные и разночастеречные отношения между членами поля. Фрагменты поля представляют внутреполевые семантические структуры, относительно самостоятельные по смыслу, но одновременно соотнесенные с рядоположными / нерядоположными фрагментами. Таким образом, семантическое поле – сложная иерархическая структура с внутренне непересекающимися и пересекающимися семантическими отношениями.

Рассматриваемый нами концепт «Любовь» в народном сознании объединяет различные понятия: корысть, негативные чувства, основа жизни, забота. Но в целом, понятие любви ассоциируется с чем-то не выражаемым словами, это язык сердца, и часто слово *любить* заменяется словом *жалеть*. При этом способе выражения концепт «Любовь» остается не затронутым и не выраженным, на него лишь извне, по внешним признакам намекается.

Кроме того, глагол *любить* по своему происхождению – каузативный, означает «вызывать в ком-то соответствующее действие». Внутри концепта «Любовь» обнаруживается компонент «подобие», выступающий в динамичном плане – «уподобление друг другу». Концепт «Любовь» пересекается с концептами «Слово», «Вера», которые в свою очередь имеют имбрикацию с концептами «Страх», «Грех», «Грусть». Средством связи этих двух групп служит концепт «Радость».

В словарях *любовь* трактуется по-разному: это и любовь мужчины и женщины, и пристрастие к чему-либо, и привычка, и любовь к детям, и как необходимое условие существования. Но все же мы можем выделить компонент «забота», который и объединяет все эти значения и наиболее полно выражает сущность концепта.

В целом *любовь* понимается как основа жизни, гармония в мире. Концепт «Любовь» имеет древнюю историческую основу и собственно славянскую мифологическую почву. Это все позволяет нам прийти к выводу, что рассматриваемый нами концепт изначально выступает как один из базовых и сложных концептов, которому в полной мере присущи типичные для языкового сознания признаки.

5. 2 Концептуализация любви в философской эссеистике Н. К. Рериха

А. Рерих как языковая личность

Понятие «языковая личность» (ЯЛ) образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Интеграционный и многомерный характер этого термина имплицитно подразумевает неоднозначность и многоаспектность его понимания в лингвистике, задаваемого такими параметрами, как уровень абстракции (личность индивидуальная, групповая и базисная) и качественная область (личность физическая, социальная и духовная).

ЯЛ - это, во-первых, любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в

этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; во-вторых, наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное видение языка с функциональным анализом текстов.

ЯЛ характеризуется определенным запасом слов, имеющих тот или иной ранг частотности употребления, которые заполняют абстрактные синтаксические модели. Если модели достаточно типичны для представителя данного языкового коллектива, то лексикон и манера говорения могут указывать на его принадлежность к определенному социуму, свидетельствовать об уровне образованности, типе характера, указывать на пол и возраст. Языковой репертуар такой личности, деятельность которой связана с выполнением десятка социальных ролей, должен быть усвоен с учетом речевого этикета, принятого в социуме.

ЯЛ существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях, в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов.

Для того, чтобы понять, что же такое любовь для Н. К. Рериха, следует сказать несколько слов о самом художнике. О жизни и творчестве Н. К. Рериха написаны десятки монографий, множество статей выходят в России, Америке, Франции, Индии и других странах. Имя Н. К. Рериха, окруженное загадочными легендами, и вокруг него ведутся многочисленные споры.

Величайшим духовным наследством, оставленным Н. К. Рерихом потомкам, являются его картины и литературные произведения. Последние составляют около

двадцати семи томов, не считая множества очерков и статей. Н.Рерих достиг международной славы как художник, ученый, писатель, философ и воспитатель. Он был автором многих книг и сотрудником самых разносторонних журналов во всех частях света. Рерих писал на нескольких языках, и его самые значительные труды переведены на все главные языки Европы и Азии.

Сюжеты его литературных произведений охватывают самые обширные области – искусство, археологию, путешествия, философию, эзотерическую доктрину. Среди них – труд «Агни-Йога». В нем рассматривается вопрос о Йоге Огня, или опыте Троицы, который сужден новому человечеству по мере того, как оно соприкоснется с огнями Святого Духа.

Стоит лишь бросить беглый взгляд на некоторые из многих названий его трудов, чтобы обнаружить пророческий характер его работ. Одно из наиболее ранних произведений, опубликованное в 1925 году, названо «Пути Благословения». Далее – «Пламя в чаше», которое уже одним своим названием зажигает внутренние огни каждого человека, устремленного в поисках святого Грааля; «Шамбала», «Держава Света», «Твердыня Пламенная», «Священный Дозор» и «Врата в Будущее» – все они вызывают в уме устремленного священные образы и сокровенные переживания, связанные с путем, ведущим к озарению и мастерству.

Смысл творчества Рериха – создание красоты, пропаганда красоты, воспитание красотой. Изобразительными, педагогическими и всеми другими средствами он прививал соотечественникам любовь к родной истории, природе, искусству и культуре, так как без этой любви красота не может войти в душу.

Особенно много места в литературных трудах Рерих уделял этике и закономерностям. Он с различных сторон

рассматривал такие позитивные категории, как бесстрашие, доверие, доброжелательность, любовь, подвиг, и такие отрицательные, как эгоизм, страх, жестокость, пессимизм, лицемерие, злословие. При этом Рерих считал обреченным на гибель общество, построенное на власти денег, на этих, по его мнению, «расписках срама современного мира».

Весь мир был полем деятельности Н. К. Рериха. Каждая страница представляла для него особый интерес и особое значение. Каждая философия, каждое учение жизни были для него путем к совершенствованию, и жизнь для него была великими вратами будущего. Он во всем стремился к прекрасному: и в живописи, и в литературе, и в общественной жизни – это великолепное воплощение необыкновенной, возвышенной мысли.

Вторая половина его жизни была тесно связана с Индией, и его заслуженно называли мастером гор. Впервые свои взгляды Н. К. Рерих изложил в статье «Радость искусству». Главнейшую роль в жизни общества он отводил искусству. Именно оно, по его убеждению, несет с собой радость красоты, радость творчества, радость познания мира. Искусство – мера духовной эволюции человека.

В поисках духовных ценностей Рерих изучал труды мыслителей Востока, главным образом - Индии. Во второй половине XIX века в российских университетах открываются кафедры санскрита, а на начало XX века приходится расцвет русской индологии.

С ранних лет Рериха интересовала идея великого переселения народов и общности различных культур. Эта мысль и привела его к убеждению, что восточное влияние на Русь оказали более мощным, чем западное. Знакомство с востоковедением сосредоточивалось как на древних учениях, так и на современной деятельности индийских мыслителей.

Рама Кришна и Вивекананда – первые мыслители, по трудам которых Рерих знакомился с оригинальной индийской философией. Большое влияние оказала «Бхагавад-Гита», что явилось толчком к изучению буддийской философии. Из современников Рериху особенно близок был Рабиндранат Тагор.

Б. Языковое выражение концепта «Любовь» у Рериха

Рассматривая концепт «Любовь» как авторский текст, принадлежащий Н.К. Рериху, мы отчетливо видим, что основным способом его раскрытия является центростремительный (косвенный способ номинации), хотя в некоторых поэтических текстах встречается и центробежный способ (прямой способ номинации). В контекстах, где «Любовь» выступает в своем непосредственном лексическом виде, выражаясь номинационно-синтаксической формой слова или его лексико-деривационными производными, мы усматриваем прямой способ номинации, имеющий центробежный характер. Соответственно, косвенный способ номинации характерен для контекстов, которые непосредственно не содержат лексемы «любовь» и ее лексико-деривационных производных [Буров, 1999, II: 109].

Как мы уже отметили, Рерих подробно изучал труды восточных философов и верил в особое влияние Востока на Россию. В этой связи взгляды художника на многие этические категории обнаруживают восточное влияние. Не стало исключением и понимание Рерихом любви. Для него слово «любовь» выходит за рамки нашего привычно понимания. Любовь у Рериха носит космический, общечеловеческий характер и носит разные имена – это и красота, и творчество, и культура, и свет.

В прозаических произведениях Н. К. Рериха концепт «Любовь» реализуется в лексемах «культура», «красота», «искусство», «свет». Понятия любви, культуры, света, искусства для Рериха не существуют порознь, они в диалектическом единстве. И если речь заходит о любви, то понятия культуры и искусства обязательно присутствуют. Любовь - это свет, наполняющий сердце человеческое. Культура есть почитание света и человечество должно стремиться к этому объединяющему свету.

В словаре культура определяется как совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей [Ожегов, Шведова, 1999: 313]. Рерих понятие «культура» возводит к санскритскому корню – Cult Ur – Почитание Света, тем самым подчеркивая его высший духовный смысл. «*Мир через культуру!*» [Рерих, 1990: 86]. Он заменяет «почитание» менее торжественным, но может быть, еще более точным в своей направленности словом: «*Культура... есть служение Свету*» [Там же: 15].

Красота для Рериха - это внутренний свет человека, пробудившийся к действию, жаждущий творческого воплощения. «*Красотой побеждаем, красотой молимся, красотой объединяемся*» [Там же: 23]. «*Знаком красоты открываются врата запечатленные. Знаменательно наблюдать, как целительно и возвышающе каждое красоты прикосновение*» [Там же: 38]. Существует один ключ, по мнению Рериха, открывающий все врата. Этот ключ называется красотой. Именно под знаком творческой красоты и вершится непрестанное восхождение человеческого пути.

«*...Из мысли, эманации совершенно реальной, мы ухитрились сделать отвлеченность. Мы забыли, что не рука, но мысль и творит, и убивает. А из любви мы сделали кислое вздыхание, или мерзость блуда*» [Там же: 17]. По мнению Рериха, извращено само понятие любви.

Превратившееся в холодное и отвлеченное слово, оно должно вновь стать благословенным и действенным. Именно действенным, потому что любовь без дела была, есть и будет мертвой. Любовь очищает человеческое сознание. Рерих называет ее «творческим излучением сердца». Сердце же есть вместилище света. А культура, как мы уже отметили, есть почитание света. *«Культура есть оружие Света – Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце»* [Там же: 20]. Умолкает сердце – молчит и культура.

Для художника любовь – синоним единения. Мечту о единстве он сопоставляет со всемирной мечтой о золотом веке. *«Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь»* [Там же: 25]. Надо искать не то, что разъединяет, а то, что объединяет. Надо помнить: истина одна, но пути, ведущие к ней, бесконечны, как бесконечен сам путь познания и восхождения человеческого духа. На языке поэтических символов это звучит у Рериха так:

*Вот уж был день! Пришло
к нам сразу столько людей.
Они привели с собой каких-то
совсем незнакомых. Ранее я
не мог ничего о них расспросить.
Хуже всего, что они говорили
на языках совсем непонятных.
И я улыбался, слушая их
странные речи. Говор одних
походил на клекот горных
орлов. Другие шипели, как змеи.
Волчий лай иногда узнавал я.
Речи сверкали металлом. Слова
становились грозны. В них
грохотали горные камни.
В них град проливался.*

*В них шумел водопад.
А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своем языке
повторяли милое нам слово
любовь?*

Но возможно ли подлинное понимание между людьми? Есть ли язык, который объединяет их? Есть. Им – заявляет Рерих – должен стать международный язык знания и искусства. Искусство для художника – знамя грядущего синтеза.

Именно искусство, его свет, озарит бесчисленные сердца новой любовью. Это чувство вначале придет бессознательно, но потом очистит все человеческое сознание.

В «Детской сказке» Н. К. Рериха, вошедшей в книгу «Зажигайте сердца», мы можем прочесть следующие строки: *«Песня лишь часть меня. <...> Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя; и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня». Каждый из нас должен очищать свое сердце от разрушительного гнева и раздражения. И только устремив свое сознание вверх, мы получим ключи от всех врат, мы станем излучать красоту и любовь. И делая это, прежде всего, для самих себя, мы одновременно дарим свою красоту и любовь окружающим. «К доброму сердцу тянется и все доброе естество» [Рерих, 1990: 60].*

Творческое начало, заложенное в самой природе человека, всепобеждающе. Творчество имеет воистину космическую значимость, ибо что такое красота, ведущая к познанию космоса? Это и есть творчество.

Все века, запечатлевшие свой дух и свой лик в памятниках искусства, раскрывают творчество как ведущее начало жизни. Они наглядно свидетельствуют об одном и

том же: выживает лишь то, что связано с творчеством; бессмертны научные открытия, неистребима мысль художника.

Рерих призывает не страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении любви, творчества, красоты. В одной из статей художник выражает надежду, что словарь клеветы, злобы и разрушения опротивел. Лексикон извращенных понятий, считает Рерих, не безобидная дурная привычка, а реальная опасность, так как дух его заразителен и тлетворен для окружающих. Ведь не простое сочетание букв человеческое слово, а концентрация духовной энергии.

Понятие любви (а следовательно, и культуры, света, красоты) противопоставлено понятиям тьмы, невежества. *«Смердящее разложение. Невыносим холод невежества. Недопустим по вреду своему, по заражению накоплений, по разложению основ»* [Рерих, 2005: 6]. Рерих также говорит о границе, разделяющей свет и тьму. И абсурдно само сочетание «культура тьмы». Есть культура света, твердыня пламенная и она противостоит тьме, пропасти невежества, бездействию.

Наскокам темноты Рерих противопоставляет словарь Прекрасного, где так много слов возводящих и созидательных. Этот словарь Прекрасного практичен, потому что жизнен, потому что прекрасна жизнь в основе своей. У Рериха вызывает гордость, что русский язык, как и санскрит, особенно пригоден для выражения возвышенных понятий. *«Есть соревнователь у русского языка – санскрит праотец. Но на нем даже в Индии уже не говорят. А ведь русский язык жив. Он живет для будущего. Он может обогащаться всеми новыми достижениями и сохранять свою певучую прелесть. Он не останется в пределах Пушкина, ведь слишком много нового вошло в жизнь и требует своего выражения. Тем более нужно подтвердить*

основную красоту русской речи. И для всех славянских наречий русский язык остается кормилом» [Рерих, 1990: 65].

Итак, любовь в концепции Н. К. Рериха неразрывно связана с понятиями «красота», «действие», «творчество», «искусство». Для Рериха эти понятия едины. Многие люди заменяют слово «культура» другим – «цивилизация». А разница между двумя понятиями, по мнению Рериха, принципиальная. Цивилизация обозначает внешние формы человеческого общества, поэтому она преходяща, она может погибнуть, как погибли цивилизации Египта, Греции, Рима. Культура имеет в виду внутренние, духовные ценности человеческой жизни, и потому она бессмертна, как бессмертны культуры Египта, Греции, Рима.

Культура, как свет, что зашифрован в начертании самого слова, понятие всепроникающее, не терпящее никаких ограничений.

Какое прекрасное слово – «творчество»! На разных языках оно звучит зовущее и убедительно. Оно в самом деле уже говорит о чем-то скрыто возможном – утверждает Рерих. Творчество настолько прекрасно и мощно, что при нем забываются всякие условные преграды. Творчество ведет человечество вперед. Творчество это действие. И любовь, по словам Рериха, должна быть действенной, служить борьбе с тьмой. Любовь без дел мертва.

Таким образом, «любовь» в текстах Н. К. Рериха не выступает, как правило, в своем непосредственном лексическом виде. Это понятие представлено номинационно-синтаксическими единицами, необходимыми для понимания контекста. Концепт «Любовь» на языковом уровне выражается лексемами «красота», «свет», «культура», «творчество», которые противопоставляются, в свою очередь, понятию «тьма».

«Осознание красоты спасет мир», - пишет Рерих.

Здесь мы вспоминаем знаменитый афоризм Ф. М. Достоевского: «Красота спасет мир». Культура, красота, согласно Н. К. Рериху, есть любовь к человечеству. Любовь, объединяющая понятия «культура», «свет», «красота», есть спасение, сердце. Любовь открывает прекрасные врата, но любовь должна быть подлинной, самоотверженной, отважной, горячей. Только тогда она сможет объединить человечество.

Глава VI. Языковая картина мира и возможности синтаксической номинации в русском языке

Интерпретация ЯКМ предполагает многомерность анализа: с одной стороны, это подход к явлениям мира, т.е. определенная концепция; с другой – это способ номинации, отражающийся в отдельном номинативном знаке; наконец, речь идет обо всей системе обозначения в языке, о словаре (но только далеко не обязательно о «лексико-фразеологическом сообществе»).

Как мы уже говорили в предыдущих главах, весьма широкий круг вопросов, пересекающихся с проблемой ЯКМ, обозначен в фундаментальных исследованиях В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, М.М. Покровского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Витгенштейна, Б. Кроче, Ю.С. Степанова, Ю.Н. Караулова, Ю.Д. Апресяна, В.В. Лазарева и др. ученых. В частности, это разработка теории способов номинации как различных путей закрепления речевого отрезка за определенным концептом, а также идея реноминации как динамического обновления отношений между планом содержания и планом выражения в языке. Можно предположить, что диалектика взаимодействия номинации и реноминации во многом предопределяет структуру ЯКМ. По мере языкового развития постоянно происходит субъективное (индивидуальное) уточнение ЯКМ, ее **индивидуализация** в каждой конкретной речевой ситуации.

Русский язык рубежа XX и XXI вв. весьма интересен в этом плане, и тому суть предпосылки как интралингвистического, так и экстралингвистического порядка. Среди первых отметим активный рост аналитизма на всех уровнях языка, а среди вторых – бурные процессы демократизации, ведущие к победе речевой энтропии под экономией.

Традиционная «трехмерность» номинации (Ф. де Соссюр, Ш. Балли, Д.Н. Шмелев) уже не удовлетворяет запросам речевого поведения и - шире – меняющейся речевой идеологии. Выход в иные знаковые измерения становится неизбежным,

поскольку функциональная прагматика определенной информативно-коммуникативной «корпускулы» выступает тем главным, что определяет ее статус в речи, со всеми параметрами – нормативным, эстетическим, этическим и др. Связь «знак – концепт – денотат», в ее динамическом проявлении, ориентирована на акт конкретного речевого употребления, в котором участвуют компоненты индивидуально ощущаемого говорящим **словаря**. Он неизбежно соотносится с классическим «сообществом» лексико-фразеологических названий (Н.М.Шанский), но неизбежно выходит при этом на уровень «лексинтактики» (П.В.Чесноков). Синтаксическая номинация (СН) как производное номинационно-синтаксической конверсии (А.А.Буров) становится новой основой словаря, который и определяет современную ЯКМ в русском языке.

6.1. Феномен синтаксической номинации в современном русском языке

Осуществленный нами анализ теоретических интерпретаций проблемы выхода номинации на синтаксический уровень [см.: Буров 1999; 2000] свидетельствует о том, что эти явления рассматриваются не в единой, а в параллельных «плоскостях». В одном случае «плоскость» синтаксична, задачи номинации подчинены коммуникативной организации высказывания, и возможность словарного «сжатия» синтаксической единицы (СЕ) реализуется за счет ее редукции или фразеологизации на уровне синтаксемы. В другом случае «плоскость» лексична, и выход номинации «за пределы лексики» направлен на деривационный поиск расчлененных аналогов лексемы.

И лексический знак, традиционно признающийся единицей номинации, и синтаксический знак, выступающий функциональным номинативным средством, **пересекаются** в аспекте употребления, характеризуясь различным семиотическим генезисом. Синтаксический знак вступает в акт номинации совершенно закономерно, поскольку вне номинативной функции мы не воспринимали бы ни

синтаксическую форму слова, ни синтагму (словосочетание) как объединение синтаксем (простое, сложное, комбинируемое), ни предикативную часть сложноподчиненного предложения, выступающую развернутым знаком предикативного характера, также соотносящимся с денотатами.

Рассматривать номинацию и синтаксис только в какой-то одной функциональной плоскости - лексической или синтаксической - просто невозможно. Значение и употребление категориально сбалансированы только в изолированной номинации. Их динамическое равновесие нарушается в тексте, где знак обретает черты **части целого** - высказывания. Поэтому СЕ, приобретающие в процессе употребления полномочия номинативных единиц (НЕ), совмещают эту способность с другими своими свойствами - грамматическими, актуально-синтаксическими и т.д.

Таким образом, синтез, связь двух «плоскостей»: лексической, словарной, и синтаксической - осуществляется благодаря «выходу» единиц языка на функционально-прагматический уровень плана употребления (номинативная функция).

Определяя статус СН в русском языке, мы исходим из следующих посылок, представляющихся нам принципиальными.

1. Взгляд на номинацию как на функциональное производное общезыковой атрибуции, которая играет важную роль в организации номинативного пространства сообщения.

2. Образование на основе СЕ «малого синтаксиса» (Е.С.Кубрякова) СН, которые, актуализируясь в тексте коммуникативной единицы, становятся виртуальными в составе связного текста (дискурса).

3. Действие в речи (план выражения) особого способа номинации - синтаксического, который соотносится с другими способами вербализации речемыслительного содержания - лексическим, номинативно-аналитическим, пропозициональным и т.д.

4. Существование цикличности номинации в русском языке - многоуровневого динамического состояния,

являющегося следствием конверсионности в языке и речи (Ю.И.Леденев).

5. Проявление на квазиуровне и гиперуровне цикла особого функционального номинационно-синтаксического поля (НСП) в системе номинации русского языка, соответствующего всем типологическим признакам полевого образования и соотносящегося со словарем языка (субуровень).

6. Реализация синтаксического способа номинации (СШ) в определенных структурах - СН, которые образуют иерархию инвариантно-вариантного плана в пределах узуса как кодифицированного стандарта, но в тексте могут носить и нестандартный, индивидуально-авторский характер.

7. Активизация в русском литературном языке XX века тенденции к индивидуализации языковых форм выражения денотации (в частности – предметной) и, как следствие, - к усложнению и дифференциации способов номинации, ярким и убедительным доказательством чего выступает СШ, реализующий в употреблении единиц НСП известный тезис о богатстве самого конкретного в языке и речи.

Лексическая номинация (ЛН) отличается первичным характером проявления атрибуции, обуславливающим здесь степень мотивированности словарного обозначения. Независимо от структуры словарного знака и типа его номинационной организации (аффиксат, субстантиват, композита и др.), внутренняя форма ЛН характеризуется имплицитностью, замкнутостью признака, который синтезирован со своим носителем.

В отличие от ЛН, в СН атрибутивный признак эксплицирован в качестве самостоятельных лексем или представлен в виде интенциональной способности получить подобную эксплицированную атрибутивную композиту. Расчлененные (синтагматические) типы СН преобладают над нерасчлененными (синтаксические формы однословной номинации, способные получить распространение). Несколько сложнее обстоит дело в случае употребления аналитических номинаций (фразеологизмы, грамматические идиомы, составные названия и др.).

Думается, заслуживает внимания переход (перевод) ЛН в синтаксическую, позволяющий судить о проявлении семантической предрасположенности к внешней атрибуции, номинационной **специализации**, которая предполагает определенную атрибутивную направленность обозначения денотатов в тексте. Обнаруживается такое свойство атрибуции, как ее **динамичность**, что хорошо видно на примере выражения в русском языке категории сравнения, которое может быть как эксплицированным, так и имплицитным. Так, сравнительный оборот и сравнительное придаточное характеризуют открытые формы сравнения, тогда как формы творительного падежа и именной части предиката связаны с имплицитным сопоставлением. Ср.: *Он был красив, как бывают красивы коты в расцвете сил. Он был красив, как Аполлон. - Он поглядывал вокруг победителем. Давайте будем как солнце!* Сравнение снимается при трансформациях типа: *Обезьяны - они как люди. Мы рассматриваем его в качестве претендента. Он появляется в форме шара. Они существуют в виде пузырьков и под.*

По-видимому, сравнение - это одно из проявлений **косвенной** атрибуции, когда признак выражается не непосредственно в связи с его носителем, а опосредованно.

Атрибуция, как и создаваемая ею номинация, имеет прямой «выход» в дискурс, в его коммуникативную и - шире - прагматическую организацию, связывающую говорящего, используемые им единицы языка и его отношение (через них) к действительности. Данный момент имеет важное значение для определения статуса атрибуции в целом и ее специфики - применительно к СН. В этом случае мы солидаризируемся с В.Г.Гаком, который определил прагматику как «аспект лингвистики, изучающий отношения между высказыванием, говорящим и контекстом (ситуацией) в рамках человеческой деятельности... Если синтактика объясняет устройство высказывания, т.е. как сказано; если семантика отражает отношение, к объекту, т.е. показывает, что сказано, - то прагматика показывает отношение знака к говорящему, т.е. - зачем сказано что-то, что отсюда следует...» [Гак, 1992: 79].

Атрибуция, как нам представляется, проявляется на первичном и вторичном уровнях. Первичный уровень атрибуции связан с формированием ЛН, развитием ее внутренней формы и закреплением её в морфной структуре. Вторичный уровень атрибуции - производное развития и усложнения номинации как важнейшего ее результата и не менее важной предпосылки коммуникации. На этом уровне атрибуция выступает как собственно отношение признака, характеризующего, уточняющего, определяющего, сравнивающего, идентифицирующего и т.д. его носителя.

Это уже не словарный уровень, а уровень синтаксический, регулируемый соотношением статики и динамики в презентации атрибута, который выступает теперь в виде самостоятельного знака - как словарного, так и несловарного типа. Поэтому если первичную атрибуцию можно рассматривать в пространстве словарной НЕ, имеющей свою иерархию атрибутивной репрезентации, то вторичная материализуется в тексте и обусловлена действием синтаксических законов, как будет показано в дальнейшем.

Атрибуция выступает не только универсальной основой номинации, но и фактом, обуславливающим структуру ее синтаксического (текстового) «поля». Она выражается широким арсеналом средств - от аффикса до связанного текста (СТ), выступающего развернутым атрибутом заголовочной номинации, причем в любом случае атрибутика связана с выражением определенного пространства номинационного знака. Особенно важно это учитывать при анализе СН.

Рассматривая ту или иную область проявления знаковых единиц языка, мы имеем возможность оперировать различными методологическими подходами, которые в основном определяются выбором в качестве объекта анализа одной из сторон гносеологической «триады»: мир - говорящий - язык. В процессе анализа номинации наше внимание сосредоточено преимущественно на соотношении двух сторон - «мир» и «язык». Анализировать проявление СН в современном русском языке можно не только в семиологическом аспекте, но и в антропоцентрическом, с учетом стороны «говорящий», однако это входит в задачи следующих глав работы. Заметим только,

что интерпретация когнитивных аспектов номинации, уже весьма удачно осуществляемая в русистике (см., например, работу В.Н. Телия «Русская фразеология» [Телия, 1996] и др.), не только не исключает учета семиотических данных, но и основывается на них.

Таким образом, под номинационно-синтаксическим семиозисом мы понимаем проявление способности СЕ выступать в функционально-прагматическом качестве наименований денотатов окружающей действительности Производными его и выступают СН, носящие знаковый характер. Принцип действия известного закона асимметричного дуализма лексического знака может быть применен и к СН как знаку. В самом деле, согласно С.О.Карцевскому, «обозначающее» постоянно обретает новые функции, соответствуя объективному стремлению «обозначаемого» к смене формы выражения [Карцевский, 1965: 90]. Думается, СН как раз и являются теми функциональными образованиями, которые соответствуют объективному стремлению к смене формы выражения определенной сущности, в т.ч. предметной. Ср. пример: *Они стояли так, в **оцепенелом объятии**¹, и он (Никитин), **будто бездонно погружаясь в предсмертный туман**², **губами**³ хотел проникнуть в эти подставленные, **солончатые, увлажненные слезами губы**⁴, **бессловно объяснить, передать ей то, что она не умела почувствовать**⁵* (Бондарев).

В приведенном контексте употреблено пять СН субстантивного типа (номинации предметных сущностей), выраженных СЕ разного структурного типа: синтаксической формой слова (3), простыми словосочетаниями (1 и 2), сложным словосочетанием (4) и придаточным местоименно-соотносительного типа сложноподчиненного предложения (5). Все они являются производными номинационно-синтаксического семиозиса, происходящего в тексте, в условиях определенной коммуникативной ситуации, и ставящего своей задачей приведение знаковой формы в соответствие сущности воспринимаемых говорящим (автором) предметных денотатов.

Опираясь на экспериментальные данные исследования механизмов порождения речи (А.А.Леонтьев, И.А.Зимняя,

Н.И.Жинкин, Д.Миллер, К.Пал, У.Пенфилд и др.), В.Г.Гак делает вывод о том, что синтаксическая конструкция не является просто механическим объединением слов по правилам грамматики: она структурно отражает наше представление о ситуации; «...при формировании высказывания не конструкция создается из слов, но слова подбираются к конструкции, вернее, идет процесс взаимной «подгонки» слов и конструкций» [Гак, 1998: 257]. Процесс встречного «движения» синтаксиса и номинации взаимен и взаимнообратим, поскольку словарь и текст связаны в составе динамической системы «язык - речь».

На уровне СН виртуальность семантики наименования представляется постоянно ускользающей реальностью номина-та. Перевод виртуального (обобщенного, гипотетического) в реальное (конкретизация в тексте) ведет к обратному, поскольку достижение одной степени определенности вызывает необходимость следующего уточнения, а расширение атрибутивной базы пространства СН допустимо. Ср.:

*После тщетных попыток одернуть, сорвать что-то с глаз, Кречмар впал в полубморочное состояние, а потом снова начинало нарастать **что-то паническое, нестерпимое, сравнимое только о легендарным смятением человека, проснувшегося в могиле** (Набоков).*

В данном тексте употреблено сложное СН предметного денотата, осуществляющее в своем пространстве перевод местоименно-субстантиватного сочетания «что-то паническое», имеющего ярко выраженный виртуальный характер семантики, в конкретное, реальное - за счет расширения атрибутивной «базы» именуемого (прямая и косвенная атрибутика). Реальность номинации, осуществляемой синтаксической структурой, относительна, условна: «настичь» денотат вербально оказывается невозможно - это осуществимо лишь ментально. Собственно, задача любого наименования, осуществляемого посредством синтаксических отрезков, заключается в установлении игры*

* Об особенностях проявления «людической» функции в языке говорит В.Г.Гак, ссылаясь на исследование И.Хейзинги «Homo ludens» (Гак 1998: 371).

- создания видимости реального участия говорящего в конвенциональном выделении «кусочка» действительности и установления его признаков - в соотношении «виртуальное - реальное - виртуальное», которое и определяет особенности внутренней формы наименования в целом. Мысль всегда здесь будет опережать языковые способы ее материализации, однако проверить на практике знаковую степень адекватности полноте и достаточности восприятия денотата способно именно СН, предоставляющее возможность не просто актуализации значения, а конкретизации употребления, актуализации денотативных связей, отношений.

Употребление СН есть то «знаковое исполнение «единиц» (синтаксических конструкций), которого не доставало традиционной лингвистике, в т.ч. и теории номинации» [см.: Телия, 1996: 90-91]. Номинация как функция «значимых фрагментов» высказывания вводит нас в план выражения, с его языковой техникой. Единицы СН характеризуются актуализацией признаков обозначаемого на определенном этапе вербализации. Номинативный аспект их значения отличается диффузностью, которая регулируется рядом факторов: мотивированностью значения, структурными свойствами, эмотивной оценкой, речевой стратегией говорящего и слушающего.

Думается, роль ССН в современном русском языке повышается вследствие проявления реноминации, которая касается не только отдельных элементов плана выражения [Гак, 1998:9], но и целых способов номинации (восприятия и выражения) денотативных сущностей. Активизация индивидуализации общения, рост субъективизма в восприятии и интерпретации мира ведет к доминированию ССН над лексическим СН.

Если исходить из того, что номинация - это проявление атрибуции в тексте и прикрепление номинационного знака к данному состоянию денотата, то ССН становится весьма важным средством связи языка и речи, словаря и текста, говорящего и слушающего. Богаче всего самое конкретное, - эта мысль Гегеля как нельзя лучше подтверждается в случае употребления синтаксических средств номинации.

Известный принцип композициональности, сформулированный Г.Фреге, предполагает, что любое сложное языковое выражение объединяется на основе готовых структурных элементов. Ю.Д.Апресян в свое время сформулировал принцип синтаксической семантики, предусматривающий существование особых языковых механизмов, которые «соединяют значения отдельных единиц в более крупный семантический комплекс на основе синтаксической структуры предложения» [Богуславский, 1996: 11]. Невозможно в процессе употребления построить текст из заранее подготовленных элементов, поскольку в тексте неизбежно происходят изменения - как семантического, так и структурно-функционального порядка. Весьма интересную мысль высказал С.О.Карцевский, утверждавший, что «слово, попадая в высказывание (фразу), теряет свои контуры, превращаясь в члена фразы, единицу смысла. В фразе ничто не интересуется словом: его составом, его позицией на других уровнях; **слово перестает быть словом, превращаясь в новую единицу или в частицу более крупной единицы** (выделено нами. - А.Б.)» [Богуславский, 1996: 10]. В самом деле, статус слова как частеречного класса, как структурно-семантического компонента языковой парадигматики изменяется в тексте, в результате чего и образуются единицы нового качества.

В синтаксисе, таким образом, вскрываются возможности обозначения средствами речевого узуса, причем происходит это в соответствии с требованиями определенной коммуникативной ситуации. Обратим в этой связи внимание на следующее замечание Е.С.Кубряковой: «По нашему убеждению, акты речи начинаются с обозначения определенных элементов будущего высказывания, что предполагает постоянное обращение к запасу имеющихся номинативных средств или к инвентарю ресурсов, потребность в которых **возникает по мере выстраивания синтаксической конструкции** (выделено нами. -А.Б.)» [Кубрякова, 1986: 16]. И даже если признать, что акт речи и завершается «номинацией ситуации, события или других явлений, отражаемых в высказывании» (там же), т.е. закреплением номинативной функции за выстроенной синтаксической конструкцией, то все равно придется согласиться о том, что в **процессе** этого «выстраивания» для

реализации «потребности в номинативных средствах или... ресурсах» требуется опора на те условия, в которых все это осуществляется, а это уже сфера синтаксиса. «Отрезки действительности», из которых слагается «номинация ситуации», являясь ее частью, выступают в «облике» СЕ, - они, собственно, и представляются нам тем «инвентарем» номинационных ресурсов, который естественным образом проявляется в тексте СЕ. Сама позиция СЕ как отрезка высказывания, будь то словосочетание, полупредикативный оборот или придаточное, способствует раскрытию номинационного потенциала языка.

Между словарем языка и текстом, а следовательно - и между языком и речью существуют тесные номинационные связи.

Номинация как функция атрибуции, проявляя себя определенным образом в тексте, раскрывает особенности выражения признака, лежащего в основании названия. Взгляд на номинацию в ее текстовой динамике позволяет увидеть своеобразный круговорот словаря языка - сферы, динамичность которой создается планом употребления, ориентированного на ресурсы текста. Именно такой подход к номинации соответствует закону конверсии в языке, регламентирующему как явления переходности и взаимосвязи языковых (речевых) планов, так и общие соотношения между языком и речью [Леденев, 1998: 320].

Исходя из того, что номинация осознается не только как знаковый результат, но и как определенный процесс, координирующий связь языка и речи, плана содержания и плана выражения, семантики, синтактики и прагматики языковых единиц, словаря и текста и т.д., мы предлагаем рассматривать все проявления номинационного плана в качестве элементов определенного конверсионного типа - постоянно функционирующей речевой системы, в которой диалектически взаимодействует несколько уровней.

Думается, можно выделить три основных уровня (проявления) номинационного цикла.

Первый уровень мы считаем субуровнем номинации. Он характеризуется действием ЛСН. Виртуальная лексическая

единица словаря обладает полным семантическим объемом, характеризуется внутрисловной семантической иерархичностью и изолированной (самостоятельной) денотативной соотношенностью.

На периферии первого уровня проявляют себя факты номинационного анализизма, обусловленные объективными требованиями восполнения словарной недостаточности самого различного типа и характеризующиеся текстовой реализацией тех лексических значений слова, которые В.В.Виноградов соотносит со свободным лексическим значением.

На втором уровне номинационного цикла действует иной, чем на субуровне, способ номинации - синтаксический. СЕ, составляющие основу СН, обладают функциональной двойственностью, поскольку одной своей стороной они обращены к условиям сочетаемости в составе коммуникативной единицы, а другой - к денотатам окружающей действительности. К обозначению подключаются моменты уточнения, конкретизации и расширения семантического пространства номинационного синтаксического знака за счет увеличения количества и качества атрибуции. Денотативная соотношенность осуществляется в коммуникативной единице, ее относительно замкнутом пространстве. ССН выступает номинационным «фильтром» промежуточного характера, позволяющим вербально «насытить» образ денотанта. Коммуникативное и номинационное пространства могут совпасть, если субстантивные денотаты выражаются бифункциональными номинативными односоставными предложениями, которые образуют область, переходную к сфере действия пропозиционального способа номинации, когда в качестве денотата выступает любая ситуация.

Данный уровень номинационного цикла мы считаем квазиуровнем.

Третий уровень номинационного цикла (гиперуровень) представляется наиболее значимым, поскольку позволяет осмыслить системность русской номинации в процессе осуществления дискурсного развертывания пространства языка. Здесь происходит виртуализация, обобщение абсолютно всех номинативных средств языка, выявление их прагматической

значимости. На этом уровне а) осмысливаются возвращающиеся «на круги своя» - в словарь языка - однословные номинации и номинации-фраземы; б) уточняется репертуар номинационного анализма; в) реально осознается структура НСП как единства микрополей отдельных синтаксических номинационных подуровней; г) формируется пропозициональная номинация, в т.ч. бифункциональная ее разновидность.

Выводя номинацию в пространство СТ, гиперуровень номинационного цикла позволяет по-новому взглянуть прежде всего на ЛСН, соотнося его с ССН и представляя это соотношение как закономерное проявление конверсии между языком и речью. «Любая языковая конструкция становится доступной для восприятия лишь в ее речевом выражении» [Леденев, 1998: 321].

Именно на гиперуровне цикла происходит распределение номинационных «ролей» между словарем языка, элементами НСП и того, что можно условно считать словарем текста. Если взять СТ, то лексическая цепочка, к примеру, тех же предметных и опредмеченных сущностей выстраивается в синтагматический ряд и обуславливает словарную данность текста, последовательность субстантивных наименований, несущих и закрепляющих определенную информацию и качественно отличающихся от лексической «словарности» своим динамическим характером, непосредственным участием в создании номинационного пространства связного сообщения - основы коммуникации.

Таким образом, в основе номинационной цикличности лежит конверсионная динамика - переход с одного уровня номинации на другой, с соответствующими изменениями номинационного качества единиц обозначения. По мере проявления номинационной конверсии происходит развитие единства семантики и прагматики.

С ослаблением лексического значения на синтаксическом уровне усиливается прагматический коэффициент наименования. Нарастание номинационного анализма в русском языке по мере перехода от низших к более высоким уровням номинации усиливает прагматический «вес» СН по сравнению с ЛН, поскольку номинация посредством СН перерастает в

коммуникацию, которая обладает более высокой информативной, экспрессивной и эстетической ценностью.

6. 2. Синтаксическая номинация в контексте языковой картины мира

Номинация как важнейший регулятор всех языковых отношений (в основном антиномического типа) оказывается объектом не только традиционных методов научного анализа, но и методов уровня, выходящего за пределы семиотического осмысления и оказывающегося в компетенции когнитологии. Считающиеся уже традиционными направлениями теория номинации и лингвистика текста неизбежно находят общие точки соприкосновения, когда речь идет о взгляде на ЯКМ с позиций «текстоцентризма». Это, по сути дела, означает **новую реальность словаря**, поскольку концептосфера, независимо от степени сложности, или «примитивности» концептов, закрепляется в семиосфере не собственно лексических, а синтаксических называющих знаков, динамически более гибких, воспринимающихся нами в дискурсе. Производные номинационно-синтаксической конверсии, которые мы условно называем **СН-фрагментами**, могут быть «упакованы» в различного рода фреймы, однако это не препятствует именно им осуществлять номинацию как **речевой акт дискурса**, удовлетворяя потребностям языковой личности, не только включенной в «ассоциативно-вербальную сеть» (Ю.Н. Караулов), но и самой включающей в коммуникацию гештальты своего идиоварианта ЯКМ [Новикова, Черемисина, 2000].

Любая ЯКМ стремится к максимальному осмыслению всех возможных (реальных и виртуальных) сфер речевой деятельности, причем имманентность языка в данном случае совершенно очевидна. Поэтому вполне естественно, что сфера коммуникации и осуществляющих ее единиц, исследуемая в языкознании и смежных с ним научных и когнитивных направлениях, соотносима – как реально, так и потенциально – с объективно существующим речевым пространством.

А. Новая реальность словаря

По уже сложившейся лингвистической традиции, ЯКМ как феномен естественно формирующегося плана противопоставляется научной (Ю.Д.Апресян, Е.С.Яковлева, А.Wierzbicka и др.), хотя их разделение идет в основном по лексической линии «терминологическое/обывательское». Во многих исследованиях упоминается высказывание Л.В.Щербы по поводу относительности «прямы» так называемой «прямой» линии [Щерба, 1974: 280].

Представляется оригинальной точка зрения, согласно которой ЯКМ рассматривается как автономный, этимологически фольклорный, мифологический феномен, определенным образом соотносящийся не только с наивно-обиходными представлениями о мире, но и с научным его осмыслением [Урысон, 1998]. Развивая эту мысль, мы можем предположить: внутри одного языка ЯКМ выступает своеобразным средством интравербального перевода – регулятором того динамического равновесия, в котором постоянно находятся план говорящего и план слушающего. «Говорящий переводит выражаемый им смысл из современной, осознаваемой им понятийной системы в другую (архаичную), навязываемую ему естественным языком. Адресат, наоборот, переводит высказывание с языка более древних понятий на язык современного обыденного знания» [Урысон, 1998: 20].

Противоречие между реальными знаниями человека и ЯКМ, таким образом, разрешимо, хотя носители языка часто не осознают его, что явно не способствует нашему избавлению даже от половины «заблуждений».

Дело здесь не только в том, что, как справедливо указывают исследователи, «в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами мира стала менее отчетливой» [Яковлева, 1994: 10], когда научное постепенно вторгается в наивное. Важнее другое: на глазах меняется сам носитель языка; становится более сложным, субъективным, а значит – динамичным его отношение к миру; индивидуализируется языковая идеология, а следовательно – делается тоньше мировосприятие. По-новому, с неожиданной

стороны открываются и сами денотативные «корпускулы» мира, и их связи и отношения; возобладает **идиостилевое восприятие** ЯКМ. Научный подход к ЯКМ требует уточнения, детализации, искусственной систематизации фактов ЯКМ; если же подходить к той же ЯКМ когнитивно, наивно, – это означает комплексное, целостное восприятие не только мира, но и себя в нем, когда главная цель – движение по постоянно обновляющемуся пути и стремление остановить, запечатлеть «мгновенье» бытия денотата во всей полноте и достаточности его атрибутики (несмотря на их бесконечность и индивидуальное ощущение) – **мгновенье бесконечного целого**. В принципе, это невозможно, если идти либо только путем научного анализа и синтеза, либо – когнитивного восприятия. Скорее всего, необходимо сочетание этих путей.

ЯКМ представляется нам динамически мобильным, гибким и открытым пространством – речевой системой, компоненты которой являются производными номинационно-синтаксической конверсии – СН-фрагментами дискурса, образующими новую реальность словаря – **словаря текста**. Он осмысливается только при соотнесении двух путей познания: собственно гносиса (познание) и **ко-гносиса** (сопутствие познанию, соучастие в нем). Последний путь, характеризующийся принципиально особыми, антропоцентрическими, параметрами «реконструкции намерений автора» (Е.С. Кубрякова), его «доминантного кода», имеющего сугубо индивидуальный характер, ведет в ту область дискурса, в те его слои, которые следует охарактеризовать как суперстратные.² Именно они обращены к «надтексту», той области имплицатур, которая и представляет в нашем индивидуальном восприятии СН-фрагменты как основные речевые единицы номинации, чей семиозис завершается только (и именно) в дискурсе. Анализируя «поступательное движение семиозиса», которое постоянно перестраивает знаковые системы, У.Эко считает

² Ж.Деррида, характеризуя структуру значения, выделяет в «логосе» экспрессивные и неэкспрессивные слои и сравнивает первые с «эфиром», который, «принимая» смысл, и придает ему концептуальные формы (Деррида 1999: 156).

необходимым «постоянно следить за изменением форм коммуникации, перестройкой кодов, рождением идеологий...» [Эко, 2004: 114]. В самом деле, разве **СН-фрагменты** не являются производными семиозиса, свидетельствующими о «перестройке кода» (словарь языка) и «рождении» новой идеологии наименования – текстоцентризма, приоткрывающего тайну участия говорящего в именовании фрагментов дискурса? Тем самым обнаруживается антропоцентризм ЯКМ, с его интересом к личности человека как центру Вселенной, к человеческим потребностям, определяющим все виды деятельности, когда каждое явление «вокруг» человека **«не узнается и не познается»**, а просто **«признается и утверждается»** говорящей личностью (М.М. Бахтин).

Рассматривая далее отрывок из 8-ой главы романа А.Мариенгофа «Бритый человек», мы утверждаем, что адекватное восприятие и осмысление ЯКМ, отраженной в данном дискурсе, происходит благодаря номинационно-синтаксическому семиозису СН-фрагментов, образуемых синтаксическими единицами различных уровней.

«Ветер. Сосна топорила жесткие волосы, желая во что бы то ни стало походить на веоря. На верхних черных сучьях, словно за пюпитрами, сидели горбоносые пичужки и пиликали на флейтах.

По большаку из леса тройка дымчатых лошадей вынесла лакированную откидную коляску. Я котел спрятать за дерево, но не успел. Юлинька закричала:

- Миша, Миша, полюбуйте на нас, раненого в госпиталь привезли. Замечательный. Обе ноги оторваны. Непременно приезжайте завтра взглянуть. Слышите, непременно. И Лео привозите.

Я хотел крикнуть: «поздравляю», но дымчатые кони уже унесли счастливую докторшу.

Ветер качал безрукую сосну и прицепившееся к ней звездное небо.

Такса бежала впереди. Ее крутой задок управлял движением выпускного и стремительного тельца.

Сестра Шура, пушистая и ленивая как хвост сибирской кошки, шептала не без гордости:

- Раненый – пальчики облизнешь: так пузом душечка и оканчивается.

Мой друг процедил:

- Забавно.

Юлинька обернулась:

- Лео! Миша! Шурочка!

Она уже стояла у входа в палатку и шеламутила руками:

- Протискивайтесь же, протискивайтесь. Ах, копуны.

Мы вошли. У окна под мягким байковым одеялом, кучкой высившимся у изголовья и распластавшимся нелепо плоско «в ногах», спиной к нам лежал человеческий обрубок. Над ним серой веревочкой вился дым. Сделалось неприятно и страшно: «обрубок, и еще курит, жизнью наслаждается».

Я попытался было к двери, но сообразительная Юлинька схватила меня за руку. Мой друг с привычной легкомысленностью звякнул шпорой. Это было бестактно: ведь шпора привинчивается к сапогу, а сапог...

Обрубок повернул голову.

Больше всего я ненавижу жизнь за ее шуточки. Порой хочется показать ей кулак. А может быть, даже крикнуть в небо:

- Конферансье!

Обрубок оказался Ванечкой Плешивкиным».

Понятно, что трудно по небольшому отрывку судить относительно специфики ЯКМ, характеризующей и автора как ЯЛ, и язык и стиль его эпохи. Однако очевидно, что лексико-дистрибуционный анализ текста мало что скажет тому, кто хочет в этом разобраться: семиосфера дискурса здесь много богаче возможной цепочки «семантических примитивов» и их лексических форм как непосредственных составляющих текста. Можно, естественно, говорить о целом ряде факторов «сопутствующего» характера, без учета которых ЯКМ окажется неполной, - это общий культурный «фон» речевой ситуации, специфика идиостиля рассказчика, состояние развития литературного языка, чей материал ложится в основу нарратива, а отсюда и отбор средств, и их пространственная организация в «континууме» текста, и т.д. Вместе с тем, ясно, что главными

факторами, определяющими сам **принцип осознания ЯКМ** в данном случае являются следующие:

а) подход к обозначению явлений, ситуаций, состояний с позиции «текстоцентризма» номинации и семиозиса СН-фрагментов дискурса (типа: «жесткие волосы, желая во что бы то ни стало походить на вепря»; «безрукая сосна»; «сестра Шура, пушистая и ленивая как хвост сибирской кошки» и под.).

(Кстати, совершенно иначе в рассматриваемом ракурсе видятся и номинации пропозиций, весьма оригинальные в данном тексте);

б) метафорический тип языковой идеологии повествования и его **интерпретирующий подход** к концептосфере в целом, когда дискурсные высшие слои (суперслои) намеренно заполняются пресуппозициями из более низких (реальных) слоев; это определяет дескрипционный подход к номинации включенных в нарратив деталей ситуации;

в) акцентуация натуралистических – прямых и косвенных – семиосимволов концепта «раненый», создающая эффект столкновения эстетического и антиэстетического («обрубков», «пузом душечка и оканчивается», «замечательно (раненый)», «безрукая сосна» и др.);

г) создание впечатления четкости и ясности авторского мировосприятия аномальной реальности, когда возникает и постоянно усиливается эффект «остраненности» экспрессивно-эмоционального плана от информативного, - ощущение, которое испытывает в стрессовой ситуации человек с притупившейся сенсорикой; и др.

Анализ приведенного текста позволяет предположить, что при определении ЯКМ весьма важно ощущение чувства «порога», предела когниции, когда мы, пытаясь познать авторский замысел и анализируя структуру концептосферы и, соответственно, семиосферы дискурса, оказываемся перед чем-то иным, чем данная реальность, - неким параллельным миром с его собственной ЯКМ, другими критериями осмысления. Преодоление этого «порога» начинается в нашем движении уже **«от»** объекта (дискурса), поскольку любое движение **«к»** объекту предполагает его предельность и структуриацию привычными способами анализа и синтеза. Движение же **«от»**

беспредельно, ибо в нем задействован воспринятый объект как уже нечто цельное и познанное и открывающееся нам только благодаря этой цельности его восприятия. Мы предполагаем, что постижение подобного «порога» когниции и является точкой отсчета «остановленных мгновений бытия» – как результат задействования всей многослойной структуры дискурса. Постижение видимой конечности текста означает начало бесконечности **наслаждения нарративом**, где обретает свою индивидуальную ЯКМ каждая языковая личность, вступившая в контакт с текстом. «Запечатлевание» динамизма номинации в ее состоянии «скольжения» абсолютно невозможно и недопустимо в рамках идеологии «лексикоцентризма».

Б. Возможность структуризации языковой картины мира

В предыдущей главе мы предположили, что структуриация ЯКМ имеет сложный характер. Наша концепция многоуровневой ЯКМ опирается на теорию номинационно-синтаксической конверсии и идею цикличности номинации.

Первый уровень ЯКМ – это «сфера бытовых представлений, отпечатываемых в фактах языка» [Урысон, 1998: 3]. Этот уровень подчинен принципу: «Так что-то называется потому, что называется, так как это принято до нас». Проникновение в мотивацию здесь полностью отсутствует; немотивированный подход к наименованию характеризуется бессознательностью, наивностью; чисто бытовой, первичный план восприятия и отражения объектов является неаналитическим, «доконцептуальным». На данном уровне осознается естественная лексическая словарность, когда еще не происходит синтаксическая метаморфоза лексического наименования: ЛН→СН. Поэтому пространство номинации данного уровня ЯКМ ограничено лексемно. Это уровень элементарной, ситуативной когниции.

Второй уровень ЯКМ – это уже область аналитико-синтетического проникновения в суть обозначаемого, т.е. преодоления элементарной когниции. Расчленение, уточнение

«внутренней формы», осмысление явлений уже на концептуальном уровне предполагает атрибутивное восприятие денотата. (Д→Attr.) Выявление оснований концептуализации можно считать научным подходом к наименованию, а в целом – и к ЯКМ. Данный уровень ограничен известной статикой анализа и синтеза, поскольку не предполагает, что СН как знак концепта соотносится с аналогичными знаками в контексте коммуникативной ситуации, а точнее – в дискурсе. Цель данного уровня ЯКМ – уточнение признаков номинации, достижение такой ее полноты, которая необходима и достаточна для представления концепта на уровне связного сообщения.

Именно на третьем, завершающем, уровне формирования ЯКМ осуществляется функционально-прагматический «выход» наименования в дискурс.

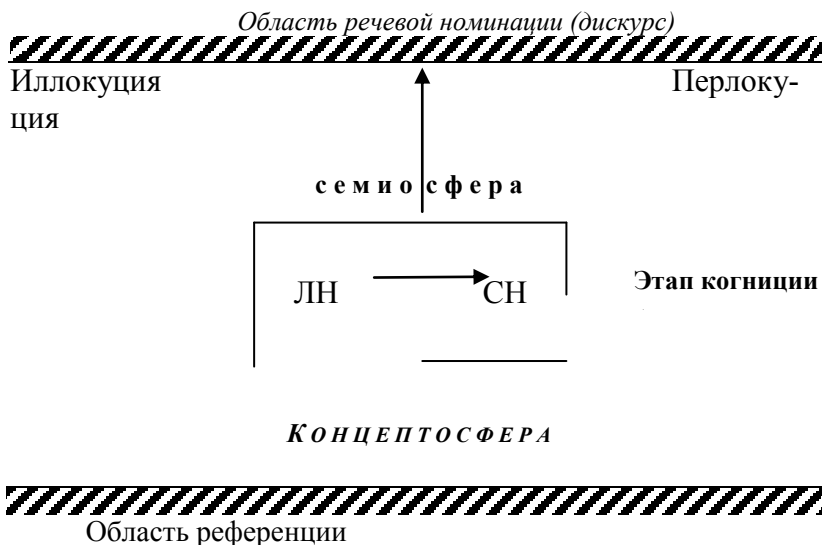
Данный уровень, когда происходит качественное осмысление отдельных концептов как элементов концептосферы в коммуникативной ситуации – основного в речевом поведении, – мы считаем собственно когнитивным. Целое поглощает частные моменты, делает несущественными их атрибутивные показатели, хотя отнюдь не «свертывает саму фактуру СН. Выход целостно воспринимаемого объекта (выделенных атрибутивных признаков оказывается **достаточно** – достаточность здесь ощущается индивидуально) на уровень аналогично воспринимаемых объектов-элементов дискурса завершает формирование ЯКМ. Ее составляющими оказываются единицы уже не «лексико-фразеологического сообщества», по Н.М.Шанскому, а словаря иной реальности – связного текста. Меняется ракурс оценки, квалификации – изменяемся и мы – те, кто производит, т.е. воспринимает (воспроизводит) речь. Самое привлекательное в подобном языковом восприятии мира – преодоление неизменного атомистического, статичного, корпускулярного восприятия целого. Нам не нужны в данном случае атрибуционные «кирпичи», связи, «конкретизаторы» – **все уточняется естественным путем**, будучи апробировано в акте коммуникации как органическое целое, проявляющее свою неповторимость для каждого воспринимающего.

Только так, думается, и можно обрести истинную гармонию номинации элементов ЯКМ – как уже **названных, но**

не называемых в каждом конкретном номинационном акте. Это **некая данность**, эстетически адекватная только в когнитии дискурса, вне которого языковых «идиокартин» мира становится столько, сколько суть носителей языка, и удивительное состояние катарсиса, возникающее при когнитивном мировосприятии, превращается в фантом.

Итак, ЯКМ имеет «спиралевидную» структуриацию, что, собственно, и обуславливает ее динамический характер. Будучи вечно обновляющимся феноменом, она **циклична** по своей природе.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (ЯКМ)

Иллокутивно-перлокутивный эффект речевого акта, в котором оказывается производное номинационно-синтаксического семиозиса (НС-фрагмент), имеет энергетическую природу, создавая ту «разность потенциалов», которая и определяет динамику функционально-прагматической номинационной «спирали» формирования НС-фрагмента как единицы (корпускулы) словаря текста. Экстраполяция СН-фрагмента в

«плоскость» речи включает механизмы дискурса и формирует ситуацию как минимальную единицу членения мира [см.: Новикова, Черемисина, 2000: 42], или фрейм, или что-то еще, пока еще не имеющее адекватной терминологической оболочки. Вместе с тем, совершенно очевидно, что ни ЛН ни производное СН, которое мы обозначили как СН-фрагмент, ни, тем более, текста как единица СТ не могут претендовать на этот статус.

В. Основания организации языковой картины мира

Мы предполагаем, что в речевой практике проявляется **принцип относительной адекватности ЯКМ**. Его действие подчиняется ряду постулатов – оснований данного феномена.

Постулат I. ЯКМ – производное не одного, а ряда путей восприятия мира – как традиционных, так и нетрадиционных; скорее всего ЯКМ формируется благодаря их комбинаторике.

Постулат II. ЯКМ имеет знаковую номинационную природу, причем в ее формировании номинация проявляет свой циклический характер (номинационно-синтаксическая конверсия).

Постулат III. Важнейшим результатом формирования ЯКМ как производного речевой деятельности является текстовый словарь (словарь СТ), формирующийся как следствие номинационно-синтаксической конверсии.

Постулат IV. Называющий знак, осуществляя свою функцию в тексте (дискурсе) гибнет как самостоятельный элемент какой-то семиотической парадигмы и становится частью синтагматической цепи, закладывая **основу** рождения ситуации ЯКМ и дискурса в целом.

Постулат V. ЯКМ относительно реальна в плане ее познания, но в абсолюте недостижима, непознаваема; с другой стороны, можно говорить и о сравнительно устойчивых и статичных ЯКМ как **этапных**, обуславливающих потребности определенной эпохи

(социума), действующих определенные же, хотя и ограниченные, возможности обозначения и удовлетворяющих требованиям общения.

Постулат VI. Допустимо бесконечное множество ЯКМ, проявляющихся как в типологическом, так и генетическом (историческом) плане; как в плане социальном (социолингвистическом), так и индивидуально ощущаемом.

Постулат VII. Различные ЯКМ сосуществуют, взаимодополняя друг друга, однако язык предоставляет предпочтения одной из них – как наиболее адекватной, с точки зрения говорящего.

Постулат VIII. Симметрия ЯКМ как канон статики и асимметрия как источник ее динамики находятся в состоянии подвижного (динамического) равновесия, предполагающего взаимокомпенсацию. Нарушение этого равновесия ведет к двум выходам: а) либо это прогресс ЯКМ, движение к совершенству (точность, богатство, глубина обобщений и т.д.); б) либо это метаморфозы, мутации и – как следствие – деградация и даже гибель языка.

Постулат IX. Ни одна из ЯКМ, возникающих в речевой практике, полностью не удовлетворяет потребностям номинации и всегда относительна; точно так же ни одна из номинационных единиц не удовлетворяет ЯКМ. В этой относительности заключен основной парадокс ЯКМ любого типа и уровня.

Учет указанных постулатов принципиален для объяснения ЯКМ, главное свойство которой – динамическое развитие по пути постоянного поиска совершенства (гармонии) обозначения (называющего знака, символа предмета).

Мы предполагаем, что базовыми элементами («перволочками») ЯКМ выступают номинационные производные семиозиса – СН-фрагменты текста, которые и лежат в основе речевых ситуаций, составляющих дискурс (высказывание).

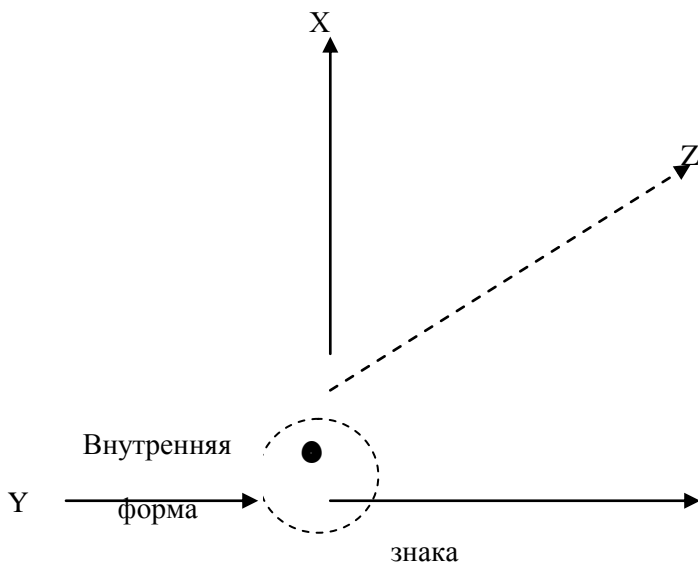
Поэтому соотношение между планом содержания и планом выражения, регулируемое сформировавшейся системой номинации и, в частности, проявлением

номинационно-синтаксической конверсии, представляется нам **первым фактором**, определяющим ЯКМ. Очевидна совершенно объективная внутренняя дисгармония этих планов, при их относительной внешней сбалансированности (динамическом равновесии), вполне удовлетворяющей потребностям обыденного (усредненного) познания. Любое углубление в сущность денотата сразу же приоткрывает завесу над внутренним дисбалансом.

Вторым фактором, обуславливающим ЯКМ, можно считать типологическое устройство языка (в нашем случае – русского), рассматриваемое на определенном (синхронном) этапе его диахронии как синтетическое с прогрессирующими элементами аналитизма.

Именно здесь заметен языковой потенциал, который, по мере своего раскрытия, развертывания, способствует усложнению плана выражения. Аналитизм, характеризуясь, с одной стороны, застыванием языковых форм, а с другой – их расчлененным соположением, является важнейшим внешним маркером динамизма русской ЯКМ, тем более что в ней практически не ослабевают синтетические свойства называющих отрезков.

Думается, **третий фактор**, определяющий ЯКМ, - это степень развитости высшей формы языковой организации – письменно-литературной (кодифицированной), которая проявляет себя в списке стилей как путей реализации функционально-прагматической направленности речевой деятельности. Здесь мы имеем дело с «углублением» ЯКМ, с совершенствованием способов номинации, с осмыслением говорящим трехмерности называющего знака (Ф. де Соссюр, Ш.Балли, С.Карцевский, Д.Шмелев). Подобное «углубление» ведет к выходу за пределы трехмерности, позволяя сконцентрироваться на внутренней форме компонента ЯКМ.

Это уже момент «другого» измерения, требующего особых методов исследования.

Четвертый фактор, который определяет проявление русской ЯКМ, - фактор социолингвопрагматический. В его ведении – степень востребованности тех или иных компонентов (единиц) ЯКМ (а по сути дела – номинации), которые ощущаются индивидуально, но реализуются в процессе социальной коммуникации. Этот фактор целиком определяется говорящим и свидетельствует о том, что в ЯКМ синтезированы как отражающие, так и субъективно-оценочные моменты. Видимо, может идти речь об эмотивном поле ЯКМ, имеющем индивидуально ощущаемый (идиостилевой) характер.

Данный фактор прямо и непосредственно обуславливает действие **пятого фактора**, который регулирует нормативно-кодификационную регламентацию **словаря текста**, строящегося на базе динамического подхода к обозначению. Здесь, очевидно, важен и момент субъективного участия отдельных языковых личностей (авторов прежде всего художественно-литературных как наиболее раскрепощенных стилистически

текстов), - **шестой фактор** идиостиля и языкотворчества и способности говорящей массы к их идентификации. В самом деле, любой текст в той же степени принадлежит языку, в какой – говорящему, определяясь его волеизъявлением и степенью внутренней (творческой) свободы.

Новое всегда рождается благодаря синтезу, только на более высоком качественном уровне. Очевидно, применительно к СН такой подход обогатит как динамический синтаксис, так и теорию номинации, чья «связь» оказывается не просто «стыком», а проявлением более глубинного характера. Диалектика исследования зон TABULA RASA требует новых подходов. Можно предположить, что номинация ситуативно значимых сторон явления, с т.зр. потребностей того же речевого акта, - путь к индивидуализации, открытию нового в неисчерпаемости денотативной сущности.

В любой языковой системности, в т.ч. и в номинации, видна «динамичность языка, то, как он формируется, и в силу этого его способность **выходить за пределы уже реализованного** (выделено нами. – А.Б.)» [Косериу, 1963: 175]. Подход к частному явлению, учитывающий фактор динамики как всеобщий, представляется чрезвычайно важным. Проведенное нами исследование подтверждает правомерность гипотезы о проявлении номинационно-синтаксической конверсии единиц «малого синтаксиса» современного русского языка, способных выступать в качестве СН сферы предметной денотации. Это вносит серьезные коррективы в наше представление не только о функционально прагматических возможностях номинации, осуществляющейся на синтаксическом уровне русского языка, но и о потенциале языковой динамики в целом как отражения вечно обновляющегося мироздания.

Попытка осмыслить феномен ЯКМ с позиций СН приводит нас к следующему.

Взгляд на язык одновременно как на источник и объект воздействия принципиально особого вида энергии – вербально-духовной, естественно, не нов. Очевидно, однако, что интерес к этой проблеме, столь активно проявлявшийся в классический период филологии и языкознания, постепенно утратился.

Слишком уж неопределенной, неуловимо-зыбкой представляется вербальная субстанция, являющаяся производным духовной деятельности. Если энергию мысли, воплощенную в логическом суждении, равно как и эмоциональные проявления – в модально-междометных формах, еще можно как-то идентифицировать, то катартические состояния, вызываемые целым дискурсом, основу которого составляет текст, с его внешне стандартными связями и отношениями, вряд ли поддаются простому лексико-словарному дефинированию. Колоссальная энергия словаря языка, включающего не одну сотню тысяч лексем, энергия потенциального порядка, вполне естественно трансформируется в кинетическую энергию – энергию динамики речевого употребления, вербализующегося в производных номинационно-синтаксического семиозиса.

Однако было бы наивно идентифицировать энергию языка с известными – физическими, физиологическими, химическими и даже психическими - явлениями. Принципиально общий вид внутреннего движения имеет духовный характер; мало того, что сама эта духовность весьма субъективна и ощущаема только индивидуально, - ее энергетика далеко не всегда проявляется внешне и может быть лишь ощущаема.

Наиболее ярко это иллюстрирует номинация фрагментов художественной ЯКМ.

Глава VII.
Выражение явных и скрытых смыслов в
художественном тексте
(М.А.Булгаков. «Мастер и Маргарита»)

7.1.Специфика художественной языковой картины
мира

Специфика художественной языковой картины мира (ХЯКМ) заключается в том, что в ней формируется особое динамическое пространство, являющееся равнодействующей трех известных локальных ипостасей любого текста – физической, ментальной и когнитивной [Щукина, 2003: 8-9]. Д.А. Щукина считает, что «ментальное пространство соотносимо с понятиями "картина мира", "сознание", оно субъективно, абстрактно, виртуально, содержит образные, понятийные символические представления о пространственных характеристиках бытия» [Там же, 9]. Следует, однако, уточнить, что, с одной стороны, категория «пространство» немыслима вне своей временной ипостаси (симбиозная категория «пространство-время», о чем мы ведем речь далее), а с другой – для художественной ментальной пространственности принципиален выход в «измерение α (ω)», особую параобласть эстетического мировосприятия и мирозидания.

Понимание конкретного языка как уникального пути познания мира, которым следует общество, говорящее на данном языке, а поэтому и владеющее способностью к мирозиданию как освещению языковой картины мира, мы наследуем от В. фон Гумбольдта и его последователей – немецких ученых-неогумбольдтианцев (И.Л. Вайсгербер, И. Трир, В. Порциг, Г. Ипсен, Х. Бринкман, Э. Кассирер, О. Бухманн, П. Харетманн, Б. Вайсгербер, К.-П. Херберманн). Важны и идеи «лингвистической антропологии», предполагающей диалектическое единство философии, социологии и психологии языка как медиума

культуры, как носителя энергии – действенной силы, несущей культуру, дающей возможность мирозиданию стать плодотворным для всех форм культурного творчества. Создание художественного текста действительно энергетично, и эта мысль дает пищу для весьма нетривиальных выводов. Так, к примеру, можно предположить, что художественный тип когниции является не корреляцией по отношению к научному или бытовому типу, а образует некую инвариантную семантико-эстетическую зону «тайны», универсальное пространство со своеобразной рекурренцией вербальных, метавербальных и паравербальных средств, которые эту «тайну» дезавуируют в том или ином идиостилевом и речезанровом микроузусе, определяющем не только творческую индивидуальность языковой личности как автора, так и реципиента, но и возможный «порог» катарсиса.

Мысль М.М. Бахтина об интенциональности и заданности художественного текста, о его функционально-эстетической креативности, о стимулировании художественного впечатления весьма своеобразно интерпретируется в филологической традиции XX-XXI веков. Например, с одной стороны, говорят об абсурде поэзии как креативном факторе, наделенном творческой силой и творящем «новый смысл, странный, но стихийный, бездонный, волнующий душу» [Там же, 30), а с другой – о вечном значении мифа и символа как семиокультурных парадигм, которые сегодня проявляются, в частности, в метаморфозе **роман** → **анекдот**. Так, Е. Курганов убедительно доказывает, что топика таких современных произведений, как «Душа патриота» Е. Попова, «Трепанация черепа» С. Гандлевского и под., свидетельствует: «...жанр-код роман принадлежит прошлому, а анекдот – настоящему» [Курганов, 2002: 62]. Эволюция речевых жанров, согласно тому же М.М. Бахтину, – естественное явление, ломающее стереотипы ХЯКМ.

То, что в современных пособиях по филологическому анализу текста начинают уделять внимание его «интерпретации, как работе мышления» (П. Рикёр), то есть когнитивно-герменевтическому аспекту восприятия, по сути дела текстовой феноменологии [Николина, 2003: 3], представляется весьма симптоматическим. Энергия «семиологического сознания» по Ю.М. Лотману, позволяющая человеку осваивать мир и закреплять результаты этого освоения в фактах культуры (прежде всего в художественных текстах), сегодня становится объектом и предметом пристального внимания ученых разных школ и направлений. Если рассматривать текст как сложное знаковое пространство (Ю.М. Лотман), то необходимо признать: произвольность этого знака в его отношении к миру (Ф. де Соссюр) явно ограничена в силу важного обстоятельства. Язык существует в единой ипостаси «пространство-время» (В.И. Вернандский), а отсутствие категории дискретной языковой границы [Степанов, 2003: 304] позволяет нам представить ХЯКМ как категорию, синтезирующую знаковые топосы «логос», «телос», «этос», «мелос», «эйдос» и др. в особом измерении α (ω , по П. Тейяру де Шардену) [Буров, 2003: 101]. Оно, в известном смысле, соотносимо с моделью знака Ф. де Соссюра – Д.Н. Шмелева.

Знаковое пространство ХЯКМ, формирующееся в зоне α (ω), «точечно», оно проецируется виртуально и является сугубо личностно-индивидуальным. В этом художественном измерении, с одной стороны, отражается реальное пространство мира (вербальный уровень). С другой – это отражение обуславливает проявление ментального гиперпространства (образно-паравербальный уровень состояния катарсиса, выходящий прямо в подтекст, который ощущается глубоко индивидуально). Герменевтически данное измерение, а значит – и ХЯКМ, не воспринимается: понять

образ невозможно, он идентифицируется на ином уровне – контекстном.

Таковы некоторые наблюдения, связанные с осмыслением проблемы ХЯКМ, которая, будучи поставленной, требует серьезной разработки, нуждаясь прежде всего в исследовании конкретных художественно-текстовых систем.

ХЯКМ, таким образом:

- а) амбивалентна;
- б) производна и одновременно имманентна;
- в) формирует особое эстетическое пространство дискретных идиовосприятий;
- г) абсолютно свободна и недоступна как анализу, так и герменевтическому пониманию на уровне коллективного восприятия;
- д) креативна и толерантна одновременно [Буров, 2004: 30].

Самое же главное то, что она открывает любому человеку возможность стать языковой личностью и вступить в диалог со своим внутренним языковым «Его», разбудить его творческую энергию. Но эта энергия (если «спящий проснется» по Д. Лондону) индифферентна и социально, и политически, открываясь только уровню субъективного мировосприятия. Она мифологична и потому семиосимволична, а отсюда – богатейший потенциал мирозидания.

7.2. Особенности советской языковой картины мира 20-30 годов XX века

Под советской ЯКМ мы понимаем состояние общественного сознания эпохи 1917-1991 годов, отразившееся в языке как совокупном отражении в семиотическом (знаковом) пространстве его носителей, живших в СССР в данный период времени. Эта ЯКМ формировалась тогда, когда жил и творил М.А. Булгаков. Именно в это время

созданы лучшие его произведения, в том числе и роман «Мастер и Маргарита»*.

Мы предполагаем, что авторская ЯКМ, зафиксированная в дискурсе булгаковского текста, является абсолютной альтернативой тому состоянию языка, которое отразило официальную ЯКМ послереволюционного периода. В романе «Мастер и Маргарита» эта картина создает негативный фон в коммуникации текста, наиболее ярко представленной в тех главах, которые повествуют о Москве Берлиоза, Лиходеева, Римского и других действующих лиц социально-исторического реалистического плана романа.

Период 20-х годов XX века характеризуется изменениями в области русского языка, которые отражаются в речи революционных деятелей, языке прессы, языке населения, в том числе новой интеллигенции (именно она представлена в романе Булгакова). «Кризис, через который проходит лингвистическая мысль, для широкого общества, конечно, не заметен. Этот кризис в первую очередь, выявляется через язык "важнейший определитель нашей культуры"» [Алпатов, 1997: 22]. В революционный период наблюдалась активная работа в области языка: «...выразить свое отношение к происходящим событиям..., обсудить те или иные вопросы, подействовать на чувство и волю отдельных лиц и целых групп – все это вызвало усиленную речевую деятельность в среде населения, охваченного революционным движением», – писал А.М. Селищев [Селищев, 2003: 23]. К тому же в числе деятелей, активно использовавших языковые механизмы в речи, преимущественно оказались представители таких слоев общества, которые до этого активного участия в жизни литературного слова не принимали. «В результате не мог не произойти

* Булгаков М. Мастер и Маргарита // Избранные произведения в 2-х т. – Т.2. Романы. - М., 2004.

известный отход нашего литературного языка от общей линии предшествующего его развития» [Обнорский, 1968: 284].

В 17-20-е годы XX века изменяется система текстов, служащих ориентиром для общественной и языковой деятельности социума. «Советская словесность была построена строго иерархически: ее нормирующую основу составляли тексты основоположников марксизма-ленинизма и партийные документы. Все остальные тексты, согласно принципу партийности, строились по этим нормативам, соотношенным с нормами языкового стандарта» [Романенко, 2003: 128].

В качестве таковых выступают сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, а также публичные выступления и различные резолюции, постановления В.И. Ленина: «Из индивидуальных воздействий отразилось сильное влияние особенностей речи В.И. Ленина, главным образом, в эмоциональном отношении. Эти речи с их характерными чертами служат образцами для прочих революционных деятелей» [Селищев, 2003: 23]. Тексты же других революционных деятелей, а также художественные произведения, могли стать прецедентными в зависимости от ленинской оценки и от его внимания к ним, потому как Ленин – не только авторитетный ритор, но и воплощение риторического идеала. Таким образом, речь и других членов партии, и, следовательно, язык прессы перенимает их основные стилистические черты. Происходит активное распространение языковых черт среди представителей социалистической партии. Некоторые особенности лексики, словообразования, синтаксиса быстро распространяются в партийной и социальной среде. «Произносятся речи, ведутся беседы и разговоры на темы по текущим вопросам – ведутся в духе выставленных центром тезисов и лозунгов» [Романенко, 2003] 9подробнее см.: [Зуев, 2005]).

Сказанное полностью относится к характеристике ХЯКМ, воспроизведенной в романе Булгакова «Мастер и Маргарита», точнее – в том ее плане, который характеризует жизнь и быт Москвы 20-х годов прошлого века, где появляется Воланд со своей свитой.

Это видно и по речи персонажей, и по авторской метаоценке событий романа. Булгаков не был бы Булгаковым если бы в его романе официальный язык новой эпохи был представлен в своем непосредственном виде. Автор «Мастера и Маргариты» поступает тоньше, как и подобает истинному художнику. В тексте произведения встречаются отдельные вкрапления, которые характеризуют советский фон эпохи, в которые происходит действие романа. Отдельными словечками и выражениями герои, представляющие Москву 20-х годов, ярко выдают свое «пролетарское» происхождение. Автор, вводя эти разговорно-просторечные элементы, их единичностью как бы подчеркивает, что они не характерны для собственно народного, демократического языка, которым собственно и написан роман. Конкретизируя с языком современных ему произведений социалистического реализма, текст «Мастера и Маргариты» был обречен на непризнание официальной сталинской идеологией.

Рассмотрим следующий пример:

«И в эту минуту в столовую вошли двое граждан, а с ними почему-то очень бледная Пелагея Антоновна. При взгляде на граждан побелел и Никанор Иванович и поднялся.

– Где сортир? – озабоченно спросил первый, который был в белой косоворотке.

На обеденном столе что-то стукнуло (это Никанор Иванович уронил ложку на клеенку).

– Здесь, здесь, – скороговоркой ответила Пелагея Антоновна.

И пришедшие немедленно устремились в коридор.

– А в чем дело? – тихо спросил Никанор Иванович, следуя за пришедшими. – У нас ничего такого в квартире не может быть... А у вас документики... я извиняюсь...

Первый на ходу показал Никанору Ивановичу документик, а второй в эту же минуту оказался стоящим на табуретке в уборной, с рукою, засунутой в вентиляционный ход. В глазах у Никанора Ивановича потемнело. Газету сняли, но в пачке оказались не рубли, а неизвестные деньги, не то синие, не то зеленые, и с изображениями какого-то старика. Впрочем, все это Никанор Иванович разглядел неясно, перед глазами у него плавали какие-то пятна.

– Доллары в вентиляции, – задумчиво сказал первый и спросил Никанора Ивановича мягко и вежливо: – Ваш пакетик?

– Нет! – ответил Никанор Иванович страшным голосом. – Подбросили враги!

– Это бывает, – согласился тот, первый, и опять-таки мягко добавил: – Ну что же, надо остальные сдавать.

– Нету у меня! Нету, богом клянусь, никогда в руках не держал! – отчаянно вскричал председатель.

Он кинулся к комоду, с грохотом вытащил ящик, а из него портфель, бессвязно при этом вскрикивая:

– Вот контракт... переводчик-гад подбросил... Коровьев... в пенсне!

Он открыл портфель, глянул в него, сунул в него руку, посинел лицом и уронил портфель в борщ. В портфеле ничего не было: ни Степиного письма, ни контракта, ни иностранцева паспорта, ни денег, ни контрамарки. Словом, ничего, кроме складного метра.

– Товарищи! – неистово закричал председатель. – Держите их! У нас в доме нечистая сила!

И тут уж неизвестно что померещилось Пелагее Антоновне, но только она, всплеснув руками, вскричала:

– Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдет!

С глазами, налитыми кровью, Никанор Иванович занес кулаки над головой жены, хрипя:

– У, дура проклятая!

Тут он ослабел и опустился на стул, очевидно, решив покориться неизбежному.

В это время Тимофей Кондратьевич Квасцов на площадке лестницы припал к замочной скважине в дверях квартиры председателя то ухом, то глазом, изнывая от любопытства.

Через пять минут жильцы дома, находившиеся во дворе, видели, как председатель в сопровождении еще двух лиц последовал прямо к воротам дома» (гл. 9, с. 432-433).

Здесь описаны типичные для сталинской эпохи сцены изобличения и ареста «врага народа». Чекисты именуются как «двое граждан» (и далее «первый», «пришедшие», «второй», «двое лиц»). Тем самым автор намеренно обезличивает, лишает имен собственных, человеческого облика тех, кто стоит на страже завоеваний «социализма». Негативное отношение к ним подчеркнуто первой же репликой чекистов: «Где сортир?» Сниженно-вульгарное употребление слова «сортир» присуще хаму, находившемуся «при исполнении», хотя в языке-источнике оно означает «выход» (франц. «sortier»). Тем самым усиливается внутренняя негация автора в отношении к тому миру, в котором он был вынужден жить, творить и умереть, обессмертив себя великим романом, где мы находим яркие и беспощадные лексические метаоценки. Страх перед ними как представителями страшной системы отражен в словах Никанора Ивановича Босого «У нас ничего такого в квартире не может быть... А у вас документики... я извиняюсь...». Лексема «документики», являющаяся диминутивом существительного «документы» окрашена в уничижительно-уменьшительную окраску, подчеркивая презрение автора и к самой «системе», и к тем, кого она поставила на колени и сделала рабами. Чего стоят наречные

характеризующие эпитеты в следующем контексте: «— *Доллары в вентиляции, — задумчиво сказал первый и спросил Никанора Ивановича мягко и вежливо: — Ваши пакетик?*» Внешнее абсолютное несоответствие поведения намерениям чекистов лишний раз выявляют отношение автора к грязной, мерзкой сути сталинской «чистки общества» от тех, кого называли «врагами народа». Правда, Никанор Иванович Босой — это то исключение из правил, которое несет наказание заслуженно. Как правило, именно подобные граждане были наводчиками и радовались тому, как арестовывали ни в чем не повинных людей.

В целом, нейтральный язык сцены анализируемого контекста еще ярче подчеркивает художественно-изобразительные функции элементов, которые мы только что выявили как стилистические средства, являющиеся показательными и для текста «Мастер и Маргарита», и для языка эпохи, отразившейся в романе.

Что же касается общей характеристики лингвостилистического поля булгаковского дискурса, то мы должны заметить следующее. Язык и стиль Булгакова эволюционировал на протяжении его творчества. В прозе 30-х годов у Булгакова неизменно появляется герой-рассказчик. Писателя в это время все больше привлекала тема творческой личности, осмысленная сквозь призму собственной судьбы. Автор-рассказчик, надевавший маску простодушного наблюдателя событий, помогал Булгакову создать обманчивое впечатление объективности происходящего в романе, заставить читателей хоть на миг поверить в подлинность таких inferнальных персонажей, как Воланд и его свита.

Создатель «Мастера и Маргариты» постепенно свое «правдивое повествование» окрашивает эмоциональным отношением к происходящему. Когда Коровьев-Фагот от имени жильца Тимофея Квасцова по телефону доносит о долларах, будто бы спрятанных в квартире Никанора Ивановича Босого,

автор заключает этот эпизод следующей ремаркой: *«И повесил трубку, подлец!»* А представляя читателям Маргариту, голосом автора явно говорит уже сам Булгаков: *«За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!»*

Язык и стиль Булгакова, прежде всего в «Мастере и Маргарите», стали образцом, почти нормой для многих русских писателей последней трети нашего века. П.С. Попов в письме Е.С. Булгаковой 27 декабря 1940 г. по поводу «закатного» романа справедливо утверждал, что «можно прямо учиться русскому языку по этому произведению», а в биографическом очерке назвал покойного друга «образцовым стилистом, превосходно владевшим всем богатством и разнообразием» родного языка. Сам Булгаков именно язык считал самым важным элементом литературного произведения.

К собственному творчеству Булгаков в первую очередь подходил с позиций потенциального читателя. Поэтому писал просто и правильно, облекая «мощный лет фантазии» в формы, понятные всем – и рафинированному интеллигенту, и простому рабочему, вроде тех, чьи не слишком грамотные корреспонденции когда-то приходилось править в «Гудке». Писателю очень скоро стала претить избыточная и вычурная, как он считал, метафоричность, столь характерная для советской литературы 20-х годов. Булгаковский язык и стиль обретают ту прозрачную простоту, к которой стремился еще Лев Толстой в последний период своего творчества. Булгаков, убежденный, что своих героев автор должен любить, чтобы затем их полюбил читатель, не допускал искусственной усложненности и чрезмерной цветистости языка как самоцели, которой должны были бы подчиниться и развитие сюжета, и характеры персонажей. Поэтому булгаковская проза читается с необычайной легкостью. Внимание читателей лишний раз не отвлекается от мастерски сделанного

сюжета необходимостью осмысливать сложные метафорические обороты и бесконечные повествовательные периоды. В пьесах же речь персонажей по своему строю оказывается очень близка к реальной разговорной, будучи разделенной на не очень длинные фразы, она мало отступает от литературной нормы и легко воспринимается зрителями, позволяя без труда следить за развитием действия. Для Булгакова чрезвычайно важным было идейное содержание произведения. Язык и стиль должны были помогать восприятию заложенного в текст смысла, не концентрируя на себе специального читательского внимания. Автор «Мастера и Маргариты» в своем творчестве отдавал дань и юмору, и сатире. Неслучайно в письме Правительству от 28 марта 1930 г. Булгаков подчеркнул «яд, которым пропитан мой язык». И не стремился к «медовой гладкости» литературной речи, понимая, что некоторая художественно дозированная «неправильность» языка, по сравнению как с нормой, так и с живой разговорной практикой, необходима для должного эстетического воздействия на читателя. В частности, Булгаков вводил в свою прозу ритм, следуя традиции Белого, например, в ставшем хрестоматийном описании Понтия Пилата: *«В белом плаще с кровавым подбоем, шарканущей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».*

Писатель также использовал непривычную транскрипцию знакомых слов, вроде «Ершалаим», «кентурион», «Вар-Равван» в евангельских главах «Мастера и Маргариты». В московской же части этого романа со строгим чувством меры употреблял просторечные слова для речевой характеристики персонажей типа Коровьева-Фягота, который конферансье Жоржа Бенгальского величает замечательным словом «надоедала».

Булгаков прекрасно придумывал смешные имена и фамилии. Так, фамилия театрального администратора Варенуха означает, если воспользоваться гоголевским примечанием ко второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1832), вареную водку с пряностями и может быть понята еще и как намек на склонность Ивана Савельевича к выпивке, подобно его шефу, Степану Богдановичу Лиходееву.

Приемы такого рода не позволяли скучать булгаковским читателям. А неизменная точность деталей создавала эффект достоверности самых невероятных ситуаций, вроде пытаю-щегося купить билет в трамвае говорящего волшебного кота Бегемота. Условностей и сознательных искажений действительных пропорций и свойств предметов и явлений, что было характерно как для модернистских течений рубежа веков, так и для послереволюционного авангарда, Булгаков почти не допускал, не прельщаясь фиолетовой травой или синими лошадьми.

Булгаков избегал журналистских и писательских штампов, никогда не напускал в своих вещах тумана, даже с чисто утилитарной целью обойти цензурные рогатки. П.С. Попов с тревогой писал Е.С. Булгаковой в декабре 1940 г. по поводу «Мастера и Маргариты»: «Идеология романа – грустная, и ее не скроешь. Слишком велико мастерство, сквозь него все еще резче проступает. А мрак он еще сгустил, кое-где не только не завуалировал, а поставил точки над *i*. В этом отношении я бы сравнил с «Бесами» Достоевского. У Достоевского тоже поражает мрачная реакционность – безусловная антиреволюционность. Меня «Бесы» тоже пленяют своими художественными красотами, но из песни слова не выкинешь – и идеология крайняя. И у Миши также резко. Но сетовать нельзя. Писатель пишет по собственному внутреннему чувству – если бы изъять идеологию «Бесов», не было бы так выразительно. Мне только ошибочно казалось, что у Миши

больше все сгладилось, уравновесилось, – какой тут!.. Гениальное мастерство всегда останется гениальным мастерством, но сейчас роман неприемлем». «Мрачной» булгаковский друг считал идеологию, а не язык и стиль последнего романа.

Булгаков начинал с достаточно традиционного бытописательства, пусть и осложненного модернистскими влияниями в «Записках юного врача» и московских фельетонах. Однако с концом эпохи нэпа цензурно приемлемым стало только описание «нового быта» и «нового человека» (но не такого, как Шариков в «Собачьем сердце»). Булгакову неоднократно безуспешно предлагали написать «коммунистические достижения или успехи коллективизации», прославляющие «великие стройки» пятилетки. В ответ писатель в пьесе «Адам и Ева» превосходно спародировал зачин халтурного «колхозного романа». Оптимистический бред, прославляющий «трудовые будни» социалистического строительства, равно как обличение «язв проклятого царизма» для Булгакова было абсолютно неприемлемым ни политически, ни эстетически. Выход для себя он старался найти в соединении реалий современного городского быта с «мощным летом фантазии». Это характерно для большинства произведений 30-х годов. Попытка же создать насквозь мифологическую пьесу «Батум», прославляющую «молодого революционера» – И.В. Сталина и уничижающую царскую Россию и последнего русского императора, закончилась для драматурга полной творческой неудачей. На чуждые его музе темы, в рамках заданных идеологических конструкций с успехом Булгаков писать не мог.

Булгаковский язык и стиль нашел свое законченное выражение в «Мастере и Маргарите». В посмертно опубликованных «Фрагментах» (1907) немецкий поэт-романтик Новалис (Фридрих фон Гарденберг) (1772-1801) писал: «С каждой чертою свершения создание отделяется от мастера –

на расстояние пространственно неизмеримое. С последнюю чертою художник видит, что мнимое его создание оторвалось от него, между ними мысленная пропасть, через которую может перенестись только воображение, эта тень гиганта – нашего самосознания. В ту самую минуту, когда оно всецело должно было стать собственным его достоянием, оно стало чем-то более значительным, нежели он сам, его создатель. Художник превратился в бессознательное орудие, в бессознательную принадлежность высшей силы. Художник принадлежит своему произведению, произведение же не принадлежит художнику» [Соколов, 2005: 761].

7.3. Соотношение явных и скрытых смыслов в дискурсе романа

В предыдущем разделе мы попытались проанализировать специфику ЯКМ эпохи создания романа «Мастера и Маргариты». Мы установили, что в дискурсе этого произведения, благодаря взаимодействию текста и подтекста с авторским метакомментарием вступают в определенные отношения смысловые планы. Этих планов два: план явных и план скрытых смыслов.

А. Выражение явных смыслов

Под явными смыслами понимается семантическое пространство текста, которое связано с сюжетом – основными событиями, происходящими в тексте. При этом мы должны помнить высказывание Е. Фарино, который писал, что мир произведения следует рассматривать «не как "списанный" (буквально воспроизведенный, сфотографированный – Е.Т.), а как **созданный**, то есть как целиком подвластный автору» [Фарино, 2004: 82]. Сюжет «Мастера и Маргариты», фиксирующий события, которые происходят, как мы знаем, в

трех основных измерениях – реальном, историческом и фантастическом, смоделирован автором, который опять же, согласно Е. Фарино, фиксирует свойства мира, опираясь на факты, но при этом формируя художественное пространство. «Наши представления об окружающем нас мире, – пишет Е. Фарино – приписывают ему и определенную "стилистику" – разнообразные ценностные градации и, соответственно, правила (нормы или запреты) сочетаемости или соприсутствия предметов по их ценностному статусу, по их рангу (требование ценностной или «стилевой» однородности)» [Там же: 85].

Данное высказывание весьма важно для нас в плане осознания того, что мы понимаем под явными смыслами текста романа «Мастера и Маргариты». Булгаков, вовлекая нас в увлекательнейший ход своих мыслей, стилизует повествование в соответствии с выработанными исторически человеческими ценностями. Так, бытовая линия романа обезличивает эти ценности, подменяя духовное материальным. Вспомним сцену в романе, когда собравшиеся в доме Грибоедова литераторы ожидают почему-то запаздывающего Берлиоза:

«– А сейчас хорошо на Клязьме, – подзудила присутствующих Штурман Жорж, зная, что дачный литераторский поселок Перельгино на Клязьме – общее большое место. – Теперь уж соловьи, наверно, поют. Мне всегда как-то лучше работается за городом, в особенности весной.

– Третий год вношу денежки, чтобы больную базедовой болезнью жену отправить в этот рай, да что-то ничего в волнах не видно, – ядовито и горько сказал новеллист Иероним Поприхин.

– Это уж как кому повезет, – прогудел с подоконника критик Абабков.

Радость загорелась в маленьких глазках Штурман Жоржа, и она сказала, смягчая свое контральто:

– Не надо, товарищи, завидовать. Дач всего двадцать две, и строится еще только семь, а нас в МАССОЛИТе три тысячи.

– Три тысячи сто одиннадцать человек, – вставил кто-то из угла.

– Ну вот видите, – продолжала Штурман, что же делать? Естественно, что дачи получили наиболее талантливые из нас...

– Генералы! – напрямик врезался в склоку Глухарев-сценарист.

Бескудников, искусственно зевнув, вышел из комнаты.

– Один в пяти комнатах в Перельгине, – вслед ему сказал Глухарев.

– Лаврович один в шести, – вскричал Денискин, – и столовая дубом обшита!

– Э, сейчас не в этом дело, – прогудел Абабков, – а в том, что половина двенадцатого.

Начался шум, назревало что-то вроде бунта. Стали звонить в ненавистное Перельгино, попали не в ту дачу, к Лавровичу, узнали, что Лаврович ушел на реку, и совершенно от этого расстроились. Наобум позвонили в комиссию изящной словесности по добавочному № 930 и, конечно, никого там не нашли.

– Он мог бы и позвонить! – кричал Денискин, Глухарев и Квант.

Ах, кричали они напрасно: не мог Михаил Александрович позвонить никуда» (гл. 5, с. 388-389).

Напротив, историческая линия обнажает столкновение двух позиций, двух философий – земной и божественной. Пилат, в отличие от Иешуа, считает человека венцом всех ценностей, ибо он язычник, поклоняющийся античным богам. Иешуа же исповедует иную истину, – высшие ценности определяются Творцом, Сыном которого он является:

«– Не знаешь ли ты таких, – продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта, – некоего Дисмаса, другого – Гестаса и третьего – Вар-раввана?

– Этих добрых людей я не знаю, – ответил арестант.

– Правда?

– Правда.

– А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

– Всех, – ответил арестант, – злых людей нет на свете.

– Впервые слышу об этом, – сказал Пилат, усмехнувшись, – но, может быть, я мало знаю жизнь!.. Можете дальнейшее не записывать, – обратился он к секретарю, хотя тот и так ничего не записывал, и продолжал говорить арестанту: – В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

– Нет, я своим умом дошел до этого.

– И ты проповедуешь это?

– Да.

– А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоем, – он – добрый?

– Да, – ответил арестант, – он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств» (гл. 2, с. 355-356).

Третья линия явных смыслов романа дает нам возможность обобщить смыслы и бессмыслицы первых двух линий. Воланд, олицетворяющий то «зло, что вечно совершает благо». Ценностная градация, о которой пишет Фарино, в сценах, связанных с появлением Воланда и его свиты, проступает наиболее четко, ибо мессир не зависит ни от кого – ни от Бога, ни от жизненных обстоятельств, ни от здравого смысла язычника – Пилата. Воланд – это сам Булгаков, и поэтому явные смыслы фантастической линии романа подвластны прежде всего автору, выражая его точку зрения.

Вспомним хотя бы финальную главу текста, когда Воланд прощается с Мастером и Маргаритой:

«— ...продолжал Воланд убедительно и мягко. — О, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подружкой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели же вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула? Туда, туда! Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет. По этой дороге, мастер, по этой! Прощайте! Мне пора.

— Прощайте! — одним криком ответили Воланду Маргарита и мастер. Тогда черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита. Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг. Пропали и черные кони. Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет» (гл. 32, с. 720-721).

Явные смыслы, о которых идет речь, представляют собой авторскую проекцию некоторых реальных событий. Эта проекция становится той художественной реальностью, которая лежит в основе восприятия текста. Читатель воспринимает изображаемые события в качестве реальных, действительно имевших место событий, в которые он может верить или не верить, но верить которым предлагает ему автор. Явные смыслы, однако, совершенно не исчерпывают содержательной стороны текста. Специфика художественной дискурсивности как раз и заключается в том, чтобы пробудить воображение читателя, заставить его поверить в пространственность текста, его глубинность, в присутствие в нем других смыслов, которые мы называем глубинными, или скрытыми.

Б. Выражение скрытых смыслов

У. Эко отмечает, что «всякий текст (даже самая простая фраза, хотя бы *Ренцо любит Люцию*) описывает или предполагает некий Возможный Мир – некий мир, в котором, если вернуться к нашему примеру, существует некий Ренцо, особа мужского пола, и некая Люция, особа женского пола, причем Ренцо испытывает любовные чувства по отношению к Люции, тогда как еще неизвестно, отвечает ли ему Люция тем же» [Эко, 2006: 54].

Высказанная мысль представляет интерес с точки зрения рассматриваемых нами явных и скрытых смыслов. «Некий Возможный Мир» при этом, в силу своей художественной виртуальности обладает сложной пространственной структурой, в которой и выделяются смыслы явного и скрытого плана.

Скрытые смыслы можно сравнить с подтекстом произведения, однако это сопоставление является неточным. То, что мы хотим скрыть происходит, с одной стороны, независимо от воли автора, поскольку предполагается самой виртуальностью создаваемого им мира текста; с другой стороны, здесь присутствует и субъективный фактор, когда автор реализует в скрытых смыслах свои намерения (интенции) выразить нечто, о чем он не хочет говорить открыто, явно. Этот второй момент представляет особый интерес, так как благодаря ему реализуется художественная (образная) эвфемизация (*euphēmō* – говорю вежливо). Эвфемистический план, который обычно связывают с употреблением местоимений (см. работы Л.П. Крысина, В.З. Санникова и других авторов), задан самим «Я» автора, его Ego. Автор всегда берет на себя ответственность за тот «зазор», который неизбежен в случае создания текста – виртуального «Возможного Мира», о котором говорит У. Эко.

Вот почему скрытые смыслы текста – понятие двойственное, предполагающее синтез двух составляющих: а) объективно скрытые смыслы, б) намеренно скрытые смыслы.

Попытаемся разобраться в том, что мы сказали, с помощью контекста из романа «Мастер и Маргарита»:

«Что-то еще жгуче беспокоило финдиректора, но что именно, он не мог понять, как ни напрягал воспаленный мозг, сколько ни всматривался в Варенуху. Одно не мог утверждать, что было что-то невиданное, неестественное в этом соединении администратора с хорошо знакомым креслом.

– Ну, одолели наконец, погрузили в машину, – гудел Варенуха, выглядывая из-за листа и ладонью прикрывая сияк...

– Что это у тебя на лице?

– Машину занесло, ударился об ручку двери, – ответил Варенуха, отводя глаза.

«Лжет!» – воскликнул мысленно финдиректор. И тут вдруг его глаза округлились и стали совершенно безумными, и он уставился в спинку кресла.

Сзади кресла, на полу, лежали две перекрещенные тени, одна погуще и почернее, другая слабая и серая. Отчетливо была видна на полу теневая спинка кресла и его заостренные ножки, но над спинкою на полу не было теневой головы Варенухи, равно под ножками не было ног администратора.

«Он не отбрасывает тени!» – отчаянно мысленно вскричал Римский. Его ударила дрожь.

Варенуха воровато оглянулся, следуя безумному взору Римского, за спинку кресла и понял, что он открыт.

Он поднялся с кресла (то же сделал и финдиректор) и отступил от стола на шаг, сжимая в руках портфель.

– Догадался, проклятый! Всегда был смышлен, – злобно ухмыльнувшись совершенно в лицо финдиректору, проговорил

Варенуха, неожиданно отпрыгнул от кресла к двери и быстро двинул вниз пуговку английского замка» (гл. 14, с. 487).

В данном контексте отчетливо выражен «зазор» между реальными событиями и теми скрытыми, подразумеваемыми смыслами, которые возникают в результате столкновения двух стихий – естественной, бытовой и потусторонней, фантастической. Варенуха, ставший жертвой Геллы, и потерявший душу, не отбрасывает тени, что внезапно открывается финдиректору Римскому. Скрытый смысл передается с помощью внутренней речи последнего: *«"Лжет!" – воскликнул мысленно финдиректор»* и *«"Он не отбрасывает тени!" – отчаянно мысленно вскричал Римский»*. В плане выражения скрытых смыслов здесь показательны слова автора, а именно: связанные градационными отношениями глаголы «воскликнул» → «вскричал» и обстоятельство образа действия «отчаянно», показывающее возросшее паническое состояние героя по мере того, как он открывает для себя метаморфозу, произошедшую с администратором. Все это изображается автором на общем фоне аппроксимации – неопределенности в восприятии Варенухи («что-то невиданное, неестественное в этом соединении администратора с хорошо знакомым креслом»). Автор намеренно обезличивает героя (Варенуха), уравнивая живого человека с неживым креслом, что представлено как некая неопределенная субстанция, в которой Римский не может отделить одно от другого. Вначале скрытый смысл выступает в виде намека, предчувствия, которое в дальнейшем подтверждается. Скрытый смысл становится явным.

В. Взаимодействие явных и скрытых смыслов

Мы убедись в том, что семантика текста, получая свое развертывание в авторском дискурсе, представлена в плане

выражения как синтез внутреннего и внешнего, скрытого и явного. Чтобы понять авторский замысел, нужно научиться читать не только текст, но и подтекст, тем более что автор нам помогает в этом.

Взаимодействие явных и скрытых смыслов – понятие далеко не абстрактное, риторическое. Благодаря ему и создается текстовое пространство. Принято считать, что «текст имеет двоякую пространственную семантику: во-первых, в его содержании отображается определенный фрагмент действительности, вписанный в общую пространственную картину мира...; во-вторых, сам текст разворачивается в вербальное пространство, является материальным объектом, обладающий пространственными характеристиками...» [СЭСРЯ, 2003: 539-540].

В разделе I.4. нашей работы мы уже говорили о многомерности художественного текста и его четырех измерениях. Если явные смыслы формируются в пространстве первых трех измерений, то скрытые смыслы – прерогатива четвертого измерения α (ω).

В самом деле, рассмотрим следующий контекст:

«Человек в капюшоне шел по следам палача и кентуриона, а за ним начальник храмовой стражи. Остановившись у первого столба, человек в капюшоне внимательно оглядел окровавленного Иешуа, тронул белой рукой ступню и сказал спутникам:

– Мертв.

То же повторилось и у двух других столбов.

После этого трибун сделал знак кентуриону и, повернувшись, начал уходить с вершины вместе с начальником храмовой стражи и человеком в капюшоне. Настала полутьма, и молнии бороздили черное небо. Из него вдруг брызнуло огнем, и крик кентуриона: «Снимай цепь!» – утонул в грохоте. Счастливые солдаты кинулись бежать с холма, надевая шлемы.

Тьма закрыла Еришалаим.

Ливень хлынул внезапно и застал кентурии на полдороге на холме. Вода обрушилась так страшно, что, когда солдаты бежали книзу, им вдогонку уже летели бушующие потоки. Солдаты скользили и падали на размокшей глине, спеша на ровную дорогу, по которой – уже чуть видная в пелене воды – уходила в Еришалаим до нитки мокрая конница» (гл. 16, с. 513-515).

Перед нами художественная версия первых мгновений после распятия Иисуса Христа. Иешуа, он же Иисус, только что прекратил свою земную жизнь. Сама природа протестует против случившегося: внезапный мрак молнии на черном небе, грохот грома, страшный ливень с бушующими потоками воды – все это атрибуты протеста против земной несправедливости. Мы чувствуем внутреннее напряжение текста благодаря скрытому подтексту – евангелической основе сюжетной сцены. Именно подтекст открывает нам путь в четвертое измерение текста, когда мы, спустя уже много лет после реальных событий на Голгофе весной 33 года н.э., благодаря булгаковскому тексту, сопереживаем самое страшное событие в истории человечества. Метатекстовые связи, позволяющие осуществить взаимодействие явных и скрытых смыслов (в нашем случае явный смысл связан с казнью Иешуа, а скрытый – с распятием Христа) осуществляется Булгаковым с помощью пейзажа и его деталей, названных нами выше. Мы не знаем из истории, какой именно была гроза, сопровождающая казнь Христа, – знаем только, что гроза была очень сильной. Пейзажное описание Булгакова персонифицирует, наделяет живым началом детали этой грозы; пейзаж окрашивается в метамодальные авторские характеристики, а само авторское присутствие на казни Иешуа (кстати, Булгаков выступает в этом случае под именем Мастера, автора романа о Пилате, и поэтому метаоценка носит

метатекстовый характер) является условным исторически, но очень важным в художественном плане.

Мы видим, что в художественном тексте взаимодей-ствие явных и скрытых смыслов позволяет языковой личности Булгакова **развернуть пространство текста в пространство дискурса**. Тем самым возникает та объемность смысла, которая характеризуется потенциальной бесконечностью своего раскрытия в каждом конкретном случае соприкосновения с текстом и найти в нем самого себя.

7.4.Метатекстовая характеристика пространства романа «Мастер и Маргарита» (внешний и внутренний метатекст)

Метатекст призван внести комментарий к тексту; тем самым текст и метатекст образует своеобразное «двухголосие» (А. Вежбицка). Подобное понимание метатекста носит узкий характер, поскольку метатекст в данном случае поглощается текстом, выступая в качестве его составной части.

Существует, как мы уже говорили, и широкое понимание метатекста, когда он представляет собой самостоятельный текст, написанный по поводу другого, основного текста. Комментарий в таком случае выступает отдельно от комментируемого, и мы можем соотносить собственно текст и комментирующий его метатекст (подобная точка зрения представлена в работах К.Э. Штайн).

Таким образом, говоря о метатексте романа Булгакова «Мастер и Маргарита», мы будем рассматривать две стороны его проявления: внешний и внутренний. Внешняя сторона, или внешний метатекст, представляет собой все, что написано автором романа «Мастер и Маргарита» по поводу или в связи с текстом романа, его внешней и внутренней смысловой

структуре, героями, событиями, которые с ними происходят. Форма выражения внешнего метатекста самая разная: от комментариев и письменных высказываний до устных замечаний автора, которые воспроизводятся кем-то из его окружения.

В отличие от внешнего метатекста, внутренний метатекст связан с вычленением в основном текстовом пространстве особых «метатекстовых нитей» – фрагментов текста, выраженных определенными языковыми средствами (слова, словосочетания, предикативные единицы, единицы типа фразовых наименований /см. работы Я.А. Фрикке/). В ряде случаев это может быть и связный текст типа авторского отступления, письма, дневника, портрета, пейзажа и т.д.

Таким образом, метатекстовая характеристика романа «Мастер и Маргарита» Булгакова осуществляется нами в двух аспектах – как внешняя метатекстовость и как внутренняя метатекстовость.

А. Внешняя метатекстовость романа

Говоря о внешней метатекстовости романа, мы предлагаем распределить собранный нами материал по степени проявления в нем собственно-авторского комментирующего начала: а) непосредственное высказывание о романе самого Булгакова; б) оценка текста близкими автору людьми, например Е.С. Булгаковой, О.С. Бокшанской, П.С. Попова и др.; в) комментарии критиков, исследователей романа.

а) Эпистолярный метатекст романа (письма автора)

Известно достаточное количество писем М.А. Булгакова по поводу романа «Мастер и Маргарита». Они представляют собой своеобразную эпистолярную парадигму текстов,

связанных в той или иной степени с объяснением замысла романа, процесса работы над текстом, вносимых изменений. Эпистолярный метатекст является свидетельством авторского художественного поиска, осмыслением сомнений и переживаний, художественным откровением, представляющим не меньшую ценность, чем сам текст. Благодаря письмам автора более четко определяется рекуррентность (соотношение) текста и подтекста, их взаимодействие.

Рассмотрим несколько примеров.

Особый пласт булгаковских писем, связанных с «Мастером и Маргаритой», адресованы любимой жене – Елене Сергеевне Булгаковой, ставшей прототипом Маргариты. Автор предельно откровенен с адресатом, что дает возможность абсолютно доверять высказываниям.

Так в письме от 3 июня 1938 года есть такая фраза: «Одно могу сказать, что мною самим выдуманые лакированный ботфорты, кладовка с ветчиной и faux pas в этой кладовке теперь для меня утвердившаяся реальность. Иначе просто грустно было бы!» [Булгаков, 1988: 563]. Автор прекрасно понимал, что его роман обречен на непризнание цензурой, как и рукопись его героя, поэтому он с юмором воспринимает будущее книги. В письме, написанном 15 июня того же года, он выносит приговор будущему своей книги: «Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся еще немного приподнять коней, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтоб быть уложенной в тьму ящика... Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому не известно» [Там же: 567]. Тот факт, что текст романа явно не вписывается в «каноны» социалистического реализма и советского партийного официоза, было ясно не только Булгакову, но и переписчикам его текста, в частности – сестре Е.С. Булгаковой О.С. Бокшанской. В этом же письме автор романа весьма

непрозрачно намекает нам это: «...уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с ее стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: «Этот роман твое частное дело...» [Там же].

Булгаков, как и любой гениальный художник, жил текстом своего романа. В письме своему другу П.С. Попову, датированном 26 июня 1934 года, он замечает о том, что, несмотря на загруженность сиюминутной работой, постоянно думает о «Мастере и Маргарите»: «Ох, много у меня работы! Но в голове бродит моя Маргарита, и кот, и полеты...» [Там же: 213].

О том, что работа над романом продвигалась трудно и Булгаков находился в постоянном поиске своих героев, свидетельствует переписка с Е.С. Булгаковой 1938 года. Писатель работает над «Мастером и Маргаритой» в основном по ночам. Особенно сложным представляется ему Пилат: «Ночью – Пилат. Ах, какой трудный, пуганный материал!... Вечером Пилат. Малоплодотворно» [Булгаковы, 2003: 435].

Наши наблюдения показывают, что собственно булгаковских высказываний по поводу «Мастера и Маргариты», содержащихся в письмах писателя, немного. Это говорит о том, что творческий процесс автор хранил в тайне и не доверял бумаге, даже, когда переписка была с самыми близкими людьми. В основном, это объясняется цензурными соображениями, опасением перлюстрации. Поэтому характер высказывания о романе, как правило, имеет форму скрытого намека, зачастую эвфемистического характера. Однако и то, чем мы располагаем, составляет основную часть внешнего метатекстового комментария. Можно утверждать, что булгаковские эпистолярные метахарактеристики являются самым ценным материалом, позволяющим составить целостную картину работы над текстом «Мастер и Маргарита» и объяснение его подтекста, скрытых смыслов.

б). Эпистолярный метатекст романа (письма близких автору людей)

Второй по значимости пласт внешнего метатекста образуют высказывания (в основном дневникового типа) о романе близких автору людей, друзей, единомышленников. Внешняя метатекстовость данного типа отличается от типа а) тем, что она носит не прямой, а косвенный характер, поскольку принадлежит не автору. Авторская метаоценка в данном случае выступает прямым отражением того, что сказано и не сказано в тексте, в то время как неавторский метаоценочный коррелят выступает фактом анализа – либо процесса работы над текстом, либо самого текста, его особенностей, либо околотекстовой ситуации. В этом плане метаоценка может носить субъективный и объективный характер. Степень субъективности, присущая близким автору людям, также различна: оценки Е.С. Булгаковой и ее сестры О.С. Бокшанской часто не совпадают, однако все они исходят из положительного отношения к автору и его тексту.

Обратимся к фактам. Дневник Е.С. Булгаковой, которым мы располагаем [Булгаковы, 2003], включает записи периода 1933-1940 годов. Уже в записи 28 сентября 1933 года мы находим замечания о том, что «М.А. занят романом. Да и не верит в действительность затеи» [Там же:167]. Спустя полгода, 23 января 1934 года Е.С. Булгакова делает запись о том, что «М.А. диктовал... главу из романа – пожар в Берлиозовой квартире» [Там же: 189]. Символично, что наутро в квартире также случился пожар, вспыхнула керосинка на кухне, и Булгаков лично тушил огонь.

В дневнике есть записи о том, как мучительно давались писателю страницы романа, но он постоянно преодолевал трудности («писал роман», «работал над романом», «его тянет к роману», «опять над романом» и т.д.) 11 мая 1935 года Е.С. Булгакова делает знаменательную запись, явно метаоце-

ночного характера: «...вечером – к Вильямсам. Петя говорит – не могу работать, хочу знать, как дальше в романе. М.А. прочитал несколько глав. Отзывы – вещь громадной силы, интересна своей философией, помимо того что увлекательна сюжетно и блестяща с литературной точки зрения» [Там же: 359]. В данном случае Е.С. Булгакова приводит отзывы, которые абсолютно совпадают с ее собственной точкой зрения на текст.

25 июня того же года, в разгар работы над «Мастером и Маргаритой», жена Булгакова делает очень интересные записи, связанные с авторскими источниками романа, в частности – с его наблюдениями за природой: М.А. часто уходил к себе в комнату, наблюдал луну в бинокль – для романа. Сейчас – полнолуние» [Там же: 375]. Примечательно, что в этот период времени и автор, и Е.С. Булгакова называют произведение «романом о Воланде»*. Фантастическая линия сюжета очень увлекала писателя, поскольку открывала возможность говорить правду.

Оценки романа, содержащиеся в записях Елены Сергеевны Булгаковой, предельно лаконичны, нейтральны, и даже осторожны, что характеризует ее как очень умного человека. Об этом хорошо говорит запись в дневнике 3 мая 1938 года, где описывается встреча М.А. Булгакова с Н.С. Ангарским – общественным деятелем, литературным критиком, руководителем издательства «Недра» в 1924-1932 годах. Приведен весьма показательный для оценки романа разговор. Лаконично

* История названия романа сложна и запутана. Автор перебрал множество вариантов названий своего произведения: «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Шляпа с пером», «Черный богослов», «Он появился», «Подкова иностранца», «Он явился», «Пришествие», «Черный маг», «Копыто консультанта», «Гастроль Воланда», «Сын Гибели», «Жонглер с копытом», «Князь тьмы» и мн. др. Но уже во второй половине 1937 года установилось окончательное название романа – «Мастер и Маргарита» [см.: Соколов, 2005: 458-460].

ничность реплик красноречива именно своим подтекстом, категоричностью: «После уговоров Ангарский попросил М.А. читать роман (Мастер и Маргарита).

М.А. прочитал три первые главы. Ангарский сразу:

– А это напечатать нельзя.

– Почему?

– Нельзя» [Там же: 435].

По мере завершения работы над романом в записях Е.С. Булгаковой появляются более тонкие наблюдения, связанные с оценкой романа. Часто они носят косвенный, полупрозрачный характер. Например, в записи 28 сентября 1938 года есть небольшое, вскользь высказанное замечание об оценке первых трех глав романа друзьями Булгакова П.А. Марковым (заведующий литературной частью МХАТа) и В.Я. Виленкиным (секретарь, затем – заместитель заведующего литературной частью МХАТа): «Сказали, что все так ясно видно, так ощутимо» [Там же: 477]. В подтексте этого замечания заложена мысль о легкости стиля изложения, прозрачности текста романа. Булгаковский стиль резко выделял писателя из литературного контекста его эпохи: в гениальности булгаковского дискурса просматривается, с одной стороны, глубочайшее знание мировой литературы (Гофман, Гоголь, Достоевский), а с другой – неповторимость идиостиля самого Булгакова, прозрачность, видимость, ощутимость, а потому доступность не только его современникам, но и нам, читателям XXI века.

Не только стиль романа, но и его подтекст, социально-эвфемистичная сторона сразу вызывали реакцию близких Булгакова. 27 апреля 1938 года Е.С. Булгакова делает запись о том, как Булгаков интересуется у друзей, ясен ли им прототип Воланда: «Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет. Я предложила ему написать, я тоже напишу, и мы обменяемся записками. Сделали. Он написал: сатана, я – дьявол. После этого Файко захотел тоже сыграть. И написал

на своей записке: я не знаю. Но я попала на удочку и написала ему – сатана» [Там же: 545]. Примечательно, что в записках так и не было названо истинное имя этого прототипа, в котором просматривались черты Сталина, той его демонической «части», которая могла бы совершать реальные блага, а не только то, которое раздувалось в советской пропаганде.

В записях дневника Е.С. Булгаковой этого периода описывается то впечатление, которое производит весь роман в кругу друзей. Общая оценка: испуг, ожидание ужасных последствий, хотя сам роман пленителен и вызывает много вопросов [Там же: 550].

Кроме оценок Е.С. Булгаковой метатекстовый пласт рассматриваемого нами уровня включает и зафиксированные в дневниковых записях оценки текста, данные близкими друзьями писателя. Это, в частности, мнения, высказанные П.С. Поповым, который был одним из ближайших друзей Булгакова и первым его биографом.

После смерти Михаила Афанасьевича Попов продолжал общение с его женой. В плане косвенной метатекстовой характеристики интересен его отзыв о романе «Мастер и Маргарита», содержащийся в адресованном Е.С. Булгаковой письме от 27 декабря 1940 года, спустя девять месяцев после смерти М.А. Булгакова. Здесь дана развернутая оценка достоинств романа, хотя проводится мысль о невозможности публикации главного булгаковского произведения. Приведем фрагмент этого письма: «Я все под впечатлением романа... Я даже не ждал такого блеска и разнообразия: все живет, все дышит, все сплелось, все в движении – то расходясь, то вновь сходясь. Зная по кусочкам роман, я не чувствовал до сих пор общей композиции, и теперь при чтении поражает слаженность частей: все пригнано и входит одно в другое. За всем следишь, за подлинной реальностью, хотя основные элементы – фантастика. Один из самых реальных персонажей

– кот. Что ни скажет, как ни поведет лапой – как рублем подарит. Как он отделал киевского дядюшку Берлиоза – очки надел и паспорт смотрел самым внимательнейшим образом. Хохотал и больше всего над пением в филиале в Ваганьковском переулке. Я ведь чувствую и слышу, как вдруг ни с того ни с сего все, точно сговорившись, начинают стройно вопить. И слова – это прелесть: Славное море, священный Байкал! Вижу, как их подхватывает грузовик, – а они все свое. В выдумке М.А. есть поразительная хватка – сознательно или бессознательно он достиг самых вершин комизма... И вот смех М.А. над всем автоматическим и поэтому нелепым – в центре многих сцен романа.

Вторая часть – для меня очарование. Этого я совсем не знал – тут новые персонажи и взаимоотношения – ведь Маргарита Колдунья – это Вы, и самого себя Миша ввел. И я думал по новому заглавию, что Мастер и Маргарита означают Воланда и его подругу. Хотя сначала читал залпом, а теперь решил приступить ко 2-ой части после паузы, подготовив себя и передумав первую часть.

Хочется отметить и то, что мимолетные сцены, так сказать, второстепенные эпизоды, также полны художественного смысла...

Но вот, если хотите – грустная сторона. Конечно, о печатании не может быть речи. Идеология романа – грустная, ее не скроешь. Слишком велико мастерство, сквозь него все еще ярче проступает. А мрак он еще сгустил, кое-где не только не завуалировал, а поставил точки над *i*. В этом отношении я бы сравнил с «Бесами» Достоевского. У Достоевского тоже поражает мрачная реакционность – безусловная антиреволюционность. Меня «Бесы» тоже пленяют своими художественными красотами, но из песни слов не выкинешь – идеология крайняя. И у Миши так же резко. Но сетовать нельзя. Писатель пишет по собственному внутреннему чувству – если бы изъять идеологию «Бесов», не

было бы так выразительно. Мне только ошибочно казалось, что у Миши все сгладилось, уравнилось, – какой тут! В этом отношении, чем меньше будут знать о романе, тем лучше. Гениальное мастерство всегда остается гениальным мастерством, но сейчас роман неприемлем. Должно пройти лет 50 – 100. Но как берегутся дневники Горького, так и здесь надо беречь каждую строку – в связи с необыкновенной литературной ценностью. Можно прямо учиться русскому языку по этому произведению.

Вот мои первые беспорядочные строки в связи с новыми страницами творчества М.А., с которыми я имел счастье познакомиться – благодаря Вам, почему и прошу Вас принять выражения моей глубокой признательности» [цит. по: Соколов, 2005: 591-592].

После этого письма переписка Попова с Е.С. Булгаковой прервалась на пятнадцать лет, чему, вероятно среди прочего, способствовали и «идеологические» опасения Попова по поводу публикации главного булгаковского романа.

Последнее из известных писем Попова Е.С. Булгаковой датировано 21 декабря 1955 года. Из текста видно, что письму предшествовал перерыв отношений (Попов благодарил «за внимание и память»), а само оно было ответом на присылку книги булгаковских пьес [Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни. М.: Искусство, 1955]: «Я снова оказался во власти обаяния Миши и его таланта. То обстоятельство, что я впервые читал печатный текст любимых моих произведений, захватило меня целиком: показалось, что вернулись вновь старые времена – как будто ничего не было, я сижу в подвальчике, читаю и сейчас пойду поделиться своими впечатлениями в соседний переулок.

Какой стиль! Ведь ни одного лишнего слова, а образы вспыхивают как живые при максимально сжатом тексте» [цит. по: Соколов, 2005: 592-593].

Попов не дожил трех лет до первой публикации* столь высоко оцененного им романа «Мастер и Маргарита».

Таким образом, из писем близких М.А. Булгакову людей, в частности – Е.С. Булгаковой, О.С. Бокшанской, П.С. Попова, мы можем извлечь материал, достаточный для косвенной метахарактеристики текста и подтекста «Мастера и Маргариты». По степени значимости эти факты уступают метаоценкам в письмах самого Булгакова – автора романа, однако представляют определенную ценность, позволяя уточнить детали текстового пространства произведения.

в) Критические комментарии как метатекст

Третьим метаоценочным слоем внешнего метатекста романа мы считаем комментарии критиков и ученых романа (наиболее подробный перечень источников см.: [Соколов, 2005]).

В наши задачи не входит анализ критической и научно-исследовательской литературы, не связанной с оценкой метатекста романа. Насколько нам известно, подобных исследований до нашего времени в области метатекста булгаковского романа еще не проводилось. Мы попытаемся рассмотреть под углом метатекстовой характеристики две работы,

* Впервые роман «Мастер и Маргарита» Булгакова был опубликован в журнале «Москва», 1966, № 11; 1967, № 1 (со сделанными редакцией журнала и цензурой значительными купюрами и частичной редактурой текста); впервые полностью – в 1967 году в парижском издательстве «Ymca-Press» – нецензурированный текст (по переданному в журнал «Москва» варианту романа), и в 1969 году в издательстве «Possev – Verlag» (Франкфурт-на-Майне). В 1973 году полный текст другой редакции выпущен московским издательством «Художественная литература». Сохранилось несколько вариантов рукописных редакций романа и черновых набросков к нему [Булгаков, 2004: 787].

которые написаны авторами, принадлежащими к разным онтологическим школам.

Первая точка зрения принадлежит архиепископу Иоанну Сан-Францисскому (Шаховскому). Она изложена в предисловии к первому парижскому изданию романа (1967 г.). Вторая позиция изложена в работе А. Ужанкова в работе «Коту под хвост», которая опубликована в «Литературной газете» (2006 г.). Ни в одной, ни в другой работе авторы не оперируют понятием метатекста. Но их взгляды вполне могут быть проанализированы сквозь призму метатекстовости внешнего типа.

В самом деле, разве не о соотношении явных и скрытых смыслов пишет Иоанн Сан-Францисский:

«Сложный, с ветвистой, плюралистической тематикой, роман «Мастер и Маргарита» построен в ключе фантастики, острой сатиры и умной русской иронии... Мы видим странную любовь Маргариты, некоего женственного начала (может быть, таинственно олицетворяющего Россию?), к столь же таинственному, как она, и в конце концов расплывшемуся в далях если не света, то покоя, писателю, Мастеру. Мастерство его, сокрытое от читателя, было, очевидно, столь высоко и чисто, что он не мог не попасть в психиатрическую больницу для врачебной экспертизы.

Ключевая тема книги, любовь Мастера и Маргариты, проходит странной, лунной, не солнечной полосой в повествовании и не избегает невероятных приключений, разыгравшихся в Москве и в России...» [цит. по: Соколов, 2006: 601-602].

Иоанн Сан-Францисский обращает внимание на несоответствие фактов Священной истории и булгаковского сюжета, но при этом он пытается найти связь между этими двумя интерпретациями судьбы Спасителя, тонко обращая внимание на то, какую роль отводит Булгаков в своем романе Понтию Пилату. Именно римский прокуратор становится у Булгакова

метатекстовым «связующим» звеном в попытке объяснить вечную трагедию человечества, пытающегося понять суть добра и зла, но не умеющего жертвовать собою, делая выбор:

«То, что говорят булгаковские страницы о Спасителе и о Пилате, исторически не точно. Злая сила по-своему воскрешает евангельские события, где она была побеждена. Но и сквозь эту неточность и смещенность евангельского плана удивительно ярко видна основная трагедия человечества: его полудобро, воплотившееся в римском прокураторе Понтии Пилате. Воланд – главная сила зла – не мог совершенно исказить Лик Христов, как не в силах был и скрыть великой реальности существования Христа Иисуса. Громом с неба открылась эта истина московским безбожникам. Эти не верующие в существование Христа писатели на московских Патриарших прудах увидели реальность Его существования, одновременно с явлением злой силы...» [Там же].

Автору предисловия к парижскому изданию романа не удастся скрыть своих симпатий к Булгакову – противнику светского строя, когда он пишет о некоем зле, получившем в обществе, где жил Булгаков, социальный статус. Здесь мы тоже усматриваем попытку Иоанна Сан-Францисского скрыть глубинные смыслы романа Булгакова, что также можно смело рассматривать как метатекстовость в подходе к анализу произведения:

«Драма книги – неистинное добро. Среди этой фантазмагории идеократического и обывательского мнимого добра хозяйничает Зло. Слово Зло я тут пишу с большой буквы не потому, что оно достойно этого, а потому, что здесь оно заслуживает такого подчеркивания. Многочисленны, трагически-смешны и нелепы, эти слившиеся с бытом людей проделки зла, одурачивающего человечество. Метафизической этой проблеме, обычно скрываемой в обществе, Булгаков дал, в условиях Советского Союза, удобную сатирическую форму, которую можно назвать

метафизическим реализмом. Этот большой свой реализм автор должен был, конечно, уложить на прокрустово ложе маленького, обывательского «реализма», переходящего в буффонаду, чтобы сделать хоть немного доступным людям свой замысел» [Там же].

Комментарии архиепископа Иоанна Сан-Францисского, лица духовного, представляются нам сегодня более глубокими, нежели многие комментирующие опусы советских лиц, в том числе специалистов-филологов, если смотреть на них в аспекте метатекстовости. Выберем из известного нам числа многочисленных работ недавно опубликованную статью А. Ужанкова «Коту под хвост», в преамбуле которой автор четко формирует препозицию своего комментария романа Булгакова:

«В романе «Мастер и Маргарита» есть один примечательный эпизод: Мастер взглянул на иконку с изображением ангела-хранителя и увидел, что ангел отвернулся от него. Как и его создатель, Мастер тоже отказался от своего ангела-хранителя, поскольку отказался от своего имени, данного ему при крещении.

На долю Мастера Булгакова выпало много разных испытаний, и у него появилась своя Маргарита – Елена Сергеевна Шиловская, послужившая прообразом литературной героини. В 20-е годы он увлекается демонологической тематикой, работает над повестью «Дьяволиада», вышедшей отдельным изданием в 1925 г. А спустя три года задумывает роман о дьяволе, вечном противнике Бога. Эта тема уже до конца жизни не отпустит писателя» [Ужанков, 2006: 2-3].

А. Ужанков приходит к выводу, что Мастер является апологетом сатаны – Воланда, его отражением; он написал свой роман как «евангелие от сатаны»; он «пребывает в плену у дьявола и не в силах от него освободиться самостоятельно.

Оценка значимости сочинения Мастера происходит при воскрешении рукописи его романа, ведь «рукописи не горят».

По приказу Воланда кот Бегемот достает роман из-под хвоста! Значит, написанное Мастером всего лишь коту под хвост! Тем не менее, для Воланда оно значимо, иначе бы он не воскресил его.

Вскоре и Мастер сделает свой окончательный выбор и навеки привяжет себя к Воланду. Когда Коровьев устраивает пожар в подвальчике, где прежде жили Мастер и Маргарита, Мастер машинально с полки берет большую книгу и бросает ее в огонь. Она медленно начинает гореть. Только одна книга не имеет названия, потому что она так и называется – Книга. Это Библия. Роман Мастера остался потомкам взамен Библии!

Чего хотел Мастер? Мастер жаждал покоя и награждается покоем тем, кому он послужил. Но он не обрел вечный покой. Обрести временный покой помогает ему Маргарита, продав душу дьяволу. Они оба делают осознанный выбор и улетают вместе со свитой – четырьмя апокалипсическими всадниками» [Там же].

Трудно согласиться с метакомментарием подобного рода, в итоге которого автор рассматриваемой статьи считает, что булгаковские герои получают покой лишь на время – до Страшного Суда, и что именно поэтому роман является незаконченным. Произведение глубоко художественное, «Мастер и Маргарита» выходит за рамки какой-то конкретной религии (в нашем случае – христианской). Вечный покой, обретаемый Мастером и Маргаритой – это не дар сатаны, а дар той доброй силы, которая стоит над Воландом.

Таков на наш взгляд истинный скрытый смысл романа, который выявился при сопоставлении его метатекстовых характеристик. Таковы наши наблюдения над проблемой внешнего метатекста, рассматриваемой на материале романа Булгакова «Мастер и Маргарита».

Б.Внутренние «метатекстовые нити» дискурса произведения

Согласно нашей точке зрения, внешний и внутренний метатекст рекуррентны по отношению к тексту в его связях с подтекстом. В отличие от внешнего метатекста, как мы уже говорили, внутренний метатекст «впаян» в текстовое пространство произведения, появляясь в нем в форме различных по структуре элементов, носящих метамодалный (метаоценочный) характер. Выделенные в конце 70-х годов в работах А. Вежбицкой, Р. Барта, Ю.М. Лотмана и других исследователей, «метатекстовые нити» (А. Вежбицка) до сих пор не получили системного описания, равно как и категория метамодалности.

Анализ метатекстовых характеристик приводит нас к необходимости дать оценку метатекстовости с точки зрения традиционной теории модалности. Различая план отношения говорящего к действительности (субъективная модалность) и план отношения высказывания к действительности (объективная модалность) [см.: Виноградов, 1975; Япон, 1973, 1997; Лопатин, 1989; Немец, 1999; Диброва, 1997 и др.], мы видим, что в плане отношения говорящего к высказыванию этой категорией не учитывается тот компонент, который фиксирует авторскую оценку самого высказывания, тех ее отрезков, что позволяют соотнести, с одной стороны, отношение говорящего к высказыванию о действительности, а следовательно, опосредованно, к самой действительности, и, с другой стороны, оценку этого отношения, которую даст говорящий как ЯЛА, оперирующая лексинтактиконом. Здесь мы имеем дело уже с особым уровнем личностно-субъективного оценочного плана явления «модалности в модалности». Метамодалность, таким образом, может быть закреплена за средствами синтаксического словаря – субъективно ощущаемой, индивидуальной сферы номинации,

и одним из важнейших метамодальных средств выступает фразовая номинация.

Я.А. Фрикке, в частности, пишет: «Следует подчеркнуть: метамодальность пересекается прежде всего с субъективной модальностью, но оперирует категориями метатекста, по сути дела, и формируя его. Главное в метамодальности – ее личностный характер, субъективная ощущаемость, а потому и непосредственный выход в идиостилевую организацию текста. По-видимому, как метатекстовость, так и метамодальность – категориальная прерогатива непосредственного текста, текстовая функция ЯЛА. Формируя художественное пространство, ЯЛА полностью концентрирует свою субъективно-модальную энергетику на виртуальном мире текста» [Фрикке, 2004: 102-103].

Рассмотрим некоторые проявления внутреннего метатекста на материале а) фразовой номинации (ФН); б) лексических средств связности текста (межфразовые связи прилагательных).

В. Фразовая номинация как метатекстовое явление

Как известно, фразовая номинация – это явление, связанное с употреблением придаточных нерасчлененного местоименно-соотносительного типа сложноподчиненного предложения в качестве описательного обозначения предмета или явления [Буров, 2003: 44]. Метатекстовые функции ФН достаточно полно описаны в работе Я.А. Фрикке [Фрикке, 2004]. Главное, на что обращается внимание автором данного исследования, заключается в анализе возможностей авторского комментария в пространстве придаточной части за счет атрибутов – распространителей различного типа.

Рассмотрим следующие примеры из романа «Мастер и Маргарита»:

*«Далеко, далеко от Грибоедова, на трех цинковых столах, освещенных тысячесвечовыми лампами, лежало **то**,*

что еще совсем недавно было Михаилом Александровичем» (гл. 5, с. 389).

«Было кое-что, что представлялось еще более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический рассказ о похождениях в Пушкине, и это что-то было изменением во внешности и в манерах администратора» (гл. 14, с. 486).

«Летя галопом рядом с Маргаритой, Наташа с хохотом рассказывала ей о том, что произошло в особняке после того, как Маргарита Николаевна улетела через ворота» (гл. 21, с. 576).

В приведенных примерах употреблены ФН, которые выполняют ярко выраженную метатекстовую функцию: они совмещают авторское обозначение предмета с его метаоценкой, которое выходит при употреблении ФН на первый план. Эффект здесь состоит в том, что обозначение дается описательно; местоименный блок (то, что; кое-что, что и подобные) лишь намекает на предмет, чья сущность фиксируется в завуалированной форме и автор одновременно и находит признаки обозначения, конкретизирующие его, и комментарий к этим признакам.

Таким образом, ФН выступает одной из «метатекстовых нитей», способствуя созданию «двухголосия текста».

Г. Лексическая связность текста (межфразовые связи прилагательных)

К средствам выражения внутреннего метатекста мы относим не только дискретные единицы типа фразовых наименований и вставных отрезков, но и более крупные языковые образования. В первую очередь это относится к лексической связности текста. Вполне понятно, что основную метакомментирующую роль выполняют при этом компоненты

связного текста, по соотношению которых мы и судим о метафункциональности связного текста в целом. Попытаемся проиллюстрировать это на примере межфразового употребления «цветовых» имен прилагательных. Рассмотрим следующий контекст романа:

*«**Волишебные черные кони** и те утомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чужая ее за спиною, притих даже неугомонный Бегемот, и, вцепившись в седло когтями, летел молчаливый и серьезный, распушив свой хвост.*

*Ночь начала закрывать **черным платком** леса и луга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже не интересные и не нужные ни Маргарите ни мастеру, чужие огоньки. Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в загрустившем небе **белые пятнышки звезд**.*

*Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плечи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели. Когда же навстречу им из-за края леса начала выходить **багровая и полная луна**, все обманы исчезли, свалилась в болото, утонула в туманах колдовская нестойкая одежда.*

*Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом по правую руку подруги мастера. На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня **золотую цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь** с мрачайшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом.*

– Почему он так изменился? – спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

– Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, – ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, – его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого проштутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счеты. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!

Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся с луны.

Сбоку всех летел, блистая сталью доспехов, Азazelло. Луна изменила и его лицо. Исчез бесследно нелепый безобразный клык, и кривоглазие оказалось фальшивым. **Оба глаза Азazelло были одинаковые, пустые и черные, а лицо белое и холодное.** Теперь Азazelло летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, демон-убийца.

Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер. **Волосы его белели** теперь при луне и сзади собрались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то загорающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобретенной в комнате № 118-й привычке, сам себе бормотал.

И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, что это лунные

цепочки и самый конь – только глыба мрака, и грива этого коня – туча, а шпоры всадника – **белые пятна звезд**.

Так летели в молчании долго, пока и сама местность внизу не стала меняться. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и **тусклые лезвия рек**. Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними **зачернели провалы**, в которые не проникал свет луны.

Воланд осадил своего коня на каменной безрадостной плоской вершине, и тогда всадники двинулись шагом, слушая, как кони их подковами давят кремни и камни. Луна заливала площадку **зелено и ярко**, и Маргарита скоро разглядела в пустынной местности кресло и в нем **белую фигуру** сидящего человека. Возможно, что этот сидящий был глух или слишком погружен в размышление. Он не слышал, как содрогалась каменная земля под тяжестью коней, и всадники, не тревожа его, приблизились к нему.

Луна хорошо помогала Маргарите, светила лучше, чем самый лучший электрический фонарь, и Маргарита видела, что сидящий, глаза которого казались слепыми, коротко потирает свои руки и эти самые незрячие глаза вперяет в диск луны. Теперь уж Маргарита видела, что рядом с тяжелым каменным креслом, на котором блестят от луны какие-то искры, лежит **темная, громадная остроухая собака** и так же, как ее хозяин, беспокойно глядит на луну. У ног сидящего валяются черепки разбитого кувшина и простирается невысыхающая **черно-красная лужа**» (гл. 32, с. 715-717).

Употребленные в данном тексте прилагательные различны по своим семантическим характеристикам. Однако среди них выделяются имена прилагательные (и связанные с ними деривационно глаголы и наречия) – признаковые слова с семантикой цвета. Метатекстовая роль их заключается в создании особого эмоционального подпространства текста, которое образует его внутренний настрой.

Выделенные нами в пространстве данного текста отдельные контексты образуют весьма значимое качественно семиосимволическое микрополе, в котором доминантными выступают два прототипа – **ночь** (темный цвет) и **луна** (белый цвет). Эти два полюса, две цветовые антиномии, определяют динамику всей ЯКМ контекста. Их взаимодействие позволяет автору решить свою главную задачу: доказать, что традиционное представление о тьме и свете, черном и белом как цветовых семиосимволах зла и добра далеко не адекватно. Базовые цвета спектра, и цветовые оттенки являются производными разложения белого цвета как наиболее сложного и богатого. Концептуальная семантика любого наименования цвета включает в себя два плана: базовый (сема белого цвета) и реальный (сема «небелого» цвета, которая реализуется в данном контексте). Выходит, что определяющей семой, представляющей в концептосфере сложный концепт, выступает производное взаимодействия двух основных «цветовых» сем. В каждом конкретно-реальном «лице» концепта «цвет» представлена сложная структура; более того, на «выходе» в практику словоупотребления появляется возможность цветовой метафоризации любого атрибута.

Приведенный пример развернутого контекста позволяет оценить ту важную роль, которую играет концепт «цвета», организующий не только пространство повествования, но и ЯКМ. Эта тонкая организация – производное семиозиса, который вершит автор как ЯЛ в индивидуальной ЯКМ, одновременно обусловленной ЯКМ-демиургом, – и определяет в итоге ее возможности – изобразительный потенциал русского языка.

Глава VIII. Метатекстовые и метамодальные аспекты фразовой номинации

Концепция синтаксической номинации опирается на идею конверсии языка и речи и их единиц как основы динамических процессов, происходящих в активной коммуникации [Леденев, 1998: 62].

Как уже говорилось, фразовая номинация (ФН) представляет собой предикативный способ синтаксического наименования денотатов, во многом определяющийся интенциональностью языковой личности автора (ЯЛА) текста, стилистически маркированного по преимуществу сферами языка художественной литературы, публицистики и реже – научного стиля.

Для определения лингвопрагматической специфики ФН как метатекстового средства раскрытия идиостилевых особенностей ЯЛА художественного текста представляется очень важным понятие метамодальности текста. Мы вводим его с целью адекватного восприятия метаструктуры ЯЛА в каждом данном тексте и в каждом конкретном случае употребления ФН.

До сих пор, насколько нам известно, еще окончательно не определен статус и не выявлен лингвопрагматический контекст анализа проблемы модальности. Отдельные интересные замечания мы находим в этой связи в работах краснодарской научно-исследовательской школы проф. Г.П. Немца [см., в частности: Немец, 1999]. Антропоцентрический подход к лингвистической сущности модальности как выражения отношения говорящего к действительности в тексте, шире – в дискурсе, неизбежно соотносится не только с традиционным лингвоцентрическим подходом, но и с

таким подходом, который предлагается называть «социоцентрическим» [Мещеряков, 2001: 99].

Принятое в логической семантике и теории референции понимание пропозиции как смысла высказывания вне истинностной оценки, как инварианта значений модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных номинализаций позволяет разграничить в значении высказывания объективную константу и **субъективную переменную**, то есть выделить пропозицию и пропозициональное отношение, установку, **модальную рамку** [Кронгауз, 2001: 223].

Модальность – это очень сложное понятие, интересующее исследователей на протяжении уже не одного столетия. Объективная модальность, формируя высказывание, обязательна для него, поскольку выражает отношение сообщаемого к действительности в категориях наклонения, времени с помощью синтаксических форм глаголов и частиц. Субъективная модальность, не являясь обязательной, выражает отношение уже говорящего к сообщаемому, образуя «второй слой модальных оценок и квалификаций» [Ляпон, 1997: 240]. Это находит выражение в употреблении вводных оценочных средств различного типа, модальных частиц, междометий, интонационных оттенков, порядка слов, специализированных фразеологизированных конструкций и др.

Сам термин «модус», введенный в научный обиход Ш. Балли, характеризует проявление диктума: его отношение к действительности включает в себе некоторую модальность. Она имплицирована в само сообщение и носит объективный характер модальных реакций на диктум (Н.Д. Арутюнова). Развитие учения Ш. Балли о модусе и диктуме осуществляется, в

частности, в плане функционально-семантической дифференциации модусов. Так, говорят о коммуникативной (инвариант) и субъективно-оценочной (варианты) модальности (А.Б.Алисова). Выделяют и такой особый тип субъективной модальности, как диалогическая модальность (Н.Ю.Шведова). Модальный компонент высказывания может связываться с иллокуцией, когда говорящий выражает определенную позицию, линию поведения (И.П.Сусов).

Сложность модальной организации высказывания очевидна. Думается, весьма важным фактором регулирования отношений в триаде «говорящий (1) – текст высказывания (2) – оцениваемая ситуация действительности (3)» выступает **говорящий как ЯЛ (ЯЛА)**. Вместе с тем, совершенно очевидно, что любое проявление модуса носит как личностный, так и социальный характер. Предлагая противопоставлять лингвоцентрический (традиционный, идущий от Ш. Балли, В.В. Виноградова, О. Есперсена) и социоцентрический контексты анализа проблемы модальности, некоторые исследователи, исследующие последний контекст, считают необходимым выведение проблемы «за рамки предложения – в текст, и шире – речевую ситуацию – и отнесение категории модальности к категориям, имеющим семиотическую природу» [Мещеряков, 2001: 99].

Текст художественной литературы, оказывающийся предметом анализа, представляет собой семиотический феномен. Однако отсюда далеко не обязательно следует то, что категория модальности, рассматриваемая на уровне текста, «легко и естественно включается в ряд **прагматических категорий**, для которых безразличен характер средств

реализации» [Там же]. Думается, дело здесь обстоит значительно сложнее – тоньше и субъективнее. Выделяя «сегментную» модальность, о которой говорит исследователь и которая, по его мнению, «характеризует процесс развертывания текста на отдельных его участках» [Там же: 100], мы забываем не только о возможности фиксации модальной энергии на «отдельных участках», но и о выражении присутствия автора - комментатора собственного текста, его отношения к тексту.

Представляется весьма важной оценка прагматических свойств модальности, определенных еще А.М. Пешковским как отражение сложных взаимодействий между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью [Пешковский, 1956]. Однако оценка эта должна быть дана с учетом не только социолингвистики, но и прагмалингвистики.

В.Н. Мещеряков, рассматривая четыре корреляционных контекста «социолингвистической» интерпретации модальности текста: а) отношение автора к отображаемой действительности (модальность жанра текста, модальный фон текста); б) отношение автора к своим коммуникациям, возможность контакта с ними (в целом тексте или в его фрагменте); в) отношение автора к своему высказыванию (уточнение смысла высказывания или позиции говорящего); г) отношение самого высказывания к отображаемой действительности, - учитывает только два интересующих нас аспекта модального пространства текста. Это включение средств «уточнения» смысла высказывания или позиции говорящего, так сказать – прямое адресование

коммуниканту авторской позиции, а также авторская позиция, закладываемая в текст косвенно (модальные контексты, например, автора-демиурга, автора-интерпретатора или комментатора).

В.Н. Мещеряков, в частности, пишет: «В модальное пространство текста в виде отдельных сегментных включений входят и средства, отражающие отношение автора к своему высказыванию. Здесь слово «отношение» следует понимать как «уточнение» (существенное для адекватного понимания коммуникантом) смысла высказывания или позиции говорящего. Оговорки типа «вероятно», «может быть (случится)», «к сожалению», «к счастью», «во-первых», «во-вторых», «хочу подчеркнуть», «не могу не отметить», «скорее всего» и подобные фокусируют смысл высказывания и ориентируют читателя или слушателя относительно действий и намерений говорящего.

В тексте отношение автора к собственным высказываниям может получить вид авторских отступлений, отражающих скепсис, иронию, удивление, сопереживание и т.д.

Обсуждаемый вид модальности относится к сегментному типу и, представляя собой «самохарактеристику» автора текста, обращен тем не менее к коммуниканту. Но, в отличие от средств, напрямую адресуемых в текст коммуниканту, характеризуемый вид модальности адресуется коммуниканту косвенно» [Мещеряков, 2001: 103].

И – далее: существует «зависимость характера и формы высказывания от ракурса восприятия и выбора формы (жанра) изображения, когда, например, рассказ об одном и том же событии от имени разных

действующих лиц реализуется в разных модальных контекстах» [Там же: 104].

Думается, в приведенных нами цитатах содержится информация для анализа модальности прежде всего в личностном (авторском аспекте), в плане лингвопрагматики ЯЛА.

Как же мы соотносим понятия «метатекст» и «модальность»?

Анализ метатекстовых характеристик приводит нас к необходимости дать оценку метатекстовости с точки зрения традиционной теории модальности. Различая план отношения говорящего к действительности (субъективная модальность) и план отношения высказывания к действительности (объективная модальность) (В.В.Виноградов, М.В.Ляпон, В.В.Лопатин, Г.П.Немец, Е.И.Диброва и др.), мы видим, что **в плане отношения говорящего к высказыванию** этой категорией не учитывается тот компонент, который фиксирует авторскую оценку самого высказывания, тех ее отрезков, что позволяют соотнести, с одной стороны, отношение говорящего к высказыванию о действительности, а следовательно, опосредованно, к самой действительности, и, с другой стороны, **оценку этого отношения, которую даст говорящий как ЯЛА, оперирующая лексинтактиконом.** Здесь мы имеем дело уже с особым уровнем личностно-субъективного оценочного плана проявления «модальности в модальности». Метамодальность, таким образом, может быть закреплена за средствами синтаксического словаря – субъективно ощущаемой, индивидуальной сферы номинации, и одним из важнейших метамодальных средств выступает ФН.

Следует подчеркнуть: метамодалность пересекается прежде всего с субъективной модальностью, но оперирует категориями метатекста, по сути дела, и формируя его. Главное в метамодалности – ее личностный характер, субъективная ощущаемость, а потому и непосредственный выход в идиостилевую организацию текста. По-видимому, как метатекстовость, так и метамодалность – категориальная прерогатива непосредственно авторского текста, текстовая функция ЯЛА. Формируя художественное пространство, ЯЛА полностью концентрирует свою субъективно-модальную энергетику на виртуальном мире текста. Отсюда – функционально-маскарадная насыщенность ФН, ее способность выразить тончайшие нюансы **речевой игры ЯЛА как Homo Ludens**, подавляющей в данном случае и Homo Loquens, а зачастую – и Homo Sapiens. Благодаря употреблению ФН в художественном тексте ЯЛА обретает выход не просто в идиономинатику, но и **в особый мир имени**, природа и специфика которого прекрасно охарактеризованы в трудах П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, В.И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена и других мыслителей, исследовавших область философии языковых категорий.

Таким образом, категория модальности переосмысливается в плане ее уточнения, что справедливо связывается с глобальной переориентацией лингвистики на носителя языка (лингвоантропоцентризм) и выдвиганием на один из передних планов исследования **ЯЛ** коммуникантов. Поэтому вряд ли справедливо утверждение, согласно которому категория модальности уже давно получила практически исчерпывающее «освещение» даже на

уровне предложения, исследуемого в «лингвоцентрическом направлении» [Мещеряков, 2001: 99]. Многие аспекты этой действительно сложной и даже загадочной категории, выходя за пределы анализа конкретной синтаксической модели, имеют «точкой приложения» именно синтаксический контекст, где, собственно, и реализуются, находят свой выход авторские интенции говорящего, связанные с выражением отношения к миру в пространстве языка. В частности, далеко еще не исследован круг средств, регулирующих отношение говорящего не только к отражаемой в тексте действительности, но и к тому речевому пространству, которое не просто отражает образы действительности, но и формирует ее благодаря ЯЛ (ЯЛА) [см.: Немец, 1999 и др.]. В свете концепции метатекста А. Вежбицкой можно предположить существование особого типа субъективной модальности, который характеризует метамодальные связи (**отношение**) говорящего к **действительности текста**, к тому, что создано самой ЯЛ (ЯЛА).

В целом соглашаясь с мнением В.Н. Мещерякова об отнесенности средств субъективной модальности к динамическому аспекту образования высказывания в акте коммуникации, мы считаем, однако, что выносить за пределы синтаксических отношений (предложение или последовательность предложений) модальные категории неправомерно, даже с «социолингвистической точки зрения». Думается, творимый автором текст дает возможность выразить в определенных моделях **отношение автора к этому тексту**. однако авторская модальность, о которой идет речь, далеко не обязательно может трактоваться так,

как это наблюдается в большинстве современных работ (Н.А. Николина, Н.С. Валгина и др.).

Авторская модальность в понимании Н.А. Николиной - это авторская позиция, авторское отношение к избранному. Соответственно, по мнению исследователя, данное отношение, а следовательно и модальность, обычно находит свое выражение не в «прямых оценках», а в таких уровневых проявлениях системы текста, как его заглавие, ключевые слова (семантические доминанты), имена собственные, ремарки [Николина, 2003: 167].

Н.С. Валгина под авторской модальностью подразумевает «модальность текста» как «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю...» [Валгина, 2003: 96-97].

Авторская оценка изображаемого всегда связана с поиском адекватных способов выражения, и эта мысль нуждается в лингвистической конкретизации. Думается, одним из этих «адекватных способов» и выступает ФН как производное идиостилевой речевой деятельности ЯЛА.

Попытаемся охарактеризовать специфику проявления ЯЛА в метамодальном «интерьере» текста посредством ФН. Будем учитывать при этом тот очевидный факт, что при употреблении данных средств номинации происходит соотнесение двух типов модальности - предложенческой и текстовой.

Рассмотрим следующий контекст:

Было кое-что, что представлялось еще более необъяснимым, чем неизвестно зачем выдуманный клеветнический рассказ о похождениях в Пушкине, и это что-то было изменением во внешности и в

манерах администратора (Булгаков. Мастер и Маргарита).

Употребляемое здесь ФН, выраженное сочетанием коррелята с неопределенной семантикой (**кое-что**) и местоименно-соотносительного придаточного, вводимого релятивным местоимением (**что**), предваряет собственно номинацию обозначаемого, также синтаксически оформленную, но уже непредикативным способом – финальным словосочетанием контекста (**изменением...**). Помимо участия в формировании связности текста – пространственности его дискурса, ФН решает в данном случае еще одну очень важную функционально-прагматическую задачу. Это выражение метамодалного аспекта высказывания.

Как известно, ФН характеризуется уникальным динамическим равновесием номинации (денотативная соотнесенность семантики) и предикации (участие в обозначении квазипредложения, обладающего модально-временными характеристиками), выступая грамматикализованным средством названия, когда «... описательное обозначение осуществляется через предикаторное признание признака наименования сказуемым придаточной части и соотнесение этого признака с соответствующим признаком главной части...» [Буров, 1999, III: 89]. Проявляется динамическое взаимодействие предикативной структуры и номинационной семантики тогда, когда в тексте наблюдаются функционально-прагматические оттенки употребления, насыщенные ассоциациями, которые ощущаются глубоко индивидуально, не менее субъективно программируясь автором текста и формируя метатекстовость. Сравните еще пример: *Как истомлена она этой мечтой – зачем? почему? –*

мечтой оставить в мире до скончания веков себя, свои чувства, видения, желания, одолеть то, что называется моей смертью, то, что непреложно настанет для меня в свой срок и во что я все-таки не верю, не хочу и не могу верить (Бунин).

Мы видим, как само лексическое и синтаксическое пространство ФН, организуемое в дальнейшем ЯЛА, участвует в создании субъективно ощущаемого образа называемого, определяя тот фонд знаний, который закреплен за ним в идиосознании, т.е. фреймируя его. Автор – номинация – фрейм – метатекст – вот цепочка компонентов, определяющих модальные характеристики текста, который включает ФН.

Высказывание о предмете переплетается «нитьями высказываний о самом высказывании...» Наблюдается своеобразное «скрытое двухголосье», причем оно совершенно не обязательно способствует связности текста, проявляя гетерогенный характер [Вежбицка, 1978: 404 и след.].

Заметим: наиболее ярко метатекстовые нити обнаруживаются в художественном тексте, что вполне объяснимо: именно этот полистилевой пласт дискурса наиболее маркирован субъективно, и ЯЛА определяет идиостилистически прежде всего модальные характеристики и оценки высказывания (сравните мысль Ж. Делёза о «складчатости» фактуры, ее «слоистости»).

Разграничивая на вербальном уровне текста собственно текстовый и метатекстовый слой, мы должны определить наиболее показательные средства выражения метамодалности, характеризующей выход ЯЛА в метаслой текста, а следовательно, и проявление метаязыковой личности автора нарратива.

Совершенно очевидно, что все средства, выделяемые А. Вежбицкой как метатекстовые, нуждаются в уточнении и систематизации. Более того, их круг может быть, на наш взгляд, расширен к примеру, за счет, вставных конструкций, как это предлагает сделать Г.П. Немец. Главное же заключается в том, что требуется уточнить отношения между такими категориями как «метатекст», «модальность», «номинация» и «языковая личность». Думается, анализ функций ФН в художественном тексте позволит нам частично решить эти вопросы.

Признавая объективность существования метаязыка и метаречи как проявлений своеобразной субъективной «внутренней формы» текста, «языка в языке» и «речи в речи», имеющих ярко выраженный авторский характер, логично предположить, что метаязыковая личность автора текста – это явление столь же естественное и распространенное, как и собственно ЯЛА. Метаплан здесь создается прежде всего за счет метамодальности, которая, в свою очередь, соотносится с той категорией, которую принято называть субъективно-модальной. Именно в области субъективной модальности мы выделяем особый метамодальный план, который позволяет выразить отношение говорящего к текстовому корреляту действительности (отношение к отношению, оценка оценки). Метаязыковое участие ЯЛА текста, таким образом, проявляется прежде всего благодаря метамодальности.

ФН примечательна тем, что характеризуется **предикативным** оформлением номинационной семантики. Дескрипционно-дефиниционный способ номинации позволяет зафиксировать двойную связь говорящего с текстом: во-первых, фреймировать

определенный фонд знаний о называемом в его атрибуционном «пространстве»; во-вторых, выразить метамодалную оценку со стороны ЯЛА того, что обозначено посредством ФН.

Функции как дефиниционного, так и дескрипционного плана, куда мы отнесем и прямую описательную номинацию, и перифразирование, и полемическую организацию дискурса, и аппроксимацию как особый способ номинации, и эвфемизацию, носят метамодалный характер, поскольку определяются прагматикой ФН – предикативной части, позволяющей ЯЛА включать в свое пространство именно те маркеры, которые представляются ему важными в плане метаоценки обозначаемого описательно, перифрастически.

Таким образом, связь между модальностью и номинацией, уже бывшая объектом анализа исследователей (В.В.Виноградов, В.Г.Гак, Т.М. Николаева, В.Н. Телия, Г.П. Немец, У. Куайн и др.), обретает новое «звучание» и осмысление в контексте концепции синтаксической номинации. Пересекаясь в условиях речевой реализации, номинация и модальность выходят на уровень «модализации имен», когда либо употребляются собственно модальные средства (слова и словосочетания), либо привлекаются средства модальной интонации на паралингвистическом уровне, либо «вместо имени данного используется имя другое с комментариями по этому поводу» [Немец, 1999: 537].

Мы видим основное назначение **метамодалных отношений** в регулировании намерений говорящего осуществить номинацию некоторого объекта. Думается, именно метамодалность является тем модальным аспектом, который имеет

непосредственный выход на номинацию – прежде всего в реализации иллокутивных интенций говорящего как ЯЛ не просто в выборе, а в плане того или иного непосредственного вступления в номинационно-синтаксические отношения, осуществления акта номинационного семиозиса. Это прямо относится к рассматриваемым нами речевым единицам - ФН. Думается, немаловажным оказывается и тот факт, что синтаксический тип номинации весьма показателен именно для русского языка, который, в сравнении, например, с английским или французским, имеет богатейший потенциал как синтетических, так и очевидно прогрессирующих в последние столетия аналитических языковых ресурсов, характеризуясь особым типом ЯКМ. для нее свойственны эмоциональность, приблизительность, наивность, идеализация действительности, субъективно-индивидуальный характер восприятия, а потому и богатейший полифонизм идиостилевых проявлений ЯЛА [Караулов, 2001].

Метаязыковая личность автора, организующая и пространство дискурса в целом, и формирование метамаркеров типа ФН, может быть рассмотрена в качестве «внутренней формы» ЯЛА.

Металичностная «внутренняя форма» есть речевая (текстовая) реализация прагматики, связанной с авторской оценкой конкретного текста, созданного ЯЛА. Можно предположить, что именно метаязыковая личность автора маркирует идиостиль, а метамодальность выступает при этом важнейшей его характеристикой. СН является тем неизбежным способом вхождения в миры метаоценок, вне которого трудно осмыслить текст, тем более – художественный, на современном уровне.

Можно предположить, что ФН, наиболее яркое и прагматически богатое СН, показательно как вербальное средство выражения метамодалных характеристик и оценок именно благодаря потенциально открытому пространству семантики, наполняющей придаточную часть. Интенции ЯЛА проявляются прежде всего в предцировании атрибутки называемого описательно и в выражении отношения со стороны говорящего – ЯЛА к называемому в дескрипционно-дефиниционной форме.

Метамодалный характер ФН проявляется в неодинаковой степени, поэтому можно говорить **об известной аксиологической шкале метаоценок, выражаемых данными СН в тексте.** Мы предполагаем, что менее ярко их выражают ФН-дефиниции, осуществляющие прямую характеристику денотата (**Тот, кто смел, тот и умел.** Ср.: Смелый и есть умелый). Косвенно характеризующие ФН обладают более высокой метамодалной характеристикой: **Тот, к кому мы подошли,** оказался интересным собеседником.

ФН-дескрипции, совмещающие собственно описательное обозначение с авторской оценкой-характеристикой, обладают наиболее яркой метаоценочностью. Сравните перифрастические ФН: *В середине грудной клетки Григория словно одубело **то, что до атаки суетливо гоняло кровь*** (Шолохов). *Видно, смерть мою почуял // **Тот, кто реет в вышине*** (Есенин). И под.

Когда же мы имеем дело с аппроксимационным или полемическим функционально-прагматическим пространством ФН, речь идет уже о сложных метахарактеристиках, требующих опоры на широкий текст. Сопоставьте: 1). *Похоже на то, что я трушу, но*

это не трусость, что-то другое, чего я не в состоянии ни назвать, ни описать (Чехов); 2). *Вот так, с трудом пытаюсь размотать // Клубок какой-то сложной пряжи, // Вдруг и увидишь то, что должно называть // Бессмертием...* (Заболоцкий). И др.

Таким образом, можно предположить, что ФН выступает одним из средств внутритекстового «двухголосья», свидетельствующего о проявлении модального диалога «автор – текст». Однако ФН тяготеет к монологической интерпретации данного диалога [см.: Фрикке, 2003].

Глава IX.

Аппроксимационный потенциал синтаксической номинации в русском языке

Аппроксимация как собственно лингвистическое понятие появилось в научном пространстве сравнительно недавно. Оно заимствовано из математических наук, где означает замену одних математических объектов (например, чисел и функций) более простыми и в той или иной степени близкими к исходным, более известными величинами. Само слово «аппроксимация» образовано от латинского *approximo* – «приближаюсь», *approximare* – «приближаюсь».

Заимствование термина междисциплинарного типа было вызвано естественной и закономерной потребностью восполнения терминологической лакуны в понятийной картине мира для обозначения нового объекта исследования – семантического локуса приблизительности.

9.1 Аппроксимация как языковой феномен

Традиционный подход к явлению приблизительного обозначения связан с изучением категории неопределенности (определенности/неопределенности) в языкознании. Собственно грамматический аспект исследования был обусловлен стремлением уточнить объём и охарактеризовать структурно-семантическую и функциональную специфику единиц, представляющих данную категорию.

В настоящее время лингвистический анализ аппроксимации ведется преимущественно в рамках теории номинации (ономатологический подход). Так, В.Г. Гаком высказана весьма важная для нашего исследования мысль

о том, что приблизительность номинации имеет речевой характер, который проявляется «в образовании аналитических форм именования, наиболее адекватно отражающих денотативную ситуацию» [Гак, 1998: 304]. Вследствие этого приблизительную номинацию называют «частью событийной номинации, описывающей сложный элемент ситуации и являющейся выражением сложных понятий о предметном денотате (референте): Александр Сергеевич Пушкин, автор «Евгения Онегина», основоположник русского литературного языка» [Там же].

«Ситуативная» номинация, таким образом, выступает важнейшей формой приблизительного обозначения, определяясь стереотипными установками говорящего, его интенциями (ср. статический или динамический модальный план высказывания, порядок следования элементов ситуации и др.

В начале 90-х гг. XX в. В.В. Бузаров и Э.Г. Лынова предложили понимать под аппроксимацией не только выражение языкового значения приблизительности в сфере количественных отношений (несколько человек, немного хлеба и под., но и употребление языковых единиц для неточной, приблизительной номинации любых элементов и фрагментов действительности – «самих предметов, их признаков и отношений, действий и явлений окружающего нас реального или воображаемого мира» [Бузаров, Лынова, 1991:100]. Аппроксимация как приблизительная номинация, расширяя номинативный потенциал языка, компенсирует отсутствие точного (адекватного) наименования в силу ряда как интра-, так и экстралингвистических факторов, как-то: неясного, нечеткого восприятия предметов и их признаков; недостаточной информированности об объектах номинации; неуместности или труднопроизносимости лексической номинации или вообще её отсутствия в

языке; забывчивости, торопливости или речевой небрежности говорящего и т.д.

Аппроксимация как функционально-семантическая категория, по мысли В.В. Бузарова и Э.Г. Лыновой, образует соответствующее поле, включающее «четыре микрополя: 1) микрополе квантитативной (количественной) аппроксимации; 2) микрополе субстантивной аппроксимации; 3) микрополе качественной (признаковой) аппроксимации; 4) микрополе процессуальной (глагольной) аппроксимации» [Там же:101]. Выделив свыше 50 аппроксиматоров (слов, словосочетаний, суффиксов) в английском и, соответственно, немецком языках, эти исследователи считают данный класс открытым: возможно появление новых аппроксиматоров. Их специфика, особенно в области лексической (англ. *about, some, in the region/neighbourhood, vicinity of*; нем. *Beinahe,rund,zirka, schier* и под.), свидетельствует о том, что перед нами особый класс слов, омонимичный наречиям и предлогам.

Заметим, что всё-таки реализация аппроксимационной валентности выводит данные элементы на более высокий уровень анализа – синтаксический (номинативно-синтаксический).

Функционально-семантическая природа категории аппроксимации сближает её с другой функционально-семантической категорией – определенности/неопределенности, для которой характерно динамическое равновесие двух полюсов; один из них тяготеет к точности, конкретности, другой – к неточности, размытости, обобщению.

Неопределенность в процессе лингвистической когниции может обнаруживаться в силу множества причин. Одна из причин неполного, неисчерпывающего обозначения – отсутствие у говорящего полных сведений о

называемом денотате, что ведет к использованию неточных, неопределенных или даже ошибочных сведений и, соответственно, обозначений. Другая причина – намеренное неполное, неопределенное обозначение, окрашенное авторскими интенциями (часто – эвфемистического плана). Третья причина – неумение говорящего адекватно излагать свои мысли и отсутствие в словаре соответствующих языковых средств номинации.

Наибольший интерес в плане соотношения категорий аппроксимации и определенности/неопределенности представляют первые две причины возникновения семантической неопределенности – естественная и искусственная. Помимо проявлений на лексико-семантическом уровне (полнозначные слова и слова с релятивно-местоименной семантикой) неопределенность выступает и на синтаксическом уровне, реализуясь в неопределенно-личных (обобщенно-личных) односоставных конструкциях .

Следовательно, полюс неопределенности формируется, в принципе, по тем же причинам, что и зона аппроксимации. Думается, вполне правомерно рассматривать данные категории в синтезе.

Подобный подход представляется нам весьма правомерным, поскольку аппроксимация как выражение приблизительности синтезирует оба семантических плана (определенность и неопределенность) в одном функционально-прагматическом ракурсе, а именно – номинационном. Аппроксимация как приблизительная номинация осуществляется в первую очередь расчлененными, описательными средствами обозначения, что и характерно для синтаксической номинации, которая квалифицируется нами как номинационный аналитизм.

Лингвокультурология неопределенности возводится к выявлению связи между национальным характером

говорящего, его историческими, социальными и психологическими оценками и способами их речевого выражения. Для русского человека характерно стремление к представлению мира и его отрезков на подсознательном уровне. В.Н. Вышеславцев тонко замечает, что «у нас бывают мгновенные и непреодолимые желания, и в нас есть жажда жизни, есть Эрос, но мы не можем определить направление хотения» [Вышеславцев, 1995: 13]. Русская душа «любит бесформенность, незавершенность», тянется к бесцельному вихрю, здесь «все движется, все переливается, все неопределенно и беспредельно» [Там же]. Русское национальное самосознание, или русская идея, таким образом, включает неопределенность в виде одной из важнейших составляющих.

Среди авторских приемов идиостиля Ф.М. Достоевского, усиливающих неопределенность, Ю.Н. Караулов выделяет «в основном лексические средства», такие, как неопределенная предикация (не увидят, не герой, не деятель), «асимметричная антитеза» («с лицом не то чтобы красивым, но заключающим в себе тайну нравиться без красоты»), обилие бессубъектных конструкций (говорили, рассказывали, упоминалось), задействование лексико-семантической группы «слух (подслушаны были, затихали слухи, неопределенные слухи и т.д.). Кроме того, выражению неопределенности в художественном дискурсе способствует диалогичность как идиостилевой признак. Неопределенность, «постоянно требуя своего выражения», достигается за счёт недоговоренности, «неоткровенности» автора с читателем, что нарушает известный постулат Грайса, требующий откровенности адресанта с адресатом для достижения максимального результата коммуникации [Караулов, 2001: 8].

9.2. Аппроксимация и номинационно-синтаксический семиозис

Мы рассматриваем явление аппроксимации в русском языке с позиций теории синтаксической номинации.

Согласно данной теории, в русском языке единицы сферы «малого синтаксиса» (термин Е.С. Кубряковой) проявляют в тексте способность называть денотаты окружающей действительности. Реализуя свой динамический потенциал, синтаксические наименования выступают естественными качественными трансформами «конверсионного типа на уровне дискурса (план содержания, отражающий объективную действительность), который раскрывается в определенных ситуациях на уровне модуса (индивидуальное ощущение и восприятие плана выражения и оценка) /Ш.Балли/» [Буров, 2000: 6]. Происходящий в тексте номинационно-синтаксический семиозис ведет к нарушению динамического равновесия планов содержания и выражения, наблюдаемого в словарной языковой номинации, нарушению, которое приводит к активизации коммуникативной значимости синтетических отрезков всего высказывания.

На периферии употребления лексической (словарной) и номинационно-синтаксической номинации проявляется номинационный аналитизм, факты которого «позволяют компенсировать лексико-семантическую и лексико-деривационную недостаточность словаря языка, удачно вписываясь в общую компенсационную модель типологии лексических значений (В.В. Виноградов) и в «картину» активизации аналитизма в русском языке нашего времени» [Там же: 7].

Номинационно-синтаксическая разновидность аналитизма и местоименно-субстантивная сочетаемость

пересекаются в области аппроксимационного обозначения денотатов и денотативных ситуаций в русском языке.

9.3. Основные модели и типы номинационно-синтаксического субстантивного аппроксимационного обозначения

Мы выделяем два типа номинационно-синтаксических анализем, которые участвуют в приблизительном обозначении субстантивных денотатов: а) непредикативный тип и б) предикативный тип. В зоне переходности между типами а) и б) мы рассматриваем аппроксимационные модели промежуточного, периферийного плана. Они являются результатом задействования говорящим синтаксического потенциала русского языка уровня простого осложненного предложения.

Модель типа «что-то новое»	Переходная зона	Модель типа «что-то новое, что тревожило его»
-------------------------------	--------------------	--

Внутренняя форма местоименно-субстантивного сочетания как номинационно-синтаксического знака представляет собой сложный, не всегда адекватный, насыщенный индивидуально-авторскими субъективно ощущаемыми ассоциациями, часто не имеющими под собой основание, которое было бы закреплено в коммуникационном опыте. Это и выражается в различных формах базовой (классической) модели. Ср.:

1. а) *Слухи о чем-то грандиозном, будто бы свергли Николая II (Булгаков). И тут окончательно убедился, что*

со мной происходит что-то неладное (Булгаков). Что-то грозное начинает повисать в воздухе (Булгаков).

б) Парнишка... был взят за границу представителем крупного чего-то (сталь и чугуны, к примеру) и с осторожностью поехал... (Петрушевская). Стёпа попытался думать о чем-нибудь нейтральном (Пелевин). Он как будто не с ней говорил, а спорил с кем-то отсутствующим (Улицкая).

2. а) Её глаза... казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду (Лермонтов). Что-то тяжелое, как пудовая гиря, обрушилось на его голову (Андреев). Пианист играл что-то знакомое, из детства – «В лесу родилась ёлочка» (Петрушевская). Вонь горелого мяса напоминала ему о чем-то таинственном и давно забытом (даже пришло в голову странное словосочетание – «гиена огненная») (Пелевин).

б) Затем верх бревна надломился, немного склонился, и под Александром Семёновичем оказалось что-то напоминающее по высоте электрический московский столб (Булгаков). Что такое «САН», он не знал – может быть, группа в некоем учебном заведении или что-нибудь в этом роде (Пелевин). Его округлые щёки напоминали о двух выступах тройки, и что-то от той же тройки было в небольших черных усиках, естественным образом завивающихся вверх (там же). Она была чем-то вроде совести, не дававшей покоя (Пелевин). Король благосклонно глянул на комедианта и, думая о чем-то другом, произнес что-то неопределенное, вроде того, что он, собственно, ничего не имеет против этой пьесы (Булгаков).

в) Поэтому он затеял нечто среднее, что-то такое, что до некоторой степени напоминало игру в бирюльки (Салтыков-Щедрин). Чувствовалось что-то выморочное и в этом доме, и в этом человеке, что-то такое, что

наводит невольный и суеверный страх (Салтыков-Щедрин). Потом, точно ослабев от сделанного или вспомнив что-то важное, чего нельзя забывать ни на минуту, он (Павел) бессильно бросил руки на постель, сгорбился и задумался (Андреев). Поэтому он продолжал встречаться с Простиславом, и между ними вскоре установилось что-то вроде дружбы, которая очень шла к Стёпиной привычке есть палочками (Пелевин).

Сопоставляя приведенные примеры, включающие разного типа местоименно-субстантивные сочетания-аппроксиматоры, можно заключить следующее.

1. Аппроксимация денотатов и денотативных состояний в русском языке, выражающаяся местоименно-субстантивными сочетаниями как непредикативного, так и предикативного характера, осуществляется в тексте (прежде всего это пространство коммуникативной единицы), что позволяет говорящему полностью реализовать свои интенции в плане номинации приблизительных сущностей, чья семантика не «укладывается» в сложившуюся систему словарного обозначения. Подход с позиций номинационно-синтаксического семиозиса предоставляет здесь вполне адекватные возможности для удовлетворения потребностей говорящего в заполнении возникающих номинационных словарных лакун.

2. В русском языке, в частности – в художественно-литературном его стиле, существует множество вариантов осложнения субстантивного компонента рассматриваемых в работе местоименно-субстантивных сочетаний-аппроксиматоров. Что же касается вариативности местоименного компонента (его выражение отрицательными, определительными или указательными местоимениями), то мы считаем необходимым рассматривать включающие их сочетания на периферии выражения аппроксимации.

Базовая модель анализируемых нами единиц включает неопределенные местоименные слова.

Помимо употребления однородных субстантивов и конкретизирующих их второстепенных распространителей, в том числе с возможным обособлением и уточнением, это могут и имена существительные, вводимые предложениями (что-то вроде..., что-то от.. и др.). Рассматривая подобные модели в зоне переходности между непредикативными и предикативными местоименно-субстантив-ными сочетаниями – аппроксиматорами, мы тем самым видим в них номинации с частичным эксплицированием предикации в пространстве атрибутивного признака расчлененного наименования (аналитемы).

3. В составе предикативных местоименно-субстантивных аппроксиматоров встречаются разновидности по-разному предикативные атрибутивный признак – распространитель. Помимо наиболее часто встречающегося фразового наименования с приблизительной семантикой (что-то важное, чего...), отмечаются факты осложнения семантики приблизительности денотата оттенками сравнения и степени проявления его атрибуции (что-то вроде дружбы, которая...; что-то такое, что... и под.). Это говорит о том, что с усложнением внутренней формы номинационно-аналитического аппроксиматора появляется возможность максимального уточнения индивидуального ощущения говорящим денотата, который воспринимается в определенных связях и отношениях с другими денотатами, то есть динамически. Наибольшего внимания заслуживают базовые типы местоименно-субстантивных сочетаний – аппроксиматоров, выраженных непредикативной и предикативной моделями.

А. Модель «что-то новое...»

Структурно-семантическая и функциональная специфика непредикативных местоименно-субстантивных сочетаний – аппроксиматоров заключается в следующем.

Данные анализемы, являясь непредикативными (но потенциально предикативными) представляют внутренний динамический аспект приблизительной номинации и, соответственно, закрепленного за ней ее фрагмента языковой картины мира. Для имплицированной предикации в данном случае характерно то, что пространство наименования характеризуется проявлением скрытой динамики, поскольку субстантивный компонент (АП) выполняет роль неполного, частичного конкретизатора. Восполнение его ситуативной семантической недостаточности (как и всего местоименно-субстантивного сочетания в целом) осуществляется автором за счет средств правого текста (контекста).

Б. Модель «что-то новое, что...»

Данная модель, с одной стороны, выступает предикативным «развитием» распространения модели «что-то новое» как следствие конкретизации атрибутивного признака называемого описательно.

Структурно-семантическая и функциональная специфика предикативных местоименно-субстантивных сочетаний – аппроксиматоров состоит в том, что в их номинационное пространство может входить придаточная часть определенного структурного типа (местоименно-соотносительный, в терминологии Л.Ю. Максимова).

В отличие от непредикативного местоименно-субстантивного аппроксиматора, их предикативный *vis-à-vis* выступает как наименование более ярко выраженным динамическим развертыванием атрибутивного признака. Эксплицирование предикации, выступающей в сочетаниях типа «нечто новое» в имплицированном виде, в случае

предикативного развития признака («нечто новое, что казалось ему, однако, несбыточным» и под.), реноминирует семантическую активность субстантивата, однако делается это амбивалентно. Говорящий, употребляя подобные номинации и обозначая денотат приблизительно, одновременно и вуалирует его, и конкретизирует. В пространстве аппроксимации возникает описательная номинация метатекстового характера, позволяющая автора и назвать, и прокомментировать называемое.

В употреблении предикативных местоименно-субстантивных аппроксиматоров просматриваются черты эвфемистических описательных обозначений [см.: Буров, 1999, 2000; Сахно, 2006 и др.], а в ряде случаев – художественных авторских метадефиниций.

По сути дела, перед нами употребление производных номинационно-синтаксического семиозиса – номинативных единиц, квалифицируемых как фразовая номинация. Коррелятно-релятный блок данных обозначений, основанных на местоименно-соотносительной связи типа «нечто – что», в случае аппроксимационного употребления осложнен интерпозитивным субстантиватом (рядом субстантиватов). В отличие от непредикативных аппроксиматоров, предикативные характеризуются более сложной внутренней формой, когда в тексте наблюдается соотнесение предикатируемого атрибутивного признака придаточной части с соответствующим признаком главной в составе сложноподчиненного предложения местоименно-соотносительного типа. Это же, в свою очередь, означает и осложнение общего рисунка аппроксимации, который носит в данном случае амбивалентный характер «уточняемой приблизительности», выходящей в

описательно-характеризующий план денотата или денотативной ситуации.

9.4. Разрушение структуры местоименно-субстантивных аппроксиматоров

О частичном разрушении модели местоименно-субстантивных аппроксиматоров можно говорить уже в тех элементарных случаях, когда мы встречаемся а) с употреблением однородных субстантивов или одиночного распространителя при субстантивате, б) с употреблением в позиции неопределенного местоимения действительных слов определенно-обобщенного, отрицательного или даже указательного типа. Если в случае а) наблюдается уточнение семантики приблизительности денотата за счёт синтагматики текста (точнее – пространства номинационной аналитемы), то в случае б) происходит ослабление самой семантики приблизительности (но не неопределенности) и её переориентация (уже не на определенность – неопределенность, а в ином дейктическом плане).

Сравните: а) *Потом какое-то зимнее утро, когда случилось нечто действительно замечательное: проснувшись, мы увидели странный сумрак в доме, увидели, что со двора застит что-то белёсое и невероятно громадное...* (Бунин).

б) *Всё земное, всё живое, вещественное, телесное, непременно подлежит гибели, тленью (Бунин. Жизнь Арсеньева). О ненависть тещи, ты ревность и ничто другое... (Толстая). Я случайно чувствовал то жуткое, чарующее и вместе с тем что-то неприятное, что заключалось в нем (Бунин).*

В пространстве аналитической аппроксимационной номинации как отрезка синтагматической цепи могут

возникать различные осложнения структурно-семантического характера, в частности – для выражения сравнения, уточнения и т.д. (всё это – следствие намерений говорящего придервить приблизительность денотата как нечто более точное, определенное. Ср.:

Потом что-то тяжелое, как пудовая гиря, обрушилось на его голову (Андреев). И свадебные гости, женщины, по обычаю зорко вглядываются в его лицо, ищут там что-то, нечто необходимое, затем заключают единодушно: «Я бы тоже на нём женилась...» (Петрушевская).

Автор может задействовать и средства интонационно-пунктуационного членения и актуализации компонентов в пространстве аппроксимационной единицы: *Новые игрушки – табакерка ли с портретом дамы, упивающейся своей розовой голгой напудренностью, бисерный кошелёк, пасхально, может быть, яйцо или же так что-нибудь – ненужное, не ценное (Голстая).*

Перечислим наиболее продуктивные разновидности модели местоименно-субстантивного сочетания, употребляющегося в качестве аппроксиматоров денотатов и денотативных состояний и ситуаций в русском языке.

1. Сочетание «неопределенное местоимение + похожее на...»: *Чичиков только заметил сквозь густое покрывало лившего дождя что-то похожее на крышу (Гоголь).*

Структурно-семантическая специфика подобных аппроксиматоров заключается в частичной десемантизации субстантивата (здесь «похожее»), требующего обязательной конкретизации, которая осуществляется за счёт употребления авторского гипотетического наименования денотата.

В интенции автора приведенного речевого примера входит с помощью внутреннего сравнения обозначаемого

вертуального денотата с определенным реальным предметом (в приведенном примере это «крыша»).

2. Сочетание «неопределенное местоимение + вроде + существительное в родительном падеже»: *Первым в кадре появляется Зюзя, который работает чем-то вроде канала народного самосознания* (Пелевин).

Помимо контекстно обусловленного сниженного метатекстового «начала» (обезличивание одушевленного субъекта посредством употребления неодушевленного местоименного субститута онима Зюзя за счет местоимения «чем-то»), данный пример показателен в плане реализации аппроксимационной модели номинации. Употребление элемента «вроде» (как и «типа», «как бы» и под.) вносит стилистический план разговорности, непосредственности, что способствует реализации базовой семантики – приблизительности.

Сочетания «неопределенное местоимение + в виде + существительное в родительном падеже», «неопределенное местоимение + типа + существительное в родительном падеже» и под. мы рассматриваем как периферийные употребления второй разновидности. Сюда же относятся встречающиеся реже сочетания с элементами «наподобие», «как бы» и др. Ср.: *И сама, ежедневно, с палочкой, пробиралась в магазин купить нечто в виде ста граммов сыра и коробочки молока, к примеру* (Толстая).

Для функционирования рассматриваемых аппроксимационных моделей характерен своеобразный интерференционный эффект, возникающий при взаимодействии приблизительного и прямого, точного, реального компонентов аналитемы. Поскольку оба они являются производными номинационной деятельности говорящего (автора текста), то интерференционный эффект носит метатекстовый характер (одна из «метатекстовых нитей», по А. Вежицкой; [Вежицка,

1978: 222]). Аппроксимационное сочетание содержит оценочный комментарий по поводу того наименования, которое мыслится автором как точное, прямое, реальное, но в точности, прямом характере и реальности которого автор сомневается, а потому и прибегает к аппроксимационному способу номинации. Сама приблизительность наименования поясняет невозможность употребления в данном случае точного названия, которое не адекватно семантике денотата. Модели же аппроксимации подчеркивают ирреальность точного, определенного обозначения, с варьированием одушевленности/неодушевленности. Союзоподобия «типа», «вроде», «как бы», «наподобие» и т.д. вносят в общий фон неопределенности, создаваемый неопределенным местоимением (нечто, некто и т.д), оттенок приблизительности, видимости, возможности, неточности, однако – намекающего плана на точное, прямое, реальное название.

Указанные союзоподобия имплицитно в глубине своей семантики сему «как» сравнительного союза, делая сопоставление внутренним, переводя его в атрибутивно-признаковый план. В моделях «нечто похожее на...», «что-то напоминающее...» эта внутренняя семантика сравнения проявляется более или менее отчетливо. Пространство местоименно-субстантивного сочетания как синтаксического наименования аналитического типа позволяет автору комбинировать информативный и оценочный планы, ср.: *Чистяков, печально улыбаясь, думал, какая это действительно маленькая и грустная страна задорных и слабеньких людей, постоянной неурядицы, чего-то маленького и жалкого, как игра детей в солдаты* (Андреев).

Употребляя аппроксимационные аналитические наименования, говорящий (автор), в принципе,

удовлетворен подобным положением дел и восполняет индивидуально ощущаемую словарную недостаточность, преодолевая в тексте «порог» неопределенности. Тем самым достигается возможность следовать в номинации путём динамического, речевого, свободного познания мира, обозначения его объектов в соответствии с индивидуальным видением мира и построения его картины в языковой плоскости. Условия контекста (конситуации) снимают возникающее эмоциональное напряжение, и мы не воспринимаем аппроксимационную номинацию как что-то «ущербное», поскольку смысловая достаточность налицо и не влияет на решение коммуникативных задач, при всех возможных вариациях пространства номинации и его осложнениях.

Ср. осложненное употребление: *Однако уже через пять минут Михаил скребся о Софину дверь, бормоча что-то неприличное типа «зиронька, сон, сон, лапочка, рыбонька»* (Петрушевская).

В данном случае позиция субстантива, как видим, представлена аналитическим комплексом, включающим внутреннее полемическое развитие субстантивной семантики в виде конкретизатора – включенной цитаты из речи персонажа – фрагмента, обладающего позиционной целостностью.

Помимо рассмотренных моделей аппроксимационной местоименно-субстантивной сочетаемости, которые мы считаем наиболее продуктивными, встречаются и менее продуктивные модели.

3. Сочетание «неопределенное местоимение + типа (такое и под.) + «цитатная авторская номинация». Ср.:

Муж, совершенно потеряв голову, ополоумев, говорил что-то типа «вот лежит моя Нюра» и какую-то даже прощальную речь... (Петрушевская).

Зверев... поживет ещё у своей старухи Асеевой, которую, все знают, он ласково называет как-то вроде «моя биздюля» (Петрушевская).

Эти и приведенные выше аппроксимационные сочетания, скорее всего, представляют собой один из альтернативных языковых «путей» (по отношению к употреблению местоименно-субстантивных сочетаний с субстантиватами) включения атрибуции (атрибутивного признака) в пространство аналитического аппроксиматора. Это предполагает, что говорящий осуществляет попытку включить обозначаемый приблизительно денотат в полемику вокруг его обозначения, поскольку, вместо субстантивата, синтезирующего признаки существительного и прилагательного, перед нами в пространстве аппроксимации появляется альтернативное косвенное субстантивное название денотата.

Рассматриваемые нами аппроксимационные сочетания осуществляют свои номинационные функции (а скорее – метафункции), выступая аналитами, включающими помимо неопределенного местоимения аппроксимационный конкретизатор, который употребляется в позиции субстантивата. И его аналоги с реализованной валентностью («похожий на», «напоминающий» и под.), и образования «типа», «наподобие», «вроде» и под. можно считать десемантизированными элементами, образующими особое по лексико-грамматическому составу функционально-семантическое микрополе в составе незначительных частей речи.

Мы считаем, что употребление в составе рассматриваемых нами аналитом-аппроксиматоров элементов «наподобие», «типа», «вроде», «как бы» и под., которые трудно квалифицировать как какие-то определенные частеречные представители класса, по

своему статусу аналитических маркеров приблизительности делает их особым классом слов в современном русском языке, в очередной раз свидетельствуя об аналитизации его синтаксического пространства.

Поскольку в русском языке число значений во много раз превышает количество служебных частей речи, следует признать определяющей природу поведения всех служебных слов действие признака асимметричного дуализма в языке (С.О. Карцевский). Языковая природа любого служебного слова, в том числе – производных от знаменательных частей речи, определяется динамичностью употребления в тексте, где, собственно, и обретается актуализируемый семантический статус элемента.

Рассматриваемые нами элементы, участвующие в формировании аппроксимационных аналитических сочетаний, можно квалифицировать как «союзоподобия». Вводящий этот термин Ю.И. Леденёв не без основания считает, что, выступая в качестве средств связи, союзоподобия «участвуют в конструировании более сложных синтаксических конструкций...» [Леденёв, 2007: 434]. Высшей сферой образуемой в результате действия этого процесса, «является текст или фрагмент текста» [там же]. Подобный «фрагмент текста» (в нашем случае – местоименно-субстантивное сочетание с аппроксимационной семантикой) и функционирует в качестве синтаксического сегмента высказывания, который выполняет номинационно-аналитическую функцию как одно из проявлений их «синтаксической перспективы» [Там же: 437]. Сами же элементы «наподобие» и под. близки к тому, что называют союзоподобиями.

Представляет интерес в рассматриваемом плане роль фактора порядка слов и актуального членения в

пространстве местоименно-субстантивного аппроксиматора элементарного типа. Инверсия субстантивата актуализирует субстантивную семантику называемого, смещая акценты с неопределенности, приблизительности денотата на его атрибуцию, тот признак, который более важен для говорящего в данной коммуникативной ситуации. Например: Да разве войдешь: все навалились друг на друга, тянутся с чеками через головы, хватают маленькое что-то (Толстая).

Ср. аналогичный случай периферийного плана: Из дымки, из почти полного ничто появилось изображение шеи с шариками – шеи, в которую впилась петля (Петрушевская).

Видимо, такую же роль играет и дистантное расположение компонентов сочетаний рассматриваемого типа: Но никак не почевать, это она ненавидела: кто-то спит рядом чужой, топает в её уборную... (Петрушевская). Хотелось бежать самому, махать руками, кричать, что-то сделать безумное и злое (Андреев).

Разрушение структуры анализемы-аппроксиматора в последних случаях, когда наблюдается дистанцирование местоимения и субстантивата (субстантиватов), при сохранении порядка их следования, ослабляет номинационную связанность, однако аппроксимация переносится с денотата на весь контекст.

Примечательно, что при этом сам аппроксиматор выступает в форме расчленённой и, становясь оным, дает возможность извлекать из простых синтагм прагматический эффект.

Смеем предположить, что исследуемые нами аппроксиматоры, в основе которых лежит местоименно-субстантивная сочетаемость, показательны прежде всего для языка художественной литературы как своеобразные метатекстовые маркеры индивидуальной, авторской

языковой картины мира. Идиостиль, выступающий как совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности и являющийся посредником между текстом и миром, задействует прежде всего личностно маркированные средства языка. Номинационно-синтаксический способ обозначения основан на динамическом подходе к синтаксическим отрезкам, включающимся в акт номинации. Однако возможность закрепить в языке денотат, мыслимый приблизительно, не имеющий словарно зафиксированного обозначения, получает своё наименование в тексте благодаря синтаксическому наименованию – номинационно-аналитическому местоименно-субстантивному аппроксиматору. Реализация авторских интенций в данном случае и основана на задействовании возможностей расчленённого обозначения и выбора средства выражения позиции атрибутивного признака.

Глава X. Номинация отечественных реалий начала XXI века в языковой картине мира (духовность: pro et contra)

Трудно сказать, так уж ли изменилась к худшему русская языковая картина мира после распада СССР в 1991 году.

Ведь язык как реализация способности, данной Богом, неподвластен в сути своей ни катаклизмам социума, ни прихотям отдельного его амбициозного элемента. Лингвистический антропогенез ничего общего не имеет ни с классовостью, ни с социальной идеологией, ни с волей (безволием?) тирана, - язык имманентен и свободен, развиваясь по собственным законам и подчиняясь только им. Креативность русского языка, при всей его толерантности, оценивают даже маргиналы.

Путь славянской речи, особенно с появлением кирилло-мефодиевской культурной традиции, несмотря на все тернии, звезден и откровенен. Слово Божие, символизируя торжество веры над безверием, света над мраком, просвещения над варварством, очищает душу, потому что несет правду. Следуя заповеди М.Е. Салтыкова-Щедрина, повторим: «Правда слова не знает границ». Ни социальных, ни конфессиональных, ни личностных – только нравственные, разделяющие Добро и зло. Правдивое слово – залог мира и гармонии. Особенно важно осознавать это всем, кто живет и трудится в таких местах, как Северный Кавказ – благословенный «край синих гор», воспетый Пушкиным, Лермонтовым и Толстым, но остающийся сегодня «горячей точкой» России. И если мы печемся о духовном возрождении нашей земли, о преодолении последствий эпохи коммунистического террора, преданного анафеме, но оставившего страшные следы в душах россиян, нам

следует постоянно задумываться о судьбах русского языка и культуры и делать все для их защиты.

То, в чем обвиняют сегодня все области нашей речевой коммуникации – от варваризации и жаргонизации литературного речевого канона до излишней стандартизации и обеднения всех функционально-речевых стилевых узусов (засилье терминов, с одной стороны, и примитивизация синтаксических построений - с другой), - имеет, без сомнения, место. Однако, учитывая природное богатство русского языка (по некоторым подсчетам, к началу миллениума выразившееся в околосмиллионном цифровом показателе слов и словоупотреблений), отразившееся как в семиосфере - в гибкости и «безразмерности» словаря, уникальном взаимодействии синтетического и аналитического «начал» в грамматике слова и богатейшей вариативности синтаксических парадигм всех подуровней синтактики, так и в удивительной и уникальнейшей концептосфере – области ментальных и материальных констант национального сознания (духа), - просто преступно обвинять «обобщенного» носителя русского языка в его речевой деградации. Доказательство тому – блестящий по своему языковому исполнению русский художественно-литературный дискурс, где пространство на рубеже столетий обогатилось идиостилевыми художественными открытиями С.Соколова, В. Пелевина, А.Королева, Т.Голстой, Б.Акунина, Л.Петрушевской (трудно всех перечислить). Доказательство тому – и живая речь нашей интеллигенции – наследников не замученных в сталинских и брежневских лагерях представителей русской культуры. Даже оказавшись вне родины, они сохраняют и берегут свой язык, называемый «языком русского зарубежья», и не завидуют братьям, которые, находясь в благословенных отчих пределах, умудряются противостоять «новоязам» и

коммерческому хамству, с разных сторон обрушившемуся на язык и культуру - ипостаси, наименее защищенные меркантильно. «Новый русский» конформизм складывается трудно - сопротивляемость нашей ментальности слишком высока.

Роль русского языка в обнажении отечественных реалий начала XXI века огромна. Разрушение всяческого рода границ и барьеров в обществе начиная с 90-х гг. XX века, вызвавшее лингвокультурную поляризацию (доходящий до разнузданности речевой плюрализм демоса и жесткая языковая рафинированность тающей на глазах культурной «касты»), слава Богу, серьезно не коснулась национально-языковых отношений. Благо, СМИ перестали убеждать нас не только в достижении «самой читающей» страной абсолютной грамотности, но в свободном (и радостном!) владении русским языком («как родным») представителями нерусского полиэтноса России. Правда, принятие государством Закона о русском языке летом 2006г. прошло без помпы, хотя следующий год был объявлен Годом русского языка и сопровождался определенной социально-чиновничьей активностью.

Между тем если и говорить о 2007 г. - Годе Русского Языка, то нужно понимать эту номинацию только как общеязыковую метафору, совершенно объективно и справедливо считая ее маркером Эпохи, Времени, Космоса великого языка, о котором не то что «год» - бесчисленное число единиц летосчисления помнить надо. Всю жизнь, ежели выпало тебе счастье великое быть носителем этого языка...

Что же, обнажились «зерна» и «плевелы»; хамский социолект «новых русских» занял свое место в современной ЯКМ, постепенно превращаясь в одно из ее «темных пятен»; официально-деловой бизнес-микроязык, войдя в контакт с отечественным языковым сознанием,

его отнюдь не завоевал; ну а что же касается просторечия, которое, насыщаясь уголовной «блатной музыкой», пытается претендовать на роль нового разговорного стиля (далеко не «сладостного», вспоминая великого флорентийца)... это ведь все в наших руках, дорогие сограждане и по совместительству носители традиций «великого и могучего, правдивого и свободного», не так ли?!

В самом деле, почему так скуднеет речевое поведение нашей «золотой» (тусовочной по преимуществу) молодежи?

Языковая мини-картина мира каждого индивидуума, как в зеркале, отражает образ его мыслей, область его чувств и переживаний, сферу его жизненных интересов. А каковы они? Таковы, каков реальный социум, - и в масштабах государства, и в семейном, так сказать, интерьере. Альтернатива, правда, есть, - виртуальный мир Logo, чья «языковая» чат-картина примитивна и заманчива одновременно (своей доступностью). А ведь познание мира, его, так сказать, когниция, - даже на уровне когнитивно-бытовом, не говоря о когнитивно-научном, требует огромных усилий, равно как и поводыря (благо, последние находятся в лице шоу-, медиа- и прочего «бизнеса», оккупировавшего и телевидение, и рекламное пространство улиц и площадей, и страницы прессы, ставшей цветной, но уж при этом непременно с желтым отливом /не путать с аппроксимацией цвета у импрессионистов и их постнаследников/). И не надо искать виновных - их нет. Просто мы оказались в пространственно-временном континуум-разломе - от государственной власти до любой частной жизни. Но панацея ли в этой ситуации - элитарные светские культурные ориентиры, равно как и молитвы, возносящиеся из реставрированных и построенных

храмов? Спасет ли нашу культуру, наш великий язык обуржуазившееся и обнаглевшее в своих ценовых «гонках» книгопроизводство, когда русский текст становится пожирающим своих детей Сатурном?...

Тревожит, однако, не только это. В выпущенной к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина (но почему-то в 2004 г.) в г.Краснодаре «Союзом православных Офицеров России» брошюре Г.А. Солдатова «Русский язык. О духовной этимологии слова» в совершенно воинственном ключе утверждается: «Против нашего родного Русского языка, как и против Русского Народа и его Русского Государства и против Русской Православной Церкви, силами зла ведется необъявленная война, война на уничтожение всего Русского. И война эта началась не вчера и ведется практически в одностороннем порядке... Борьба эта не прекращалась во все годы правления большевиков, а при демократах она еще больше усилилась, что непременно оказывает негативное влияние на национальную безопасность России» [Солдатов, 2004: 3].

Язык и борьба – понятия «несовместные», равно как и «гений и злодейство» (А.С. Пушкин). Культура устала от борьбы. Особенно – русская. Тем паче - от социальной.

Русская языковая картина мира XXI века отражает изменения, происходящие в номинационном пространстве носителей языка. В этих изменениях, на наш взгляд, проявляются две противоположные, пусть и взаимообусловленные (амбивалентно?) тенденции социолингвистического плана. Для первой тенденции, связанной с резко изменившимся статусом общества и функцией его институтов, характерен резкий количественный рост лексикона современного русского языка в первую очередь за счет заимствований (от специальной лексики до сленга) и жаргонизмов самых

различных мастей, вплоть до уголовной «фени». Вторая тенденция связана с обособлением классического литературного русского языка, сознательно-стихийным замыканием его носителей в лингвокультурных «конклавах», находящихся в оппозиции к литературно-разговорному речевому пространству, постепенно обретающему признаки «агрессивного языкового мутанта» (ср. американизированные «франгле» и «гермиш»).

Эти тенденции действуют в общем пространстве русского языка и дают материал для когниолингвистического описания и анализа языковых явлений, и прежде всего в области номинации, которые отражают действие антропоцентрических и антропогенных сил на всех уровнях общежития в отечественном социуме XXI века. Антропоцентрические силы в данном случае связаны с активизацией буржуазно-личностного фактора, плюрализма и известной речевой свободы, в том числе от нравственных табу. Антропогенный же «силовой» момент присущ именно тем речевым сферам, представители которых испытывают неприятие и дискомфорт при виде того хаоса, который приводит в смятение русскую языковую картину мира, грозя грядущему состоянию русского языка временами Хаоса. В результате - действия, созвучные ахматовскому состоянию: «...руками я замкнула слух, // Чтоб этой речью недостойной // Не осквернился скорбный дух», - сохранить то лучшее - (пушкинское!), что есть, и защитить, оградить от «осквернения».

То, что охрана классического русского литературного языка является одной из основ безопасности русской нации (не в националистическом, а именно в интернациональном плане!), совершенно

очевидно. Непродуманная языковая политика (скорее даже – вообще ее отсутствие).

В самом деле, является ли «оккупацией иноязычия» [Солдатов, 2004: 7] включение в активную речевую практику русского языка таких лексем, как *менталитет, консенсус, презентация, памперсы, перформансы, дилер, гарант, дайджест, федерал, триллер, эксклюзив, коллаж, паллиатив, сервиллизм, ротация, сублимация, саммит, дистрибьютер* и под.? Трудно дать однозначный ответ на данный вопрос, тем более что в большинстве своем эти номинации заполняют лакуны активного словаря современного русского языка, появившиеся как следствие обновления многих сфер социума и его функций (вспомним эпоху Петра Великого). А вот «оккупацией» отечественного, русского слова можно считать употребление слова «русский» - от контекста «*новые русские*» до номенклатурных номинаций «Русское казино», «Русский стриптиз-клуб», «Русская рулетка» и под. названия заведений, где ничего от Русского (в духовном плане) нет.

Удачное, на первый взгляд, решение проблемы лексического объединения и обобщения многонационального населения России во введении в официальный оборот номинации «россиянин» («россиянка», «россияне»), естественно, не эквивалентно в плане историко-патриотических ассоциаций традиционному квалификатору национальной (а точнее – государственной) принадлежности – «русский» («русская», «русские»). За рубежом любого представителя нашей страны, независимо от его этнической принадлежности, именуют русским (вспомним пресловутые фильмы из «Бондианы», созданные в эпоху «холодной войны»).

Сегодня разговорная русская речь, особенно – молодых россиян, напоминает эклектичную мозаику.

Добро бы там были «альтернативы», «презентации», «одиозные» поступки, «толерантность», «плюрализм» или «креативность», - нет, там все «стильно» то есть насыщено-перенасыщено жаргоном. Ср. материалы из речи старшеклассников (начало XXI в.):

Текст

На бану бугор газует.

А старуха оторвала
коры с модерными
копытами.

Крутая телка! Сила!

Твои предки
приканают на тусовку?

Этот лох завязал, как
Серого подставил. А тот
глючит.

Гони бабло!

Где зелень?

Развели двух лохов на
20 штук

Перевод

На вокзале директор
школы ездит.

А классная
руководительница купила
туфли с модными
каблуками.

Современная девушка!
Хорошо!

Твои родители будут
на собрании?

Этот парень больше
этим не занимается, после
того как о Сергее рассказал.
А у того дела не в порядке.

Давай деньги!

Где доллары?

Обманули двух
дураков на 20 тысяч!

Подобными лексическими «представителями» жаргонно-уголовной «фени» полны сценарии современных «ментовских» сериалов, от которых лишь по выходным отдыхают утомленные россияне. Разве подобные элементы современной языковой картины мира не воспитывают адекватное мышление, не формируют поведение, которое ничего общего с нормами нравственности не имеет?! Почему так редко звучат такие исконно русские слова, как

«милосердие», «великодушие», «доброта», «благодарить», «лад», «Родина» и т.д.

Современное состояние русского языка отражает царящее в начале XXI в. в русском обществе смятение, когда большинство россиян вне деления на православных и неправославных, принятого до 1917 г., искренне веря в то, что «русское» и «российское» - синонимы, говорит уже не на правильном классическом русском языке, а на «россиянском».

Здесь не грех вспомнить оппонента А.С. Пушкина, небезызвестного А.С. Шишкова, адмирала и президента РАН при Александре I и Николае I. «Дедушке» Шишкову принадлежат замечательные слова, многое объясняющие нам с вами и содержащие известное «руководство к действию»: «Народ приобретает всеобщее к себе уважение, когда оружием и мужеством хранит свои пределы, когда мудрыми поучениями и законами соблюдает доброту нравов, когда любовь ко всему отечественному составляет в нем народную гордость, когда плодоносными ума своего изобретениями не только сам изобилует и украшается, но и другим избытки свои сообщает. О таком народе можно сказать, что он просвещен. **Но что такое просвещение, и на чем имеет оно главное свое основание? Без сомнения, на природном своем языке.** На нем производится богослужение, насаждающее семена добродетели и нравственности; на нем пишутся законы, ограждающие безопасность каждого; на нем преподаются науки, от звездословия до земледелия. Художества черпают из него жизнь и силу. Может ли слава оружия греметь в роды и роды, могут ли законы и науки процветать без языка и словесности? Нет! Без них все знаменитые подвиги тонут в пучине времени; без них молчит нравоучение, безгласен закон, косноязычен суд, младенчествует ум.

Французское, с латинского языка взятое, название **литература** не имеет для русского ума силы нашего -

словесность, потому что происходит от имени *litterae* (**письмена** или **буквы**), а не от имени **слово**. На что нам чужое, когда у нас есть свое?» [Корнеслов..., 2002: .250].

Заглянем в книгу М.Б. Горбаневского и др. «**Не говори шершавым языком**», изданную в 1999 г. в Москве.

Она - о горе-риторах, взявших на себя смелость стать носителями гуманитарной культуры. Это политики, модельеры, журналисты, члены правительства, телеведущие, дикторы, артисты и т.д., причем по большей части русские люди, - и вот как **не по-русски** они говорят:

Вячеслав Зайцев, модельер: «Приехал в Париж – шел **огромный** дождь...»

Игорь Верник, телеведущий: «Эта номинация **занимает** большое и важное **значение...**». «И ваши аплодисменты **вырастают** еще больше...»

Андрей Черкизов, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»: «Языковые цензы отменяются судами...»; «Россия так **упёрто** возражает против расширения НАТО...»

Борис Моисеев, танцор: «Мы можем **окунуться в этой** лучезарной воде...»

Андрей Максимов, телеведущий: «Более 30-ти лет прошло. А **вам не возникает обидно, что так** произошло?...»

Александр Масляков, ведущий КВН: «Дорогие друзья, **через несколько времени** мы узнаем, кто победил...».

Совершенно особо говорят политики, и «перлы» Черномырдина, Зюганова, Лужкова, Ельцина вошли в «золотой фонд» ораторского искусства. Ср.:

Юрий Лужков: «Эта **проблема посетила** нас в прошлом году...»; «Сейчас **нахожусь в режиме ожидания**, как Чубайс»; «Он должен иметь

возможность, **как входить в общество**»; (о заготовке овощей): **«Голодать по этому направлению, думаю, не придется»**; **«Человек не может работать эффективно и нести свои функции...»**; **«Я лично отслеживаю за уровнем поставок...»**; **«Нам не нужно ни перед кем, то есть, значит, как бы расшаркиваться»** и под. [Горбаневский,1999]

В газете «Известия» (2007 г., №147) на странице 9 (рубрика «Культура») читаем: «Гармаш и Маковецкий **облапошили** Европу (В.И. Даль: «Облапошить – тверское: надуть, обмануть,). Здесь же /о певице А. Нетребко/: **«Уже завтра красавица-сопрано, лихо меняя объятия горячих латиноамериканских теноров, начнет свой концертный тур пот городам Германии»**».

О чем говорят эти примеры? О том, что надо знать законы и нормы родной речи, а потом уже заниматься ораторством.

О чем еще говорят эти примеры? О той же гордыне в отношении к русскому языку и нашей Родине. Нелишне напомнить строки классиков, воспевших эти бессмертные наши начала.

В.Я. Брюсов

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев — неожиданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой!

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких днях,
Но всё ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю,— ты ответствуй,
Иду,— ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — Мститель мой, ты — мой Спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

31.12. 1911

И.А. Бунин

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

7.1.15

В.В. Набоков

К РОССИИ

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.

Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен выть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;

обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье

все, что есть у меня, — мой язык.

Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолоду жил,

дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нащупывай жизни моей!

Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, —
поздно, поздно! — никто не ответит,
и душа никому не простит.

1939
Париж

Многие (если не все) беды наши от нежелания просветиться, узреть свет истины, от неверия, от гордыни, от нежелания покаяться, от равнодушия к своему богатейшему языку, в котором соединились, по М.В. Ломоносову, «крепость немецкого, нежность итальянского, живость французского и, сверх того, краткость и выразительность латинского и греческого языков» [Ломоносов, 2001, II: 301]. В языке не просто запечатлена Душа народа, - в вещем русском языке в единое целое сплетены понятия **Родина – народ – природа**, объединяясь одним корневым элементом «род». П.А. Флоренский подчеркивал, что «слово – человеческая энергия, и рода человеческого, и отдельного лица – открывающаяся через лицо энергии человечества» [Флоренский, 2000, II: 281].

Если условно уподобить тело русского языка дереву, то ствол его можно сравнить с духовным началом, постигаемым этимологически, а ветви, питающиеся им, листья и цветы, - со словарем. Все заимствования – это прививки на ветвях, удачные и нет (варваризмы). Жаргоны всех типов – ветви засохшие или засыхающие, мутирующие (лексико-фразеологический «мусор», в том числе поле инвективов).

В самом деле, вряд ли живым участием в судьбе русского языка, любовью к нему руководствуется А.Флегон, собравший для словаря «лексиконики за пределами» этических норм 40 000 слов и выражений, которые советские власти не разрешали включать в толковые словари. А началось все, по его словам, с просьбы коллеги-слависта объяснить русское выражение «собачья свадьба» [Флегон, 1993:5].

Духовное начало русского языка, питающая и его ствол, и ветви с листьями, давая плоды и продлевая жизнь дерева, образует поле «доброй», созидательной лексики: *солнце, свет, мир, вера, труд, радость, мужество, доброта, лад, совесть, правда, покаяние, могила* (мога –«сила») и под. Именно в них реализуются базовые ментальные константы – концепты (М.М. Маковский, Ю.С. Степанов, В.А.Маслова, А.Д.Шмелев и др.). Нравственная чистота языка – это а) забота о жизни ствола и зависящих от него элементов дерева языка; б) постоянное «отсечение» сухих ветвей и наростов (арго, жаргонизмы, инвективы); в) забота о правильных прививках (заимствования, диалекты); г) удобрение дерева (изучение и сохранение языковых традиций). Плоды и их качество не заставят себя ждать.

Всегда ли научная и духовная этимология номинации совпадают? Часто да, но есть и несовпадения. Когнитивная научная и интуитивная (духовная) на определенном отрезке

расходятся, когда требуется подключение интуиции живого носителя языка. Так, в словаре М.Фасмера слово *Радуга* объясняется как происходящее от *рад, радость* и *дуга, линия*, а также *небо, рай*. Получается райская небесная дуга [Фасмер, 1920, III: 431]. Кроме того, здесь на фоне многочисленных языковых параллелей из древних языков указываются и праформы из древне-осетинского и древне-иранского языков: *ardunga* «лук». А вот М.Задорнов, современный писатель-юморист, в одном из своих выступлений обращает внимание на связь слова *радуга* с именем древнего языческого бога солнца Ра (ра-дуга). В словаре М.Фасмера слово «Русь» этимологизируется по двум версиям: 1) как название пришедших к нам варяго-норманнов, скандинавов (арабы и греки в средние века); 2) как перенос от названия реки (вода)*. Второе значение подвергается автором словаря сомнению как не соответствующее данным сравнительно-исторического метода сопоставления древних праформ славян.

Н.И. Сафронова-Левина подходит к осмыслению духовной этимологии слов русского языка с точки зрения того, какую информацию они несут – позитивную или негативную: «Русский язык является тем универсальным языком, через который раскрывается людям истина и правда жизни. Сами слова выдают, какую информацию они несут в себе. А раскрывать внутреннюю информацию слов приходится посредством ключевых символов, слов и букв [Сафронова-Левина, 2002: 6-7]. Таким образом, исходя из того, что слова являются носителями информации, а информация есть *свет* («Ученье – свет, а неученье – тьма»), то именно его отражение в слове как звуковой волне, несущей энергию, положительную или отрицательную,

* В ряде трактовок этой рекой называется приток Днепра – Рось.

определяет путь языка, реализацию смысловой нагрузки, которая раскрывается *ключевыми словами* русского языка*.

Слово *свет*, закодированное в русском языке буквой «С» (символ света), несет возможность, по мысли Н.И. Сафроновой-Левиной, выводить смысл слов (внутренняя форма) естественным путем**. Сравните: *мысль* = с + мысл = свет + мысль, свет мысли, свет мыслей; *связь* = с + вязь – вязь света; *спичка* = с + пичка – напичканное светом; *сохранять* = с + охранять = охранять свет; *скандалы* = с + кандалы = свет в кандалах; *сволочь* = с + волочь – волочить свет и т.д.

Второе ключевое слово – Любовь, которое закодировано в буквах «Л» и «ь»: *лень, леность* («Мать зла – лень»). В слове «лень» зашифровано «не любовь» (отсутствие любви). Ср.: Ленин, Ленинград, Ленский потоп, лодырь и т.д.

Слово «*мысль*» расшифровывается в данном случае так: *мы + с + ль (любовь)*, причем второй элемент «с» - свет. Ср. выражение Г.Гейне: «Мысль – невидимая природа, природа – видимая мысль» Или - у А.К. Толстого: «И ничего в природа нет, // Что бы любовью не дышало».

Современная русская азбука, наследница православной кириллицы, напоминает Н.И. Сафронова-Левина, состоит из 33 букв. 33 года было Иисусу Христу, распятому на кресте из *тополя*. Создатели письменности Кирилл и Мефодий и их ученики заложили в азбуке возможность с помощью слов выразить Энергию Бога и Природы.

* Соответствует элементам концептосферы: Свет, Человек, Здоровье, Вера, Надежда, Любовь, Воля, Совесть, Разум, Добро, Зло, Правда, Ложь и т.д.

** Видимо, речь идет о синергетике семантической трактовки.

Расчлняя слова на элементы, выделяя их комбинации, мы раскрываем закодированное энергетическое послание, скрытые смыслы. Какую интерпретацию имеет слово *тополь*? Если представить его в виде палиндрома, то получится: л'опот, лепет; лапота – лепетать, где *ль* – любовь + «дрожь», шепот (лепет) листьев, дрожь боли любви (то – поле/ль). Поле любви есть боль. Семантика «т» и «п» (взрывные согласные) передает волнение, боль, беспокойство, даже страх. Случайны ли эти совпадения? Очевидно, нет.

Следует признать: в синергетическом подходе к номинации что-то есть, - что-то, что дополняет как ставшее классическими структурно-семантические виды анализа, так и современные лингвокультурологические подходы. Антропогенный фактор, при всей его ориентированности в лингвистической науке XXI века на выход «Его» в область языковой формы, подвергающейся классическим методам анализа с *позиций говорящего*, претендует на подмену Творца Его творением в виде Homo Sapiens. При этом последний забывает о том, что есть мир Природы, простой и естественный. «Нет величия там, где нет простоты и правды», - говорил Л.Н. Толстой. Об этом следует помнить.

Вместо послесловия

Мы рассмотрели ряд вопросов, характеризующих отношения между двумя кардинальными лингвистическими понятиями – номинацией и языковой картиной мира. В современном русском языке наблюдаются интересные явления, свидетельствующие о тенденции в языковом сознании (и, соответственно, в речевом поведении носителей языка) к задействованию в процессе обозначения фрагментов картины мира производных номинационно-синтаксического семиозиса – единиц синтаксической номинации.

Возможность участия, в принципе, любого синтаксического отрезка в обозначении денотатов и денотативных состояний и ситуаций, происходящих в речи (тексте), кардинально меняет сам ракурс связи номинации и языковой картины мира, поскольку во внутреннюю форму обозначения говорящим включаются именно те атрибутивные признаки, которые представляются наиболее адекватными для участия знака в решении функционально-прагматических задач организации речевого пространства.

Принципиальным в рассматриваемом плане представляется осмысление лингвоментальных аспектов обозначения фрагментов русской языковой картины мира, в частности – роли Кирилло-Мефодиевской письменной традиции в формировании номинационных типов речевого поведения современного носителя русского языка. Кроме того, заслуживает внимания изучение пространства самого номинационно-синтаксического знака как главного «звена» синтаксического способа обозначения. При его употреблении задействуются мифологические ресурсы номинации, реализуются концептологические основания, осуществляется взаимодействие явных и скрытых смыслов, открываются возможности воплощения недостаточности

статического словаря (лакуны в языковой картине мира), в частности – аппроксимационного типа.

Динамический ракурс связи номинации и языковой картины мира показателен для современного речепотребления, что соответствует изменениям в самом типе мышления и языковой идеологии носителя русского языка XX-XXI вв. Это очень ярко проявляется не только в языке художественной литературы, но и в философской публицистике.

Исследование взаимодействия лексического и синтаксического способов номинации представляет интерес и в аспекте социолингвистическом. Так, в частности, такой пласт статической языковой картины мира, как регионимика, получает динамический лингвокультурологический импульс осмысления, когда его элементы включаются в поликультурный диалог, участвуют в коммуникации и реализуют свой динамический потенциал (См. Приложение).

Библиография

1. Акопов Г. В., Иванова Т. В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 1. С. 47 – 55.
2. Александров Д.Н. Риторика. – М., 2002.
3. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005.
4. Алиева Т. С. Словарь синонимов русского языка. – М., 2001. – С. 222.
5. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность. – Пятигорск, 2003.
6. Алимуратов О.А. Характерные особенности динамики концептосферы индивида // Вестник ПГЛУ. – 2004. - № 4. – С. 105 – 115.
7. Алимуратов О. А. К вопросу о структуре концепта и принципах вербализации его областей//Вестник ПГЛУ. – Пятигорск, 2006. - №3. – С. 5-15.
8. Алисова Т. Б. Опыт анализа концептуального мира Данте с позиций современной лингвистики // Вестник МГУ. - Серия 9. - Филология. - 1996. - № 6. - С. 7 – 19.
9. Алпатов В. М. Предварительные итоги лингвистики XX в. // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. - М., 1995. Т. 1.
10. Алпатов В. М. Родной, свой, чужой // Человек. 1994. № 1. С. 174 – 185.
11. Алпатов В.М. 150 языков и политика 1917-1997 гг. – М., 1997.
12. Андерсон Дж. Р. Когнитивная психология / 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002.
13. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Русский язык:

Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992. С. 45 – 64.

14. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. – М., 1995. – Т. 1.

15. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды в 2 т. – М., 1995. – Т. 2. – С. 348-388.

16. Апресян Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Серия лит. и языка. 1999. - Т. 58. - № 4. - С. 39 – 53.

17. Арутюнов О. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества//Расы и народы. - М., 1972. - Вып. 2.

18. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998.

19. Арутюнова Н. Д. Национальное сознание, язык, смысл // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. М., 1995. Т. 1.

20. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.

21. Барков А.Н. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Альтернативное прочтение. Киев: Текна А/Т, 1994.

22. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

23. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М.: Ad Marginem, 1999.

24. Барт Р. Семиотика. Поэтика. Избранные работы. – М., 1994.

25. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Искусство, 1990.

26. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с немецкого Г.И.Гаева. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
27. Бедье Ж. Тристан и Изольда/Пер. с фр. А.А.Веселовского. - М.: Аргус, 1993.
28. Беликов П., Князева В. Жизнь замечательных людей. Н. К. Рерих. Серия биографий. – М., 1972.
29. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 4., М., 1954.
30. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
31. Бирюкова С. К. Словарь культуроведческой лексики русской классики: По литературным произведениям школьной программы. М., 1999.
32. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. – М., 1996.
33. Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
34. Бочкарев А.Е. Семантический словарь. – Нижн. Новгород, 2003.
35. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. – М., 1999.
36. Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ “Философские науки”. - 1973. - №1. С.108-109.
37. Будагов Р.А. Человек и его язык. – М.: Изд-во МГУ, 1974.
38. Бузаров В.В., Ланова Э.Г. Что такое аппроксимация в лингвистике?//Иностранные языки в школе. – 1991. - №2. – С. 100-102.
39. Булгаков М.А. Чаша жизни: Повести, рассказы, пьеса, очерки, фельетоны, письма / Предисл. Б.В. Соколова; Сост., подгот. текста и коммент. Б.С. Мягкова, Б.В. Соколова. – М.: Сов. Россия, 1988.
40. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Избранные

произведения: В 2 т. Т. 2: Романы. – М.: РИПОЛ Классик, 2004.

41. Булгаковы Михаил и Елена. Дневник Мастера и Маргариты. – М., Вагриус. 2003.

42. Булгаков С.Н. Философия имени. - Париж, 1953.

43. Бураев Р.А. Черкесск: экономико-географический очерк. - Черкесск, 1969.

44. Буров А.А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке. В 3-х ч. – Ставрополь-Пятигорск, 1999.

45. Буров А.А. Синтаксическая номинация в русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. – Ставрополь, 2000.

46. Буров А. А.. Номинационно-синтаксический семиозис в современном русскоязычном дискурсе: новая реальность словаря // Вестник ПГЛУ. – 2001. - № 4. – С. 5 – 9.

47. Буров А. А. Языковая картина мира и возможности номинации русского языка // Язык и культура. Мат-лы международной научной конференции. – М., 2001. – С. 90 – 91.

48. Буров А. А., Сахно О.С. Изучение региономики Кавказских Минеральных Вод в контексте проблемы «Русский язык на Северном Кавказе» // Русский язык на Северном Кавказе: Материалы международной научно-практической конференции. – Пятигорск, 2002. - С. 37-38.

49. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. Монография. – Пятигорск, 2003.

50. Буров. А.А. Поликультурный регион и его языковая картина мира. // Русский язык и активные процессы в современной речи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции.– Ставрополь, 2003. - С. 114-117.

51. Буров А.А. Этносоциолингвистический портрет России. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск, 2003. – С. 10-17.

52. Буров А.А. Номинация как текст: к постановке проблемы анизотропности наименования // Университетские чтения – 2006. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть I. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – С. 52-59.

53. Буров А.А. Художественная языковая картина мира: пролегомены проблемы // Актуальные проблемы герменевтики и интерпретации художественного текста. Выпуск I: Филологические чтения памяти А.П. Чехова. – Пятигорск, 2004. - С. 27-33.

54. Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации): Филологические этюды. Монография. Изд-во ПГЛУ. Пятигорск. 2008. - 319 с.

55. Буров А.А., Фрикке Я.А. Проблема национальной идентичности «русского кавказца» // Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность.: Мат-лы I международной конференции. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2010. – С. 57-60.

56. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992.

57. Бьюиссанс Э. Язык символистов. – М., 1977.

58. Вайнштейн О. Леопарды в храме: Деконструктивизм и культурная традиция // Вопросы литературы. - 1989. - №12. - С.161-198.

59. Валгина Н.С. Теория текста. – М., 2003.

60. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. - Киев, 1988.

61. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. – М., 1978. – С. 402-421.

62. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

63. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. М., 2001.
64. Виноградов В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. - 1961. - № 4.
65. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке./Исследования по русской грамматике: Избранные труды. – М., 1975. – С.53-87.
66. Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. - 1997. - № 4. - С. 115 – 124.
67. Воркачев С. Г. Методические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. – С. 79 – 95.
68. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004.
69. Вулис А.З. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». - М.: Художественная литература, 1991.
70. Вырицкий С. От Меня это было. — СПб., — 2001.
71. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер //Вопросы философии — 1995,—№6.— С. 111-121.
72. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
73. Гак В.Г. Сопоставительная типология//НДВШ «Филологические науки». – 1992. - №3. – С. 78-79.
74. Гегель Г.В. Философия. Эстетика: В 4 т. Т. 1. – М., 1968.
75. Генис А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда. - 1997. - №12. - С.230-233.
76. Горный Е. Что такое семиотика? // Радуга. - 1996. - С.168-177.

77. Гуин У. ле. Ожерелье планет Экумены: Фантастические произведения. – М., 2001.

78. Даль В.И. Толковый словарь нового великорусского языка. Т. I-IV. – М., 1998.

79. Диброва Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. III: Синтаксис. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 604 с.

80. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. - №6. - С.17-93.

81. Деррида Ж. Правдивость в живописи. Паспарту // Постмодернизм и культура. -М., 1991. - С.118-130.

82. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. – 1992. - № 4. – С. 53-57.

83. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. - Т. 28. - Кн. 1. Л., 1985.

84. Емельянова О.Н. Авторская речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. / Ред. М.Н. Кожина. – М.: Флинта – Наука, 2003. – С. 13-14.

85. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. – М.: Издательство МГУ, 1957.

86. Жучкевич В. А. Общая топонимика. – Мн., 1968.

87. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин – Изд. 2-е, стереотипное – Ростов н / Д: Феникс, М.: Цитадель – трейд, 2005.

88. Зуев К.В. Г.О. Винокур как свидетель и интерпретатор языковых процессов послереволюционного периода // «ТЕХТУС»: Избранное. 1994-2004, – Ставрополь, 2005. – С. 495-501.

89. Ипполитов О. О., Ипполитов О. М. О когнитивных «зеркала» в пространстве концептосферы и аналогах некоторых математических задач в современной

лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 63 – 70.

90. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

91. Карасик В. И. Юмористическое общение: универсальное и идиокультурное // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности / Под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. – Ч. 1. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 125 – 140.

92. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-е, — М., 2002.

93. Караулов Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Ф.М. Достоевского // Русский язык; Приложение к газете «Первое сентября». — 2001. — №39 (303). — С. 5-9.

94. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме языкового знака // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1965. – Ч. II. – С. 89-90.

95. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990.

96. Коков Дж. Н. Адыгейская (черкесская) топонимия. – Нальчик, 1974.

97. Коков Дж. Н. Из адыгейской (черкесской) ономастики. – Нальчик, 1983.

98. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. - 1999. - №28.

99. Корнеслов славянорусский. – СПб., 2002.

100. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языковых изменений)//Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. IV. – С. 143-343.

101. Кошелев А. Д. Референциальный подход к анализу языковых явлений // Спорное в лингвистике. Московский лингвистический альманах. – Вып. 1. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – С. 82 – 195.
102. Кравец А. С. Смыслы и их понимание в науке и искусстве // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности / Под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. – Ч. 1. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 69 – 84.
103. Кравченко А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 1996.
104. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 90-94.
105. Крепс М. Булгаков и Пастернак как романисты. Анализ романов «Мастер и Маргарита» и «Доктор Живаго». Энн Эрбор: Ардис, 1984.
106. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001.
107. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // “Вопросы языкознания”, 1994, №4. С.33-38.
108. Кубрякова Е.С. Текст – проблемы понимания и интерпретации // Семантика целого текста. – М., 1987. – С. 14-22.
109. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986.
110. Кузмин М. Рерих. - М.,1923.
111. Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. – Черкесск, 1977.
112. Культурология: XX век: Словарь: Спб., 1997.
113. Курганов Е. Анекдот – Символ – Миф: Этюды по теории литературы. – СПб., 2002.

114. Курицын В. Постмодернизм: Новая первобытная культура // Новый мир.-1992. - №2. - С.225-231.

115. Кушлина О.Ю., Смирнов Ю.М. Некоторые вопросы поэтики романа «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков - драматург и художественная культура его времени. - М.: СТД, 1986. – С. 86-92.

116. Кушлина О.Ю., Смирнов Ю.М. Поэтика романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Методическая разработка к спецсеминару. - Душанбе: Таджик. гос. ун-т, 1987.

117. Лазарев В.В., Правикова Л.В. Северный Кавказ: проблема монолингвизма, билингвизма и мультилингвизма // Вестник ПГЛУ.– Пятигорск, 2004. - № 2-3. - С. 21-27.

118. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

119. Леденев Ю.И. Конверсия языка и речи//Циклы природы и общества. – Ставрополь, 1998. – Ч. I.- С. 62-66.

120. Леденев Ю.И. Избранные труды по языкознанию: 1957-2007гг. – Ставрополь, 2007.

121. Лекант П.А. Современный русский литературный язык. - М.: “Высшая школа”, 1996.

122. Леонович О. А. Топонимы Калифорнии (лингвистический анализ населённых пунктов). Автореф. дисс... канд.филол.н. – М., 1972.

123. Лескис Г.А. Триптих М.А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. – М. – ОГИ, 1999.

124. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова и др. (ЛЭС) – М.: Советская энциклопедия, 1987.

125. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного

произведения // Вопросы литературы, – 1968. – № 8. – С. 12-18.

126. Ломоносов М.В. Сочинения в 2-х томах. – М., 2001. – Т.2.

127. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. - М. 1994.

128. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. - С.-Петербург: “Искусство-СПБ”, 2004.

129. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999.

130. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1998.

131. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. Под ред. Л. А. Новикова. – М., 2002.

132. Ляпон М.В. Модальность и явления лексического анализма в древнерусских текстах XVI века // НВДШ «Филологические науки». – 1973. - № 2. – С. 42-52.

133. Ляпон М.В. Модальность//Русский язык: Энциклопедия/Ред. Ю.Н.Караулов. – М., 1997. – С. 239-240.

134. Маковский М.М. «Картина мира» и образов (Лингвокультуроведческие этюды) // Вопросы языкознания. - 1992. – № 6. – С. 36-53.

135. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996. – С. 212 – 213.

136. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений. Автореф. дис. ... доктора филолог. наук. – М., 1971.

137. Манаенко Г.Н. Когнитивная лингвистика: западные теории и российские предтечи // Вестник ПГЛУ. -2002. - №1. - С.56-59.

138. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. — М., 2004.

139. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для вузов. - М., 2004. - С.36.
140. Матвеев А. К. Методы топонимических исследований. – Свердловск, 1986.
141. Мацумото Д. Психология и культура. Современные исследования. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
142. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. - Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1981.
143. Мещеряков В.Н. К вопросу о модальности текста//НДВШ «Филологические науки». – 2001. - №4. – С.99-105.
144. Минкевич А. Поколение Пелевина // Русский журнал. - 1999. - №8.
145. Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы I – V Международных конгрессов. – Пятигорск, 1996. – 2007.
146. Мифологический словарь/Под ред. Е.М.Мелетинского. - М., 1990.
147. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. - М., 1991.
148. Михайлов В.А., Михайлов С.В. Особенности развития коммуникативной среды современного общества URL:http://russcom.ru/rca_biblio/m/mihailov-mihailov/shtme.
149. Михайлов И.В., Лабушкина И.М. Черкесск и его улицы. – Черкесск, 2000.
150. Михалев А.Б. Слои языковой картины мира // Язык и культура. Материалы международной научной конференции. – М., 2001. – С. 108.
151. Мурзаев Э. М. География в названиях. – М., 1979.
152. Мыркин В. Я. Чувственно-иконическое значение слова // Филологические науки. – 2005. № 5. – С. 102 – 107.

153. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М. – Томск, 2003. – М. – Ростов н/Д., 2005.
154. Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. – М. – Краснодар, 1999.
155. Нерознак В.П. Топонимика // Русский язык: Энциклопедия / Ред. Ю. Н. Караулов. – М., 1997.- С. 565-567.
156. Нидерле Л. Славянские древности. — М., 2000,
157. Николаева Т.М. Текст // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2003. – Репр. изд. – С. 555-556.
158. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М., 2003.
159. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом, 2003.
160. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира//ИДВШ «Филологические науки». – М., 2000. – №1. – С. 40 – 49.
161. Обнорский С.И. Избранные труды по русскому языку. – М., 1968.
162. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
163. Панов М.В. Русский язык и советское общество. М., 1968.
164. Папка Н.В. Эволюция германской языковой картины мира (на примере семантического гнезда значений «брать» / «давать» в английском и немецком языках). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2002.
165. Пелевин В. Шлем Ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре / Виктор Пелевин. - М.: Открытый Мир, 2005.
166. Петелин В.В. Жизнь Булгакова. Дописать раньше, чем умереть. – «Бессмертные имена». – М.: ЗАО Изд-во

Центрполиграф, 2000.

167. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.

168. Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – С. 82 – 90.

169. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.

170. Поспелов Г.Н. Целостно-системное понимание литературных произведений // Поспелов Г.Н. Вопросы методологии и поэтики: Сб. ст. М., 1983.

171. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 1-2. – М., 1958.

172. Потехня А.А. Теоретическая поэтика: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Б.Муратова. 2-е изд., испр. - Спб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр “Академия”, 2003.

173. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-112.

174. Раньше кириллицы и глаголицы...// Пятигорская правда.— 2005. — № 56.

175. Рерих Н. К. Держава света. – М.: Изд-во Эксмо, 2005.

176. Рерих Н. К. Зажигайте сердца. - М., 1990.

177. Рерих Н. К. Священный дозор. – Рига, 1992.

178. Розин В. М. Семиотические исследования. – М.: ПЕРСЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.

179. Романенко А.П. Образ риторика в советской словесной культуре. – М., 2003.

180. Русская грамматика, т. I, I - II (Грамматика-80) – М.: Изд-во АН СССР, 1980.

181. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997.

182. Сафронова-Левина Н.И. Правда о главном секрете русского языка. – М., 2002.

183. Сахно О.С. Фразовая номинация как средство речевой эвфемизации (на материале языка русской художественной литературы XIX – XX вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2006.

184. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). – М., 2003.

185. Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. - М. - Екатеринбург, 2001.

186. Сидоров В. На вершинах. Творческая биография Н. Рериха. – М., 1977.

187. Сизова Н.Е. Сопоставительный анализ структуры урбанонимов Лондона, Парижа и Москвы // Стилистика и культура речи: Межвузовский сборник научных трудов.– Пятигорск, 2004. - С. 44-53.

188. Симонян Р. «Едесия - Эдиссия» историко-этнографический очерк, с. Эдиссия, 1998.

189. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. - М., 1999.

190. Словарь воровского языка: Слова, выражения, тексты, татуировка. – Тюмень, 1991.

191. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. – М., Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, Изд-во Око, 2005.

192. Соколов Б.В. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Очерки творческой истории. – М., Наука, 1991. – 176 с.

193. Соколов Б.В. Язык и стиль // Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. – М., Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, Изд-во Око, 2005. – С. 753-761.

194. Соколов Б.В. Расшифрованный Булгаков. Тайны

- «Мастера и Маргариты». – М.: Яуза, Эксмо, 2006.
195. Солдатов Г.А. Русский язык: О духовной этимологии слова. – Краснодар, 2004.
196. Солоухина О.В. Образ художника и время (Традиции русской литературы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Москва, 1987. № 3. – С. 170-175.
197. Солсо Р. Л. Когнитивная психология / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2002.
198. Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография. – М., 1989.
199. Степанов Ю.С. Константы: Словари русской культуры. - М., 1997.
200. Степанов Ю.С., сост. Семиотика: Антология. Изд. 2-е. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
201. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М., 2003.
202. Стилистический энциклопедический словарь русского языка (СЭСРЯ) / Ред. М.Н. Кожина. – М., 2003.
203. Тарасенко В.В. Фрактальная геометрия природы: социокультурное измерение // Синэргетическая парадигма. – М.: Прогресс – Традиция, 2000.
204. Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996.
205. Теория метафоры. / Сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990.
206. Толковый словарь современного русского литературного языка (ТССРЛЯ). В 17 т. – М., 1957.
207. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
208. Топоров В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики: Принципы топонимики. – М., 1964.
209. Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка (на материале русского

и немецкого языков) / Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2000.

210. Тхорик В.И. Языковая личность (лингвокультурологический аспект). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2000.

211. Ужанков А. «Коту под хвост» // Действующие лица. Проект «Литературной газеты». – 2006. Выпуск 20. – С. 2-3.

212. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания - 1998.- № 2.- С. 3-21.

213. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.

214. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – М., 1990. – Т.3.

215. Фатющенко В.И. Поэт и художник: случай и система // Художественная литература в социокультурном контексте. Пospelовские чтения. - М., 1997. – С. 50-51.

216. Фесенко Т. А. Ментальный лексикон: проблемы структуры и репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. - № 3. – С. 53 – 58.

217. Фиалкова Л.Л. К гениологии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз., – 1981. - Т. 40. – № 6. – С. 79-83.

218. Флегон А. За пределами русских словарей. – М., 1993.

219. Флоренский П. У водоразделов мысли // Соч. в 4-х т. - Т. 2 (1). - М, 2000.

220. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., “Русский язык”, 1978. С.240.

221. Фреге Г. Избранные работы / Сост. В. В. Анашвили и А. Л. Никифорова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997.

222. Фрикке Я.А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности (на материале языка художественной литературы). Дис... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2003.

223. Фуко М. Что такое автор? // “Лабиринт - Эксцентр”. - 1991. - №3. - С.20-35.

224. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994.

225. Халипов В. Постмодернизм в системе мировой культуры // Иностранная литература. - 1994. - №1. - С.235-240.

226. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / Под ред. В.Д. Бондалетова. - 2-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2005.

227. Черкесск // Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г. М. Лаппо. – М., 1998. – С. 516-517.

228. Чернец Л.В., ред. Введение в литературоведение: Учебное пособие – М.: Высшая школа, 2004.

229. Чесноков П.В. О двух картинах мира – статической и динамической//Известия СКНЦ ВШ: Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1989. - №3. – С. 63 – 69.

230. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Предисл. Ф. Искандера. 2-е изд. - М.: Книга, 1988.

231. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – С. 91 – 105.

232. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — СПб., 1915.

233. Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии. - М., 1989. - Т.2.

234. Штайн К.Э. Метапоэтика А.С. Пушкина // «ТЕХТУС»: Избранное. 1994-2004. - Вып.11. - Ч. 1.- Ставрополь, 2005. – С.297-304.

235. Штайн К.Э. Метапоэтика. «Размытая» парадигма // «TEXTUS»: Избранное. 1994-2004. – Ставрополь, 2005. – Т.1. С. 143-153.
236. Щукина Д.А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста. – СПб., 2003.
237. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». – СПб.: Symposium 2003.
238. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Перев. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004.
239. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Перев. с итал. А.Н. Коваля. – СПб.: «Симпозиум», 2006.
240. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. - М., 1995.
241. Эмблемы и символы. - М., ИНТРАДА, 2000.
242. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П.Сковородникова. - М.: Флинта : Наука, 2005.
243. Юшта В. В. К вопросу о балкарской топонимике // Вестник ПГЛУ: Молодёжное приложение. – Пятигорск, 2005. - № 1. – С. 44-51.
244. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. – М., 2001.
245. Языковая номинация: Виды наименований (ЯНВН). – М.: Наука, 1977.
246. Языковая номинация: Общие вопросы (ЯНОВ). – М.: Наука, 1977.
247. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М.,1995.
248. Beatie B.A., Powell P.W. Story and Simbol: Notes towards Structural Analysis of Bulgakov's «The Master and Margarita» // Russian Literature Triquarterly, Ann Arbor, 1978. №

15.

249. Burov, A. A., Tchougounnikov, S. A propos de la genese de la notion de modele dans ia semiotique russe sovietique Chroniquees slaves, Numero 5, Le XXe siècle revisite, CESC/Centre d'etudes slaves contemporaines, Universite Stendhal – Grenoble 3, 2009. - P. 237-253.

250. Eco U. Semiotique et Philosophie du Langage.: Press Universitaire de France, 1988.

251. Lakoff G. Women, fire und dangerous things... What the categories reveal about mind. – Chicago, Ie – Univ.

252. Lakoff G. The Pragmatics of Modality // Papers from the English Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago, 1972. – P. 229-246.

253. Mandelbrot B. The Fractal Geometry of Nature. – N.Y: Freeman, 1983.

254. Maturana H. The Nature of Time [Электронный pecып]. – ([http: www.inteco.cl/biology/nature.htm](http://www.inteco.cl/biology/nature.htm)).

255. Milne L. The Master and Margarita: a Comedy of Victory. Birmingham, 1977.

256. Riegenbach H. Michail Bulgakows Roman «Master I Margarita»: Stil und Gestalt. Berne, 1979.

257. Right A.C. Michail Bulgakow: Life and interpretations. Toronto, 1978.

258. Solomon H.T. Religion and Philosophy in Bulgakov's «The Master and Margarita»: Roots in the Silver Age and Pavel Florenskii's writings. Ph. D. Thesis. Univ. of Kansas, Lawrence, 1997.

259. Wierzbicka A. Semantics culture and cognition: Universal human concepts in culture – specipic cognifications. New-York, 1992.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Село Эдиссия Ставропольского края в лингвокультурологическом измерении

Научно-исследовательское пространство проблем изучения социолингвистических характеристик функционирования русского языка в поликультурном регионе (к которым относится Северный Кавказ и, в частности, Ставропольский край) чрезвычайно многомерно. Одним из его измерений является ономастикон, исторически формирующийся, развивающийся в непосредственной связи с изменениями, происходящими в социуме.

На территории Ставропольского края, в Курском районе, расположено село Эдиссия, основанное в 1798 году. Эдиссийцы – «осколок рассеянного армянства», потомки выходцев из киликийского города Урфа. Село Эдиссия является уникальным во всех отношениях: в житейском укладе, в традициях и обычаях, в языковом общении. Несмотря на самобытность эдиссийцев, многие вопросы, связанные с их культурой и языком, до сих пор фактически не изучены. Быт, язык, фольклор жителей с. Эдиссия еще требуют дополнительного исследования. Единственным научно-популярным трудом в этой области можно считать историко-этнографический очерк Р. Симоняна «Едесия - Эдиссия», опубликованный к 200-летию создания села в 1998 г. Поэтому обращение к истории и культуре, отразившихся в особенностях языка жителей этого села, в частности - топонимической лексике, следует считать новым в исследовании данного участка картины мира Ставрополья. Как показывает современная история Кавказа, для установления прочного мира и согласия в этом беспокойном регионе необходимо всеми способами налаживать контакты между проживающими здесь этносами, поэтому настоящие учебные материалы представляются актуальными и востребованными.

Отметим, что предмет изучения – эдиссийский диалект – уникален именно вследствие своей узкой локальной распространенности: он фиксируется исключительно в пределах одного села, образованного его жителями 210 лет назад. Исследование основано на материалах, полученных в ходе многолетнего изучения села и эдиссийского диалекта с помощью таких методов, как наблюдение, обобщение материала, анкетирование и опрос респондентов, статистическая обработка данных, лингвокультурологический и лексикографический анализ и др.

Понятие лингвокультурного текста и его региональные аспекты

Под лингвокультурным текстом мы понимаем пространство языкового сознания этноса, закрепляющего образы материальной и духовной культуры – плоды человеческой деятельности как результат познания мира в человеке и человека в мире. Лингвокультурный текст материализуется в языковой картине мира этноса, где получают свои имена-названия такие субстанции, как земля (территория), этносы, факты их культурной деятельности, быт, нравы, обычаи и традиции.

Произведения любого лингвокультурного текста имеют региональную окрашенность: «у нас так принято называть...», «у нас так говорят...» и т.д.

Кроме регионального колорита, подчас неповторимого, при этом происходит самоидентификация этнического начала, утверждение неповторимости и самобытности культурного локуса в языковых фактах, и прежде всего в имени, как собственном, так и нарицательном. По базовому названию региона и периферийным его именам, прежде всего собственным, мы определяем весь лингвокультурный фон населяющего регион этноса, как в историческом, так и в современном плане.

Лингвокультурология рассматривает язык как систему воплощения культурных ценностей. Точкой пересечения интересов лингвистики и культурологии оказался текст. Быть текстом – значит принадлежать к особому миру, миру социальной коммуникации. Поэтому текст – это своеобразная трансляция опыта человеческой деятельности, сущности культуры, которую Витгенштейн назвал совместной жизненной практикой. Поэтому текст – это средство исследования и понимания действительности. Именно категория понимания выводит на первый план человека, языковую личность.

Почему так важно знать лингвокультурные региональные характеристики этноса, особенно если его представители «обречены» на поликультурный диалог с другими этносами, преобладающими в том же регионе? Во-первых, потому, что язык и культура в лингвокультурологическом аспекте выходят на равнозначный уровень. Опыт языковой личности отражает результаты человеческого сознания нации, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, текстах в широком понимании этого слова, но самое главное – в живой разговорной речи, в дискурсе. Именно в этом ключе нам интересна языковая личность, речевая деятельность которой строится посредством билингвизма. Особенно интересно это явление на Северном Кавказе, в поликультурном регионе, где слились воедино многие языки и культуры, общекавказское и исконно русское, тюркское и армянское. Именно Кавказ как поликультурный текст призван сохранить это сочетание, не потеряв при этом некоей неординарности.

С другой стороны, нам интересны не только собственно лингвистические, но и культурно-исторические предпосылки развития того или иного языка. Все кавказские языки (а особенно языки малых народностей Кавказа) претерпевали многочисленные изменения, попадали под некое влияние других этносов. Естественно, это не

могло не отразиться на языке. В этом ключе нам интересны языки, вобравшие в себя немалое количество слов, этимологию которых иногда проследить трудно, так как языки разных групп явили собой своеобразный синтез, который если не дал начало новому языку, то коренным образом изменил лингвистическое сознание народа.

Как известно, лингвокультурология «призвана установить базовые оппозиции культуры, закрепленные в дискурсе» (Красных). Рассматривая эти «сгустки культуры в сознании человека» – концепты – (Степанов), мы находим как некоторые базовые, так и индивидуальные их составляющие. И здесь наша задача – выявление не только собственно лингвистических, но и – главное – культурных основ возникновения концептов, принципов их вербализации. Это особенно ясно и ярко представлено в устном народном творчестве, где первичные познания народа трансформируются в текст, определенным образом систематизируются. В этом отношении нам интересны не только эпические тексты, но и более узкие их проявления – пословицы, поговорки, песни и пр.

Таким образом, лингвокультурология призвана установить связь между текстом и культурой, установить региональные инварианты текстов, проследить развитие языка в дискурсе культуры.

Село Эдиссия на карте Ставрополя и его топонимика

Кавказский хребет веками стоял на пути нападавших с юга на север и с севера на юг воинственных племен. Между Каспийским морем и самой восточной точкой Кавказских гор расположилась равнинная полоса, которая соединяла Северный Кавказ с Закавказьем. Эта равнинная полоса и явилась «коридором» сквозь преграду гор. Именно по этому естественному «коридору» Персия в первых веках нашей эры подвергалась набегам хазаров. На пути набегов кочевников первыми жертвами становились марзпанства Персии Аран или Кавказская Албания (по-армянски - Агванк), столицей которой был Капагак (позднее измененное - Кабала). Во время правления персидского царя Хосрова (531 - 579) на северо-восточной окраине этого марзпанства был построен могучий «узел ворот» - крепость Дербент. До строительства Дербента здесь был пограничный гарнизон, который назывался Чора или Джога. Именно в этом регионе с незапамятных времён жили армяне. Единство веры способствовало мирному сосуществованию людей.

Историческая судьба эдиссийцев

В изданной в 1855 г. в Тифлисе работе Саргиса Джалаляна «Путешествие по Великой Армении» мы находим первое исследование о «прародине» эдиссийцев провинции Мушкур, или Мускур Кубинского ханства, где впервые в исторической литературе представлены все известные наименования называемого ныне Эдиссией села – Касаем (Касаева Яма), Корай и Новая Едесия. Но автор работы не знал, что село это первоначально имело еще и три других условных названия. Царское правительство поручило «инвентаризовать» начавшееся хозяйственное освоение Северного Кавказа через пять лет после обоснования армян здесь, на берегу Куры. В центральном государственном архиве Астраханской области хранится карта, составленная в 1802 году. На ней отмечен населенный пункт под названием Армянское село (оно тогда не имело названия) который находился на краю леса, на левом берегу реки Куры, но чуть ниже нынешнего местоположения. Так как местные жители знали армян как пришельцев из Дербента, дербентцев, то в многочисленных документах Эдиссия называлась также Дербентским селом.

Местность, на которой располагалось село, была с ямами и ухабами, поэтому в русских источниках село долгое время называлось Касаева яма. Но в армянских источниках, до того как называться Эдиссией, село долгое время называлось именем реки Куры – Курай, а жители – курайцами. Именно поэтому эдиссийцы и сегодня называют себя «курайлу».

В 1849 году эдиссийцы ставят вопрос о переименовании своего села. Об этом пишет прошение штатскому губернатору Ставрополя уполномоченный сельской общины Асатур Гюльбекян «Согласно высочайшему манифесту их (касаевоямцев) общине дается возможность иметь свой суд и управляться им. Нынче в ознаменование столь счастливого для них преобразования община желает, чтобы Касаева Яма была переименована в «Едессию», по русскому звучанию – Эдиссия (как в одно время Ереван русские называли Эривань), в память о древней армянской столице Эдессы, где одно время царствовал армянский царь Абгар».

Существует также народная этимология названия Эдиссия:

Князь Потемкин, отвечая на вопросы беженцев (эдиссийцев), говорил:

«Я приветствую ваше желание, братья-армяне! Перейдите на левый берег Терека, с которого начинаются наши владения, и где захотите, там и обоснуйтесь, постройте дома и церковь, землю засеите,

скотину держите и будьте счастливы из поколения в поколение. Так что иди и сей, брат армянин!»

Этих слов «иди и сей» не поняли не очень сильные в русском языке беженцы, подумали, что это название местности, отведенной им. От повторения «иди сей, иди сей» превратилось в Эдисей, Эдиссию.

Другие считают, что новое село армянских переселенцев долгое время не имело названия. Большая часть его жителей поначалу работала на ближайшем немецком хуторе, хозяином которого был некто Эдисон. Он помогал армянам стать на ноги, обзавестись собственным хозяйством. Проходит время, и встает вопрос названия для села. Тогда благодарные армяне называют место своего проживания селом Эдисона, отсюда и произошло название Эдиссия.

Топонимика как важнейшая составляющая ономастикона отражает все те изменения, которые вносит в свою жизнь носитель языка, выступающий главным маркером региолектного состояния.

Топонимический ракурс

Топонимика представляет глубочайший интерес для ряда наук, в первую очередь для истории, географии и лингвистики, так как исследует совокупность географических названий, их происхождение, эволюцию, смысловое значение, распространение, повторяемость, модели. Не чужды ей также вопросы написания и передачи топонимов от одного языка другому, чем она может способствовать их стабилизации и унификации.

В работе мы исследуем годонимы – названия улиц с. Эдиссия. В результате мы составляем словарь годонимов с. Эдиссия. **Годонимы** - названия улиц, бульваров и переулков, **агоронимы** – названия площадей и других мелких объектов внутри населенных пунктов. Они составляют сложную систему, связанную с многочисленными переосмыслениями одних и тех же имен.

Исследование сельских микротопонимов – **годонимов с. Эдиссия**, предпринятое в настоящей работе, носит экспериментальный характер и обобщает наблюдения над фактами языка как в бытовом, так и в научном аспектах.

Рассматривая годонимы села Эдиссия, мы обязаны учитывать билингвальный контекст их употребления. Многонациональность и многоязычность как специфические черты Ставрополя способствовали развитию билингвизма. Следствием межкультурной коммуникации носителей иберийско-кавказской, тюркской и

славянской групп языков является взаимовлияние и взаимообогащение их лексики, развитие терминологической системы под влиянием русского языка, эволюционирование выразительных средств.

При этом языковые контакты карачаево-балкарского, кабардино-черкесского, абазинского, ногайского с русским языком в XIX веке имели своим результатом заимствование из русского языка или через его посредство, в основном, разговорно-бытовой лексики и топонимики. Часть заимствований восходила к речи жителей казачьих станиц Верхней Кубани и Зеленчуков, поэтому заимствования из русского языка, носившие устный характер, претерпевали впоследствии фонетические изменения в соответствии с законами заимствующих языков и носили следы влияния южновеликорусского диалекта.

В XX веке в словарь родных языков народов Ставрополя входит в пласт лексико-семантических групп общественно-политической и специальной лексики и терминологии, антропонимия, топонимия. Происходит и обратный процесс заимствований.

В качестве оснований, давших названия улицам и переулкам с. Эдиссия, выделяются следующие:

1. *Имена исторических деятелей:* ул. Калинина, ул. Шаумяна, ул. Абовяна, ул. Миронова.
2. *Социальные и исторические явления:* ул. Комсомольская, ул. Советская, ул. 30 лет Победы.
3. *Названия растений:* пер. Виноградный.

В словаре предпринимается попытка объяснить названия годонимов с. Эдиссия и с точки зрения их происхождения. Проанализировав собранный материал с помощью методов описания, систематизации и этимологизации, можно сделать вывод о взаимовлиянии тюркских и славянских языков, отразившемся в урбанонимике исследуемого региолекта.

Районы села Эдиссия

В Эдиссии четыре района (квартала). Район Кырвалы самый старый...

50 семейств села Кильвар (Кильвар) (это число часто встречается в письменных источниках и в устных преданиях), в июне 1797г., достигнув русских пределов, сразу же обосновываются в отведенном им правительством месте. Эти 50 семейств из кубинского села Кильвар стали основополагающим ядром Эдиссии. Но слово «кильвар», видоизменившись в устной речи, стало «кырвалы». В

районе **Кырвалы** воздвигнута церковь Сурб Аствацацин (Пресвятой Богородицы), самая старая армянская церковь в Ставропольском крае.

Вверх по реке Куре основывается квартал **Мангалар**.

В годы советской власти на территории этого большого армянского села было организовано три колхоза: имени ВЦИК СССР, имени Шаумяна и Шести условий товарища Сталина. В результате чего образовалось еще два района: **Шаумян и Шести условий**. Квартал Шести условий расположен в самом центре села. Здесь находится МОУ СОШ с. Эдиссия, здание администрации с. Эдиссия, поликлиника, мемориал жертвам ВОВ «Никто не забыт, ничто не забыто», местный стадион и, как ни странно, сельское кладбище.

На каком языке говорят и пишут эдиссийцы?

Жители Эдиссии – уникальная этническая группа, армяне, говорящие на языке тюркской группы. Эдиссийцы сохранили свою самобытность, национальный уклад жизни, веру, не удалось лишь сохранить язык предков.

По свидетельству историка Эзова, эдиссийцы стали использовать тюркский язык ещё в первой четверти XVIII в. Это произошло в результате строжайшего запрета турками армянскому населению говорить на родном языке. Многие армяне тогда лишились жизни, отвергая эти посягательства на родной язык, который постепенно стал забываться. Редкие семьи смогли сохранить свой язык. Однако, что касается некоторых слов, то они нередко встречаются в разговорной речи, особенно старшего поколения. Существует несколько сотен таких слов. Но в последнее время даже эти слова забываются и заменяются русскими словами. На сегодняшний день в эдиссийский диалект входят слова и выражения из тюркской семьи языков, а также русские слова, древнеармянские, грузинские и многие другие.

Многие годы школа в Эдиссии была армяноязычной. Уроки русского языка преподавались лишь два раза в неделю. Читать и писать школьники учились как на армянском языке, так и на русском. Но с приходом советской власти такие школы были запрещены, что посодействовало распаду армянского языка на территории Эдиссии.

Существует ли эдиссийский язык? Основываясь на вышеизложенном (в частности на том, что на эдиссийском говорит лишь определенная группа людей), можно сделать следующий вывод: эдиссийского языка не существует, существует *эдиссийский диалект*. Его можно определить как лексико-фразеологическое и

грамматическое пространство, включающее тюркские, армянские, русские и некоторые другие языковые элементы (где тюркские заметно доминируют над остальными) в эдиссийской «оболочке», употребляемые ограниченным числом людей (около 6 тыс.), которые связаны территориальной общностью и находятся в постоянном и непосредственном языковом контакте. Письменной формы диалект не имеет, пишут эдиссийцы на русском. Однако в эдиссийской школе на сегодняшний день преподаётся армянский, как родной язык.

От тюркских языков эдиссийский диалект отличается акцентологическими особенностями, более медленным темпом речи.

В окружении русского казачества диалект подвергся русифицированию. Многие слова и выражения русского языка прочно закрепились в эдиссийском диалекте. Например, из форм приветствия в эдиссийском диалекте существует только две: саба хэирь (доброе утро. Букв. Саба здесь – утро, хэирь – польза) и ахшаммыз хэирь (добрый вечер. Букв. Ахшаммыз – наш вечер) на что обычно отвечают аббат хэирь (так отвечают редко, но что такое слово аббат в Эдиссии никто не знает). Формы же прощания как таковой нет. Обычно, прощаясь, эдиссийцы говорят русское «до свидания». Иногда говорят гёркярух (увидимся). Прощаясь вечером говорят яхши геджялу олун (хорошо провести вечер), на что обычно отвечают аман дурун (пожелание проснуться в благополучии. Букв. Аман – хорошо, благополучно, в здравии; дурун - проснитесь).

В эдиссийский диалект входили все слова, которые появились в русском языке XVIII века, так как именно с XVIII века русский язык становится главнейшим источником заимствований. Также могли происходить заимствования слов из осетинского, кабардинского и балкарского языков как результат торговых взаимоотношений эдиссийцев с их носителями.

Устное народное творчество эдиссийцев

Важнейшим культурным наследием эдиссийцев является устное народное творчество. До сих пор в речи жителей с. Эдиссия встречаются пословицы и поговорки, отдельные слова из которых уже употребляются крайне редко, так как они устарели и нашли своё новое русскоязычное обличие. Сказки, народные предания и загадки со временем стали забываться. Причиной этому явилось развитие современной молодежи, которая имеет отличные от взрослого поколения интересы.

По рассказам старшего поколения, их отцы и матери очень часто рассказывали им сказки на эдиссийском диалекте. Но в наши дни, к сожалению, этим редко кто интересуется.

Маленький народ Эдиссии – удивительно красивый народ, глубоко уважающий традиции своих предков. Вот почему в речи эдиссийцев так часто звучат выражения, восходящие к фольклору тех этносов, которые питали своей культурной энергетикой творчество маленького народа.

Загадки

Сару чаккал, узун саккал (парпат)

Желтое лицо, длинная борода, (кукуруза)

Бирь бочкада ики турлю чахыр: бири ах, бири сару

(йимырта)

В одной бочке два сорта вина: одно – белое, другое – желтое (яйцо)

Аттан бойлу, отган алчак (еярь)

Выше лошади, ниже травы (седло)

Пословицы

Казаны аһзы ачух олса, итэ намус гярягь

Если кастрюля открыта, собаке совесть

нужна

Кясьлен чёрярь япышмаз

Отрезанный хлеб обратно не приклеится

Аяхвы узад ёрхана гёря

Ноги протягивай судя по одеялу

Кёйнэ саманы совурма

Старую солому не перебирай

Архалу кёпяги курд басмаз

Плечистого мужика черви не съедят

Душманлярвы шад илямя

Врагов не радуй

Йозьгя атына минэн тэзь душарь

С чужой лошади быстро слезешь

Коншины тоохы коншия каз гёрькярь

Соседская курица соседу гусем кажется

Йозьгя кяндуриня куя гирья

Чужой веревкой в колодеце не лезь

Сяны ташна, сян – ашна

Тебя камнем, ты – кашей

Адам адама дярьянду

Человек человеку лекарство

Ит иты аяхы сындырмаз

Собақа собақе ногу не сломает

Хатун ярсуз – ат еярсуз

Жена без мужа – лошадь без седла

Тукюрмя куя, оннан су ичярся

В колодець не плюй, с него пить придется

Шарна хэирь – кардаштулар

Горе и радость – сёстры

Сказка

(эдиссийский вариант)

Андраник

Олту олмытту бирь хатунна кци. Олту оларда йючь кызы. Бырь ёл аталары ебярирь бёиг кызы сучу, кыз гидирь сува, отурырь сувы янында и ойляныр...

Мян бёюнэрямь, той оларам, мяндя олар охлум. Адын коярам Андраник. Охлан он иллух олар, миняр оджахашурюшуб йыхылар, баши таша дягярь, ёлярь. «Вай мен, вай мен, охлум джан!», -отурырь ахлыирь.

Атасы ебярирь ортанджилъ кызы. Ортанджилът кызы гялирь гёрирь бёигъ баджи ахлыирь. «Нолту, баджи, нэчу ахлыирься?», - хябярь алыр. Баджисы гав илиирь: « Мян бёюнэрямь, той оларам, мяндя олар охлум, Адын коярам Андраник. Охлан он иллух олар, миняр оджаха, шүрюшуб йыхылар, баши таша дягярь, ёлярь. Вай мен, вай мен, охлум джан!». Отурыллярь, бирьгя ахлыильлярь.

Аталары ебярирь кчигь кызы оларчу. Кчигь кыз гидырь гёрирь баджиляри отуртулар бирьгя ахлыильлярь. «Нолту, баджилярь, нячу ахлыирьсуз», - хябярь алыр. Баджиляр гав илиильлэрь, отуруб йючи да ахлыильярь.

Сора аталары ебярирь хатуны кызларчу и сучу. Хатун гялирь гёрирь йючида йёкюрь йёкюрь ахлыильлярь. Амманэ, нолту, балаларым, нэчу ахлыирьсуз. Бёигь кыз онада гав илиирь Андраникчу. Анасыда язухы гялирь шаха, ода башлыирь кышкырыб ахламаха.

Аталары бахыр бахыр, верчи йёзи гялирь семьясычу. Гялибь гёрься амсы ахлыирь Бёигь кыз атасынада гав илиирь Андраникчу. Атасы да ахлыя ахлыя дыирь: «Алуз сувы гидах, йёкюзиди кэсях, Андраникэ ирямят илиях».

Сказка

(русскоязычный вариант)

Андраник

Было это или не было, жили муж с женой. Было у них три дочери. Однажды отправляет отец старшую дочь за водой. Идёт девушка, садится у воды и думает: «Я повзрослею, выйду замуж, родится у меня сын, назову я его Андраник. Исполнится сыну 10 лет, залезет он на печку, поскользнувшись, упадёт, головой о камень ударится и умрёт. Ваймен, ваймен!», - плачет девушка.

Отец, замечая, что дочери давно нет, отправляет за ней среднюю дочь. Сестра, увидев старшую плачущей, начинает её расспрашивать. Старшая рассказывает: «Я повзрослею, выйду замуж, родится у меня сын, назову я его Андраник. Исполнится сыну 10 лет, залезет он на печку, поскользнувшись, упадёт, головой о камень ударится и умрёт». «Ваймен, ваймен, - плачут сёстры, - бедный Андраник, бедный наш!».

Отец отправляет младшую дочь за сестрами. Идёт она и видит, как сестры изливаются слезами.

«Что случилось, сестры, почему вы плачете?», - спрашивает младшая. Старшая сестра все рассказывает младшей. Садится младшая и плачут они втроём.

Отец отправляет жену за дочерьми и за водой. Увидя дочек, она в испуге спрашивает: «Амманы, девочки мои, что случилось? Почему вы плачете?» Старшая дочь и ей рассказывает историю о своем сыне Андранике. Подсев к дочерям, начинает она с ними плакать, восклицая в истерике: «Бедный Андраник, бедный Андраник!».

В конце концов отец сам идет за ними. Приходит и видит: сидят четвером и изливаются слезами. Старшая дочь рассказывает и отцу о Андранике. Отец, плача, говорит: «Берите воду, пойдем домой. Зарубим быка, надо поминки сделать Андранику».

(Перевод В.А.Аваковой)

Комментарий составителей:

На первый взгляд, эта сказка о глупом человеке. Казалось бы, чему она может научить, ведь «сказка ложь, да в ней намек»? Вместе с тем, давайте задумаемся в этот непривлекательный текст.

Сказка «Андраник» повествует о нравственных аспектах отношений между людьми, которые должны уметь различать добро и зло, ум и глупость, этику и неэтичность – те категории, которые определяют поведение человека в этом мире.

Сегодня бытовые отношения являются главными в судьбе человека, который вынужден бороться за выживание в стране, где провозглашены все официальные принципы демократизма, тем не

менее не соблюдающиеся ни на одном уровне общественных и личных отношений.

Поэтому, как нам кажется, сказки, подобные «Андранику», полезны не только юным, но и взрослым жителям России, поскольку эти тексты напоминают нам о единстве нашего Исхода, о необходимости отвечать за свои поступки.

Мы полагаем, что следует говорить о существовании специфической разновидности армянского языка, которую называем «эдиссийский диалект». Последний мы определяем как лексико-фразеологическое и грамматическое пространство, включающее тюркские, армянские, русские и некоторые другие языковые элементы (где тюркские заметно доминируют над остальными) в эдиссийской «оболочке», употребляемые ограниченным количеством людей (около 6 тыс.). Эдиссийцы связаны территориальной общностью и находятся в постоянном и непосредственном языковом контакте. Их культура, равно как и язык, находятся в зоне взаимодействия очень сильных лингвокультур, прежде всего – русской, а также, в меньшей степени традиционной армянской и тех культур, которые так или иначе влияют по сей день на общение жителей маленького села.

Однако Эдиссия как самобытный анклав армянской культуры продолжает жить благодаря кровной связи со своими предками, чьи культурные истоки восходят к великому царству Урарту. Хочется верить, что, открывая тайны языка и культуры маленького региона, мы постигаем лингвокультурную вечность всех живущих на этой земле людей, назначение которых – было, есть и будет – жить в мире и завещать миролюбие своим потомкам.

Тюркизмы в эдиссийском диалекте.

Гюн – день, яхши – хорошо, су – вода, ерь – место, ал – возьми, гятурь – принеси, чох – много, олар – будет, сесь – звук, гёзь – глаз, саат – часы, диирь – говорит, саба хэирь – доброе утро, чих – выйди, гёрь – смотри, дунян – вчера, куча – улица, илан – змея, биширь – вари, эт – мясо, шах – мальчик, ребенок, неджся – как ты, чохтан – давно, исьтямах – просить, яхын – близко, конши – сосед, бахмах – смотреть, ешиирь – живет, отур – садись, сахла – оставь, тут – держи, гюльмах – смеяться, гяль – иди, гяльдым – пришел, баш – голова, сора – потом, эль – рука, йюзь – лицо, калды – осталось, курбан – жертвоприношение, аз – мало, эри – да, йох – нет, ятмах – спать, палтар – одежда, йювмах – мыть, йэ – кушай, кши – мужчина, саба – завтра, бюрьсюгюн – послезавтра, кыз – девушка, пул – деньги, гетмах – иди, чахырмах – звать, мэйля – округа, сёкмах –

распороть, элэ – так, бильмах – знать, сахламах – оставлять, демах – говорить, гёрмах – видеть, бахмах – смотреть, чихмах – выйти, эшитмах – слышать, кутармах – заканчиваться, исьтамах – просить, дюшьмах – слезать, вярэ – дай, дэмах – говорить, геймах – надевать, гейдырмах – одевать, чих – выходи, нэйным – мне-то что, йадма дюшты – вспомнил, бэтырэ – хуже, чоxtан – давно, баа – дорого, гюль – цветок, нэ – что, илямах – делать, башламах – начинать, иль – год, гетмах – идти, кутармах – заканчивать, кэсьмах – резать, ит – собака, дохмах – рожать, узун – длинный, даи – ещё, чатмах – доходить, доезжать, сах ол – спасибо, инды – теперь, йандырмах – жигать, вар – есть, йэккя – большой, гятурьмах – приносит; **родственные отношения** - ата – папа, кайна – свекровь, охлы – сын, кардаш – брат; **местоимения и наречия** – һамы – все, бырда – здесь, ардан – откуда, мяня – мне, бу – этот, мында – здесь, олар – они, мэн – я, сэн – ты, бизь – мы, о – он, она, оно, это, сюзь – вы, мына – на него, һарда – где, бизим – наши, сюзюн – ваши; **числительные** - бирь – один, дёрьд – четыре, бешь – пять, алты – шесть, сьяккызь – восемь, доккуз – девять, он – десять, мин – сто.

Армянизмы в эдиссийском диалекте

кенац – тост, чакат – лоб, мишьт – всегда, кочак – пуговица, каркут – град, намус – совесть, кар – глухой, кор – слепой, верч – конец, тезь – быстро, часто, конах – гость, тас – рюмка, һарах – водка, тут – тутовник, хач – крест, жам – церковь, сус – тихо, молчи, шалвар – брюки, кётуг – пень, шар – клевета, бой – рост, хонджа – маленькие круглые столы, нышан – родинка, знак, мармин – тело, дрошак – флаг, пот – складка, кап – связка, тава – сковорода, канджух – забияка, плякян – ступеньки, тук – сливы, каш – брови, дилим – долька, кясиб – бедно, марал – красивая, стройная, шор – соленое, тоз – пыльгод, жигать, шаш – больной на голову, азад – свободный, кунч – угол

Словарь годонимов с Эдиссия

А

Абовяна (тип- ойкономим, вид - годоним) – улица. Хачатур Абовян (1805-1848) — основоположник новой армянской литературы, глашатай демократического возрождения армянского народа в 30-40-х годах XIX столетия, автор бессмертного исторического романа «Раны Армении».

Атанасова (тип – ойкономим, вид - годоним) – улица, основана в 1995 году, названа в честь Рубена Ильича Атанасова (1975 - 1995) –

уроженца с. Эдиссия, участника чеченской войны. 4 августа 1995 года посмертно награждён медалью «Александра Суворова».

Арутюнова (тип – ойкономим, вид - годоним) – улица. Арутюнов Олег Седракович (1967 – 1999) уроженец с. Эдиссии, инспектор ДПС с роты ГИБДД старшина милиции. 8 января 1999 года погиб при попытке освободить захваченного в заложники 14-летнего жителя с. Эдиссии Владислава Мурадханова. (при исполнении служебного долга был смертельно ранен)

Б

Береговая (тип – ойкономим, вид - годоним) – улица, от берег – общесл., индоевр. характера. Общесл. * berg – «гора, высокий берег» восходит к индоевр. *bherghos – «гора, высота», производному от *bherg- - «выступать, выдаваться».

В

Ватутина (тип – ойкономим, вид - годоним) – улица, названа в честь Никола́я Фёдоровича Вату́тина (3 декабря 1901, село Чепухино близ Курска — 15 апреля 1944) — генерала армии (февраль 1943), Героя Советского Союза, принадлежит к плеяде основных полководцев Великой Отечественной войны.

Виноградный (тип – ойкономим, вид - годоним) – переулочек, от виноград . Из ст. – сл. виноградъ – словообразовательная калька готск. weinagards.

Г

Гаврилова (тип – ойкономим, вид - годоним)- улица. Гаврило Тигран Григорьевич (1962 - 1982) уроженец с. Эдиссия, трагически погибший в Афганистане, уже отслужив срочную службу. Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Гагарина (тип – ойкономим, вид - годоним)- улица, основана в 1963(64)году, названа в честь Гагарина Юрия Алексеевича (1934 - 1968), первого космонавта СССР, впервые в истории человечества 12 апреля 1961 года совершившего полет в космос.

Д

Дзержинского (тип – ойкономим, вид - годоним)- улица, возникла в 20-е годы. Феликс Эдмундович Дзержинский (1877-1926) - деятель революционного движения и советского государства, один из основателей советских органов безопасности и разведки.

З

Зоотехнический (тип – ойконим, вид - годоним) – переулок. В 50-60 г.г. здесь была ветеринарная лечебница, в которой работали ветеринарные техники Б.А. Саркисян и Д.В. Арутюнян.

И

Интерната (тип – ойконим, вид - годоним) – переулок. Назван так по ошибке, этот переулок планировали назвать Интернациональным, в честь дружбы народов.

Исаакяна (тип – ойконим, вид – годоним) – улица. Аветик Исаакян (19 (31)октября, Александрополь – 17 октября 1957, Ереван) – выдающийся армянский поэт, прозаик, публицист. Академик АН армянской ССР (1943).

К

Калинина (тип – ойконим, вид - годоним) - улица, названа в честь Михайла Ива́новича Кали́нина (7 (19) ноября 1875, деревня Верхняя Троица Тверской губернии — 3 июня 1946, Москва) — советский государственный и партийный деятель.

Кошары (тип – ойконим, вид - годоним) – улица, которая не имеет имени собственного, но считается объектом адресации.

Комсомольская (тип – ойконим, вид - годоним) – улица, названа в честь комсомольско-молодежной стройки(В честь ВЛКСМ).

Красная (тип – урбаномим, вид - годоним) - улица. Красный цвет – символ революции.

Красноармейский (тип – ойконим, вид - годоним) – переулок. Назван в честь Красной Армии.

Л

Ленина (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. Ленин Владимир Ильич (1870–1924) - революционер, политический деятель советской России, лидер большевистской революции, глава советского правительства (1917–1924). Настоящая фамилия – Ульянов. Родился 10 (22) апреля 1870 в Симбирске (ныне Ульяновск).

М

Миронова (тип – ойконим, вид - годоним) – улица. Миронов Филипп Кузьмич (Козьмич, Казьмич) (1872—1921) — казак, советский военачальник, командарм 2-й конной армии.

Моздокская (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. Именно по этой улице ежедневно проходит автобусный маршрут на г. Моздок.

Мостовая (тип – ойконим, вид - годоним)- улица, от мост. общесл. Буквальное значение слова мост – «перекинутое, переброшенное через что-то». Сомнительным представляется объяснение слова мост как заимст. из герм. яз., где mast – «мачта, столб».

О

Октябрьский (тип – ойконим, вид - годоним)- переулоч. Назван в честь Октябрьской революции 1917 года. От октябрь, русск.-ц.-слав. октоврь, октомврии, охтоврии, октомбрь, др.-русс. октябрь. От лат. october.

П

Партизанская (тип – ойконим, вид - годоним)- улица, от партизан. Из фр. яз. в XVIII в. Фр. partisan – «сторонник» - ит. partigiano, производного от parte – «часть».

Пушкина (тип – ойконим, вид - годоним)-улица, названа в честь Александра Сергеевича Пушкина (6 июня 1799, Москва — 10 февраля 1837, Санкт-Петербург) — русского поэта, драматурга и прозаика, реформатора русского литературного языка.

Пятилетки (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. Пятилётка — период, на который осуществлялось централизованное планирование экономики в Советском Союзе.

С

Садовая (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. От сад, укр., блг. сад, др. русск. садъ «дерево, растение, роща, сад». ст.-сл. садъ (Супр.), болг. сад «насаждения», сербохорв. сад «новое насаждение», словен. sad «плод, плантация», чеш., слвц. sad. «сад, насаждение, парк», польск. sad «сад, парк», в.-луж., н.-луж. sad «фрукты, сад». Праслав. sadъ «посадка» - стар. основа на –и, от садить, сидеть, сесть. Ср. др.-инд. sadas «езда верхом, сиденье».

Свердлова (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. Свердлов Яков Михайлович (Моисеевич; партийные псевдонимы — Андрей, Макс; 1885, Нижний Новгород, – 1919, Москва), революционер, советский партийный и государственный деятель.

Советская (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. От совет, заимств. из ц.-слав., ср.др.-русс. съветь.

Степная (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. Образована в 1967г. От степь, др.-русс. спеть «низина», укр.степ; *сътеп от тепу, т.е. «вырубленное место».

Т

Теряна (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. Вааган Терян() – великий армянский поэт конца XIX – нач. XXв.в., народный писатель, первый заведующий народного образования, ученик М.Горького, большевик.

Х

Химиков (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. До распада СССР здесь была районная сельхозхимия, которая занималась химизацией сельского хозяйства районаю.

Ш

Шаумяна (тип – ойконим, вид - годоним)- улица. Степан Шаумян – коммунист, революционер, один из 26 бакинских комиссаров.

Ю

Южный (тип – ойконим, вид - годоним)- переулок. Название образовано конверсией от прилагательного «южный» («юга – у Даля «засуха, мгла, духота»; др.-рус. угъ «юг, южная сторона, южный ветер»).

30 лет Победы (тип – ойконим, вид - годоним)- улица, образована в 1975 г. В год построения первого дома на этой улице, исполнилось 30 лет победы в Великой Отечественной войне.

Топонимы и гидронимы Кабардино-Балкарской республики

Ономастика как наука специфическая включает в себя многие компоненты - исторический, географический, этнографический, культурологический, социологический, литературоведческий, - которые находятся в сложной диалектической связи. Это позволяет исследователям выявлять не только особенности наименования различных объектов, в том числе географических, но также изучать традиции, связанные со способами номинации этих объектов; ономастика также занимается закономерностями развития и функционирования имен собственных всех типов.

Так как имена собственные отражают изменения, происходящие в окружающем мире и в общественной жизни, ономастика дает ценнейший материал для истории, устанавливая места поселений и пути миграций народов, помогает в исследовании межкультурной коммуникации, соотношения языков и культур различных этносов. Таким образом, исследование ономастикона чрезвычайно актуально для поликультурных регионов, к которым относится и Северный Кавказ. Разъяснение спорных вопросов в области ономастики позволяет уточнить и детализировать языковую и культурную картины мира этого региона.

Важной частью Северного Кавказа является территория Кабардино-Балкарской республики, расположенная в центральной части Большого Кавказа. На территории республики проживают различные этносы, среди которых значимое место занимают кабардинцы и балкарцы. Кабардинские и балкарские ученые занимаются исследованием проблем региональной ономастики. Однако в их работах существует множество противоречий и ставится ряд нерешенных вопросов, что негативно сказывается на культурно-языковой континууме республики. Поэтому в своём исследовании мы постараемся систематизировать уже существующий материал по этой

теме и представить свои материалы исследования ономастической картины региона.

Места Кабардино-Балкарии являются для нас родными, а потому сами наименования топонимов и гидронимов с детских лет интересуют с точки зрения их этимологии.

Кабардино-Балкарская Республика на карте Северного Кавказа

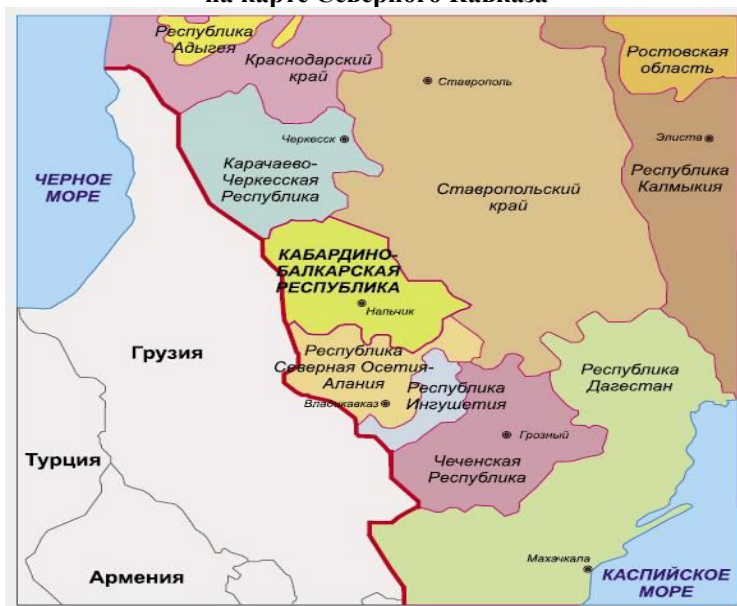

Рис.1. Кабардино-Балкария в контексте региона

Кабардино-Балкария (столица - город Нальчик) находится в центральной, наиболее высокогорной части (от 3000 до 5000 м. и выше) Большого Кавказа, на его северных склонах в бассейне левых притоков реки Терек. Республика занимает часть Предкавказской равнины. Площадь Кабардино-Балкарии составляет 12,5 тыс. км². Общая протяженность границ составляет 696 км. Большая часть линии границы проходит по низким предгорьям и равнинам, а меньшая – по горам. Республика граничит на севере со Ставропольским краем, на востоке и юго-востоке с Республикой Северная Осетия - Алания и

Республикой Ингушетия. Южная граница республики – граница с Грузией, она же является государственной границей России с Грузией протяженностью 130,7 км. На западе Кабардино-Балкария граничит с Карачаево-Черкесской Республикой (рис.1).

Республика обладает достаточно развитой речной сетью. Общая площадь речных бассейнов составляет 18 740 км². Основные реки республики: Терек, Малка, Баксан, Черек, Чегем, Нальчик, Шалушка, Куркужин, Лескен, Курп, Аргудан и др. Характерными особенностями этих рек являются: общая направленность с юго-запада на северо-восток (за исключением Терека); в верховьях, которые расположены в высокогорьях, реки протекают в узких долинах, имеют значительные уклоны, большую скорость течения, а выходя на равнины, реки расширяют свои долины; все основные реки и их притоки (кроме р. Золки, относятся к бассейну Терека (рис.2)

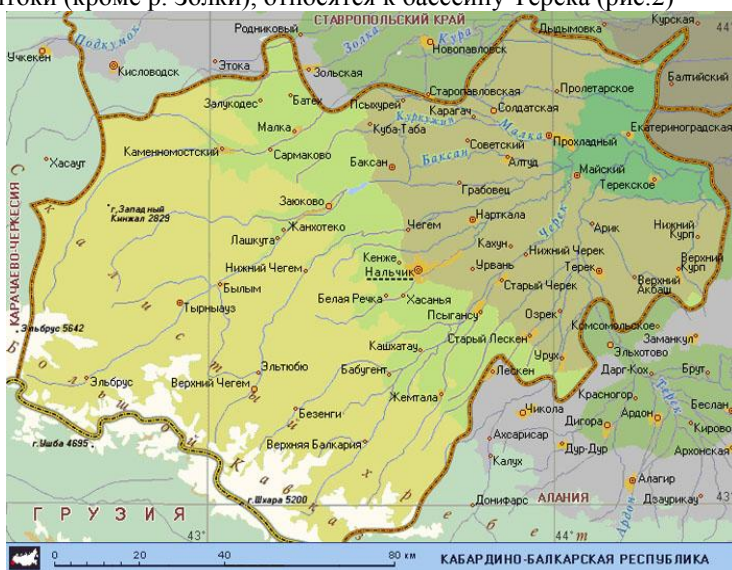

Рис.2. Топонимы и гидронимы Кабардино-Балкарии

Озер на территории Кабардино-Балкарии более 100. Наиболее известное из них - Нижнее Голубое озеро (Цериккель).

Города и сельские поселения располагаются по берегам рек. Всего в республике 7 городов, 4 поселка городского типа (Адиюх, Залукокоже, Кашхатау, Чегем I), а также большое количество малых поселений. Кабардинские и балкарские населенные пункты образуют два цельных этнических массива. Население гор - в основном балкарцы, равнины - кабардинцы.

Топонимы

Исследования топонимов Кабардино-Балкарии показывают, что на образование тех или иных наименований влияли различные факторы, а потому и пути формирования этих топонимов многообразны. Так, названия, которые имеют кабардинское и балкарское происхождение, можно разделить на следующие группы:

1) названия населенных пунктов, которые связаны с цветовой характеристикой (каб. *Акъбаш* «Акбаш» (село) из тюрк. *акъ* «белый» и *баш* «голова»; каб. *Къэрэгъэш* «Карагач» (село) из тюрк. *къара* «черный» и *агач* / *агъач* «дерево, лес»));

2) названия населенных пунктов, которые связаны с водой (каб. *Псыгансу* (балк. Сукансуу), в речи адыгов «псы» - вода; каб. *Псыкод* («куод»-много) – «много воды»; каб. *Псынэдахэ* - «родник красивый»; каб. *Псыниоко* (псы+ншэ-лишение+къэу «балка») - «балка без воды»; каб. *Псыхурей* (псы+хурей «круглый»)- «круглая вода»);

3) названия населенных пунктов, образованные от личных имен (*Аушигер* (Аус+Герга) – греческий Иисус; *Зарагиж* – по имени юноши; *Кишпек* - по имени крестьянина; *Хамидие* - по имени революционера Кабарды; *Адиюх*- по имени женщины);

4) названия населенных пунктов, связанные с постройками, укреплениями, этническим или другим субстратом (каб. *Герменчик* («гермен»-крепость, «чик» - малый), каб. *Нарткала* «город нартов», *Куба* (араб.- «купол»));

5) названия, связанные с особенностями рельефа (*Гебчук* (*Гебчокъа*) – местность на правом берегу Чегема ниже Н.Чегема (от каб. *ЕкIэпцIэкъуэ* «ольховая балка»; тюрк. *Арик* - «безлесые горы»; карач. *Тырныауз* – «журавлиное ущелье» (в языке карачаевцев сохранилось слово «турна» - «журавль» (в балкарском - нет); установлено, что они жили в Баксанской долине до середины XI века);

6) названия населенных пунктов по рекам (г. *Терек*, п. *Черек*, с. *Малка*, пгт *Чегем*, п. *Урух*, ст. *Зольская*, п. *Залукокоаже*, г. *Нальчик* (рис. 3, 4), п. *Шалушка*, *Баксаненок*);

7) названия, связанные с обозначениями животных, растений, деятельностью человека (*Гернегеж* – название населенного пункта (от каб. *джэртэджэж* «эхо»);

Рис. 3. река Нальчик

Рис. 4. город Нальчик

На образование топонимов Кабардино-Балкарии значительное влияние оказали элементы, имеющие иноязычное происхождение. Это в основном славянские, осетинские, тюркско-монгольские, абхазо-убыхские элементы. Подобное влияние объясняется историческим взаимодействием между различными этническими группами на данных территориях. Представляется возможным выделить несколько основных пластов:

1. Славянский пласт: *Плановское, Урожайное, Прохладный, Кременчуг-Константиновское* (перенос названия Кременчуг),

Прималкинское, Александровское, Комсомольский, Первомайский (топоосновы советского периода), *Сармаково, Баксаненок* (формы на -ово, -енок), *Новоивановка, Неволька* (уменьшительный суффикс –к(а)), *Черная Речка, Белая Речка, Старый Урух* (топонимы с определениями или антонимичными словами), *Индюк, Кинжал* (искажения).

2. Осетинские элементы: *Урух* («широкий»), *Уэрыстэн* («белая река»), *Гинах* («замок», «укрепленная сакля»);

3. Тюркско-монгольские названия: *Герменчик* («крепость»), *Брамтэ* («беглый раб»), *Тырныауз* («журавлиное ущелье»), *Адай* - тюркский этноним, *Карагач* («черное дерево»).

4. Абхазо-убыхские элементы: *Жэманктул, Жэмансу-* «желтая дорога», *Гумыщхэ* (каб.)-*Гумахъа* (абаз.), (гум-песок), абаз. охъа, каб. щхэ-«голова»(верхове).

5.Элементы других языков: *Аушигер* (ороним - гора «Аус» «Герга»-гора греческого Иисуса, *Куба-* араб. къубба-«купол».

Гидронимы

Рассмотрим этимологию названий рек Кабардино-Балкарской республики.

Р. Терек - (известны более ранние названия – Ломеки, Аландон, Фермодонт и др.) (рис. 5).

Рис. 5. р.Терек

Считается, что название реки происходит из тюркских языков. В «Этимологическом словаре русского языка» М.Фасмер по этому поводу пишет: «...Терек выводится из балкарского «терк» –

быстрый, резвый, буйный». На первый взгляд это соответствует критериям сравнительно-исторического метода в языкознании. К тому же, согласно письменным и археологическим источникам, тюркоязычные кочевники появились в среднем течении Терека и в его низовьях с VI – VII веков н.э. Однако имели место и другие толкования смысла, заложенного в слове «Терек». Некоторые из них, кроме частичного звукового соответствия, не имели под собой надежного обоснования и в науке не утвердились.

Существует ещё одна этимология этого слова, с точки зрения которой название данной реки имеет семантику, близкую таким словам, как «граница», «пограничье», «пограничная река». В VII – X веках н.э. Терек и в самом деле был границей между Хазарским каганатом и Восточной Аланией, возможно, именно тогда данный гидроним и закрепился в языках кавказских народов, в частности, в осетинском. Основанием этой теории может служить, к примеру, то, что в некоторых национальных вариантах «Нартского эпоса» (карачаевский, кабардинский, вайнахский) почти все предания и событийные факты этнической истории часто связаны с рекой Терек.

В осетинской нартиаде встречается загадочная страна Терк-Турк, т.е. соединение названия реки с этнонимом «турк». В одном из сказаний мы читаем о том, как ранее погибший мальчик-нарт, отпущенный на один день из Страны мертвых, отправляется с отцом в военный поход именно в страну Терк-Турк. Разжившись там скотом, они переправляют его через Терек и таким образом уходят от погони. Отсюда видно, что между терк-турками и нартами граница проходит по реке Терек. Этот сюжет частично отражает сложные взаимоотношения аланов (нартов) с кочевыми народами Тюркского, а затем и Хазарского каганата.

Р. Баксан – название реки Баксан и одноименного ущелья "Басхан-Аууз" протяженностью около 110 километров (рис.6).

Рис. 6. р. Баксан.

Гидроним происходит от слова, имеющего значение «затопившая, разлившаяся река», что по-балкарски звучит как «Басхан суу». Это название река получила из-за одного древнего и катастрофического ее разлива, который был вызван сходом селевого потока, перекрывшего русло. В результате образования естественной плотины в верховье реки стала накапливаться вода, и река затопила близлежащие населенные пункты. Жители Приэльбрусья помнят предание о том, как их предки поднимали свое имущество на склоны гор и жили на кошах, пока напор воды не прорвал селевую плотину, и уровень реки не упал до прежнего. В связи с этим событием появилось и предание о «казане семьи Сулпахаровых». Престарелый глава этой семьи спрятал на склоне горы казан с золотыми монетами и семейным серебром, но неожиданно и скоропостижно скончался, не успев сообщить членам семьи место тайника. Их дальнейшие и длительные поиски не дали результата, что и стало основой появления среди жителей Баксанского ущелья поговорки «как казан Сулпахаровых», подразумевающей неожиданно утерянное имущество.

В балкарском языке существует несколько вариантов произношения названия этой реки, например - «Басхан суу», «Бахсан-Суу», «Баксан», «Къобан-Суу», «Баскан-Тау», «Къобан-Суу», «Баскан-Тау», «Ала-Тау», «Басхан-Аууз».

Современное название «Баксан» связано с метатезой, «Бахсан-Суу». Семантика гидронима Баксан перекликается с карачаево-балкарским названием р. Кубань – «Къобан-Суу», дословно «поднимающаяся река».

Некоторые кабардинские учёные предлагают происхождение гидронима в фонетической форме «Бахъсэн». Этимологических и исторических версий по этому поводу две. По одной из них «Баксан»

происходит от кабардинского – «бахъэ» - пар и «санэ» - «бурлящий (кипящий) напиток», то есть река названа так из-за того, что образует в своем бурном течении водяные брызги, похожие на пар. По другой версии, согласно кабардинскому преданию, впервые озвученному Шорой Ногмовым, правителем кавказских антов, будто бы являвшихся первопредками адыгов, был князь Бако, сын Дао. Он, по версии Ш. Ногмова, жил в речной долине на Центральном Кавказе. Этот князь, как и его семь братьев и семьдесят человек из числа «антской» знати, были убиты королем готов Винитаром. Сестра князя Бако собрала тела своих братьев и похоронила их в долине реки, затем заказала статую своего брата и в память о нем изменила «древнее» название реки Альтуд, которая с тех пор якобы стала именоваться «Баксан».

Несмотря на подобные предположения, большинство современных учёных придерживается той точки зрения, что рассматриваемый гидроним имеет именно карачаево-балкарское происхождение.

Адыр-Суу (рис. 7) - название правого притока реки Баксан и одноименного ущелья, бокового ответвления от основного Баксанского ущелья в районе с. Верхний Баксан. Слово «Адыр» в тюркских языках имеет значения «отрог горы», «ответвление горного хребта», «приток реки», и является праформой слова «айыр» - разветвление, разделение, развилка. Гидроним Адыр-Суу, таким образом, является обозначением притока реки Баксан, который при движении вверх по течению, как бы разветвляется на основное русло и приток – Адыр-Суу. Слово «Адыр» широко применяется в тюркской топонимике и гидронимике Средней и Центральной Азии (Мурзаев 1984: 39). У слова «Адыр» есть и значение «стремительное движение», что также могло стать основой происхождения гидронима.

Рис.7. Адыр-суу.

Майкопсе - гидроним адыгейского происхождения и состоит из двух основ: «мэкъу» - сено и «псы» - вода, река. Полностью «мэкъупсы» - «сенная река».

Малка (рис.8) - крупный левый приток Терека. От балкарского «мал» - скот, домашние животные, т.е. «река для домашних животных». По берегам реки расположены богатые пастбища. Другое название реки - Балыксу («рыбная») было дано из-за обилия в ней форели.

Рис. 8. р. Малка

Исследования показывают, что существует большое количество гидронимов, общих для кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков. Многие из них друг от друга отличаются только

на фонетическом уровне. Например: *Бахъсэн* – *Бахсан* (река), *Лабэ* – *Лаба* (река), *Индыл* – *Эдил* (река Волга).

На территории, заключенной между верховьями Кубани и Терека, преобладает тюркская гидронимия: каб. *Жылансу* «речка, которая питается из родников» из кар.-балк. *жылан* «змея» и *суу* «вода»; каб. *Жыцу* (речка, правый приток Подкумка) из кар.-балк. *жылы суу* «теплая вода»; каб. *Жьуарджэн* – речка, впадающая в Баксан. Балкарский вариант *Жуарген* от названия кормовой травы «*жуарген*» и др.

В настоящее время под воздействием экстралингвистических факторов представители нового поколения кабардинцев и балкарцев произносят топонимические названия на русский лад.

В итоге отмечается сближение в произношении географических наименований, а иногда полное стирание различий в устном фонетическом оформлении одного и того же географического названия у кабардинцев и балкарцев.

Топонимы и гидронимы в истории (по сведениям из письменных памятников)

Топонимы и гидронимы территории современной Кабардино-Балкарии впервые начинают упоминаться в переписке русских властей и кабардинских князей в связи с различными событиями общественной и политической жизни Кабарды. Некоторые топонимы и гидронимы встречаются в документах, вошедших в сборник «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.», изданный в 1957 году к 400-летию со дня присоединения Кабарды к России.

В указанном сборнике более 500 документов. В 1629 году в отписке терского воеводы И.А. Дашкова впервые упоминаются следующие наименования:

1. *Сюгунсу* - совр. Сукан-Су, река.
2. *Уруха*, (Урух), река.
3. *Хызынь*, (Хызны-Су), река.
4. *Черех*, (Черек), река.
5. *Балк*, река (Малка) – 1641 г., в отписке терского воеводы С.И. Шаховского в Посольский приказ, в которой сообщается о сражении русских ратников, кумыков и малокабардинцев с отрядами Большой Кабарды и Малой Ногайской Орды, после которой Большая Кабарда уходит еще дальше на запад. Вернулась она в эти места только в начале XVIII века, чем и объясняется отсутствие упоминаний топонимов территории современной Кабардино-Балкарии вплоть до

этого времени. Малая Кабарда весь этот период находилась в окрестностях Терского городка, на Сунже, еще со времен Темрюка, чем и объясняется раннее упоминание Терека, в 1567 году, причем речь идет именно о месте впадения в нее реки Сунжи.

6. *Бахсан*, (кбал. Басхан) - «затопляющая» река – только в 1720 году

7. *Татартюп*, гора и бывший город Джулат - 1742г.

8. *Шалука* (рис.9), река (совр. Шалушка) – 1745г.

9. *Чегем*, река – 1745г.

10. *Кизил-Бурун*, *Кизбурун*, *Кызбурун* – 1746г.

11. *Нальчик*, река -1746 г.

12. *Залука* (совр. Золка), река – 1752г.

13. *Карагач*, урочище – 1751г.

14. *Аксу*, река – 1752г

15. *Кенжек*, река (совр. Кенже)- 1753г.

16. *Кештек*, река – 1753 г.

17. *Кенделен*, река – 1753г.

18. *Кулкужин*, (совр. Куркужин) – 1753г

19. *Курпа*, река (совр. Курп) – 1753г.

20. *Ху*, река (совр. Хеу) – 1753 г.

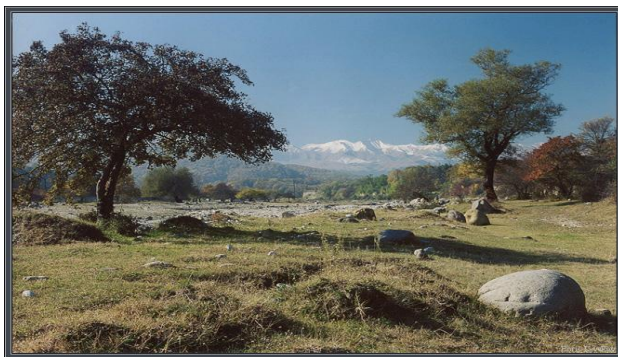

Рис. 9.р. Шалушка

Названия населенных пунктов и водных бассейнов, расположенных на территории современной Кабардино-Балкарской республики, имеют длительную историю и этимологически восходят своими корнями как к тюркской, кавказской, так и к другим языковым основам. Проведенное нами исследование позволило обобщить и систематизировать данные по этимологии топонимов и гидронимов республики. В языковом плане топонимия и гидронимия территории

разделяется на четыре большие группы: кабардинские в своей основе названия; балкарские названия, общие названия (кабардинские и балкарские), другие названия. Появление последних связано с многочисленными миграционными переселенческими потоками, издревле характеризовавшими историю всего Северного Кавказа, находившегося на пути пересечения торговых и культурных путей с древности. С XVIII в. меняется политика русских царей к данному региону – этот факт обусловил начало появления названий русского происхождения в истории всего региона.

В результате тесного взаимодействия народов, проживающих в настоящее время в регионе, отмечается сближение в произношении географических наименований, а иногда полное стирание различий в устном фонетическом оформлении одного и того же географического названия у кабардинцев и балкарцев. Под воздействием экстралингвистических факторов представители нового поколения кабардинцев и балкарцев произносят топонимические названия на русский лад.

В наше время территория Кабардино-Балкарской Республики привлекает не только красотой своих мест, но и богатой фольклорной традицией. Многие этимологии топонимов и гидронимов связаны именно с этническим эпосом, многовековыми легендами и преданиями.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	5
<i>Глава 1.</i> Современная русская языковая картина мира: аспект речевой номинации.....	8
<i>Глава 2.</i> Кирилло-Мефодиевская традиция и формирование русской языковой картины мира.....	24
<i>Глава 3.</i> Номинация как текст: к постановке проблемы анизотропности наименования.....	33
<i>Глава 4.</i> Номинация, миф и языковая картина мира в романе В.О.Пелевина «Шлем ужаса».....	43
4.1. Миф с позиции А.Ф.Лосева.....	44
4.2. Семиотическое понимание мифа у Р.Барта.....	49
4.3. Миф в интерпретации М.Элиаде.....	55
4.4. Роман В.Пелевина “Шлем Ужаса” как мифологизированный постмодернистский текст.....	59
4.5. Семиосимволика названия романа и имен главных героев.....	68
4.6. Семиосимволика пространства романа.....	77
4.7. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности романа как произведения, написанного в стиле чат.....	82
<i>Глава 5.</i> Номинация и концептуализация (лингвоконцепт «Любовь» в эссеистике Н.К.Рериха).....	89
5.1. Особенности реализации концепта «Любовь» в современном русском языке.....	89
5.2. Концептуализация любви в философской эссеистике Н. К. Рериха.....	108
<i>Глава 6.</i> Языковая картина мира и возможности синтаксической номинации в русском языке.....	119
6.1. Феномен синтаксической номинации в современном русском языке.....	120
6. 2. Синтаксическая номинация в контексте языковой картины мира.....	132

<i>Глава 7. Выражение явных и скрытых смыслов в художественном тексте (М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита»)</i>	147
7.1.Специфика художественной языковой картины мира.....	147
7.2. Особенности советской языковой картины мира 20-30 годов XX века.....	150
7.3. Соотношение явных и скрытых смыслов в дискурсе романа.....	161
7.4.Метатекстовая характеристика пространства романа «Мастер и Маргарита» (внешний и внутренний метатекст).....	171
<i>Глава 8. Метатекстовые и метамодальные аспекты фразовой синтаксической номинации</i>	193
<i>Глава 9. Аппроксимационный потенциал синтаксической номинации в русском языке</i>	209
9.1 Аппроксимация как языковой феномен.....	209
9.2.Аппроксимация и номинационно-синтаксический семиозис.....	214
9.3. Основные модели и типы номинационно-синтаксического субстантивного аппроксимационного обозначения.....	215
9.4. Разрушение структуры местоименно-субстантивных аппроксиматоров.....	221
<i>Глава 10. Номинация отечественных реалий начала XXI века в языковой картине мира (духовность: pro et contra)</i>	230
Вместо послесловия.....	248
Библиография.....	250
Приложение 1.....	270
Приложение 2.....	288

Александр Архипович БУРОВ

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(СПОСОБЫ РЕЧЕВОЙ НОМИНАЦИИ)**

Филологические этюды

Сдано в набор 14.05.2010. Подписано в печать 17.05.2010
Формат 60x84 ¹/₁₆ Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Уч.-изд.л. . Тираж 100 экз.

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
Отпечатано в Центре информационных и образовательных технологий ПГЛУ

Буров Александр Архипович, доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой русского языка Пятигорского государственного лингвистического университета с 1984 года. Окончил аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина. Является автором семи монографий, десяти учебно-методических пособий, около двухсот статей, в том числе в центральной печати (журналы “Русская речь”, “Русский язык в школе”, “Русский язык в национальной школе”, “Журналист”). Имеет публикации в зарубежных изданиях. Около 40 лет преподает в вузах и средних учебных заведениях. Руководит аспирантурой по языкознанию и журналистике. Член специализированных советов по защите диссертаций в ГОУ ВПО “Ставропольский государственный университет” и ГОУ ВПО “Пятигорский государственный лингвистический университет”. Член Союза журналистов РФ.

Награжден грамотами Министерства образования РФ, Думы Ставропольского края, Нагрудным знаком “Почетный работник высшего профессионального образования России”, Нагрудным знаком “Почетный работник науки и техники РФ”